ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 22 (5036)
29 мая
СРЕДА
1985 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 57-й

Юрий ЯКОВЛЕВ

ЩИТ МИРА НАД ДЕТСТВОМ

В НАШЕ тревожное время дети становятся символом мира. О японской девочке Сасеки Садако я написал маленькую книжку—«Белые журавлики». Один экземпляр ее хранится в музее Хиросимы. Об этой девочке знает весь мир. Она родилась после ядерного взрыва, но радиация догнала ее, и девочка стала угасать. Все дети мира переживали за нее, слали ей бумажных журавликов, как символ своей любви. Японская девочка умерла. Но на ее могилу продолжают слетаться бумажные журавлики — символ детской солидарности.

Нет ничего более обжигающего сердце, чем страдания детей. Я видел детей на войне, я видел, что делает с ребенком непосильное горе. Может быть, как детский писатель, я болезненно воспринимаю страдания детей. Поэтому «Это не должно повториться!» — не риторика. Каждый человек приходит к нему своим путем.

Только что мы отметили 40-летие Победы. Эхо войны прокатилось в наши дни, его не ослабило время, оно обострило память бывших солдат, вновь заставило задуматься тех, кто родился после. Праздник Победы стал смотром сил, противостоящих сегодня войне.

В наши дни два слова все чаще стоят в опасной близости — война и дети. Эти слова по своей природе несовместимы. В их противоестественной близости и кроется напряженность нашего времени. И когда перед глазами проходят кадры детей, убитых пулями наемников в Никарагуа, осколками снарядов в Ливане, ножами мятежников в Афганистане, мы видим результат этого трагического сближения.

Мощь нашей страны — в первую очередь щит, прикрывающий ребенка. Спасая от войны своих детей, мы спасаем детей всего мира.

В первый день лета мы задумываемся не только о безопасности, но и о судьбах наших детей, стараемся заглянуть в их будущее. Реформа переступила порог школы, и от нее повеяло обновляющей свежестью. Уже появились классы, в которых понятия «компьютер», «электроника», «ЭВМ» перестали быть абстрактными, вошли в жизнь, участвуют в учебном процессе и порождают не только новую методику, но и новую психологию, без которой немыслим современный человек ни в науке, ни на производстве.

Да, школа приблизилась не только к науке, но и к производству. Производственное обучение обретает новое качество. Дети осваивают множество важных, чужных стране рабочих специальностей. В стенах школы заработают станки, застучат молотки. Рядом с учителем появился опытный рабочий-наставник. Но, может быть, самое главное — привить детям добросовестное отношение к труду, научить творчески подходить к работе, почувствовать общественный смысл созидания. Из школы должно быть выдворено все устарелое, и тем более устарелое не должно выдаваться за новое. И, конечно, должна возрасти роль литературы как выразительницы нравственного начала. Нужна литература современная в несиюминутном, а в самом глубинном смысле слова. Какое трудное и какое увлекательное поприще для тех, кто отдает перо детям и юношеству!

Дети. Наши дети. Мы должны вырастить и воспитать их сильными, самостоятельными людьми, вложить в их сердца огонь коммунистической идейности, а их духовный мир сделать богатым и чистым. Пусть им будут не чужды такие понятия, как милосердие, доброта, жертвенность...

Наших ребят всегда увлекала романтика космоса, но их никогда не увлечет бесчеловечная идея звездных войн. Сбережем же прекрасными и поэтичными землю, океан, космос! Будем крепче держать щит мира над нашими детьми, над детьми всей планеты.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Какие проблемы ставит перед нами НТР? На этот и другие вопросы «ЛГ» отвечает Председатель Совета Министров Латвии Ю. Рубэн.
стр. 10

Навстречу XXVII съезду КПСС

Заметки о практике организации социалистического соревнования.
стр. 10

ЛИТЕРАТУРА И ШКОЛА
стр. 3

На пороге новой революции в медицине
стр. 12

10 ЧАСОВ В «ПЕЩЕРЕ МУМИЙ»
Репортаж нашего корреспондента — первого из журналистов, побывавшего там.
стр. 12

В Риме начался судебный процесс по делу о покушении на папу римского. Видные советские юристы, участники «круглого стола» «ЛГ», говорят:
Никаких улик против Сергея Антонова нет
стр. 14–15

Дни культуры СРВ

Вечер в ЦДЛ

В Москве в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер вьетнамской поэзии.

Открывая вечер, секретарь правления Союза писателей СССР С. Баруздин сказал: «В прошлом вьетнамская поэзия помогала своему народу бороться с иноземными завоевателями, сегодня она помогает строить новый, социалистический Вьетнам».

Почетными гостями советских литераторов были известные вьетнамские писатели Нгуен Динь Тхи, Суан Зиеу, Тинь Хыу, Хыу Тхинь, Фам Нгок Кань и Тхань Тхао.

О встречах с вьетнамскими поэтами и писателями рассказали Е. Долматовский, Л. Эйдлин, А. Николаев, А. Ревич, М. Ткачев, М. Ильинский.

Вечер вьетнамской поэзии стал яркой демонстрацией дружбы и сотрудничества литераторов двух братских стран.

стр. 7

Праздник литературы в Таджикистане

Дни советской литературы, посвященные 40-летию Победы, начались в Таджикистане.

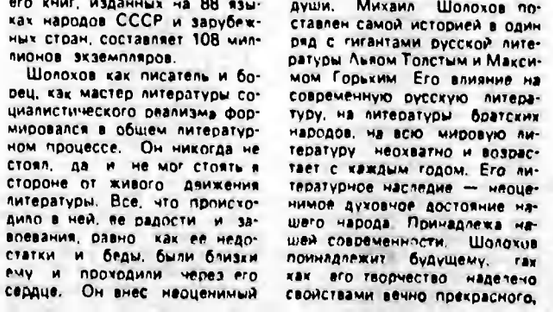
Отчет о Днях будет опубликован в одном из ближайших номеров «ЛГ».

ВЕЛИКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Вечер, посвященный 80-летию со дня рождения М. А. Шолохова

Лучшие черты художника социалистической эпохи воплотились в жизни и творчестве Михаила Александровича Шолохова. Великий писатель нашего времени, плоть от плоти народа, он отразил в своих книгах его революционную энергию, стремление к познанию и преобразованию мира, его высочайшую нравственность, благородство и гуманизм. Творчество Шолохова, покоряющее глубокой искренностью и мощью художественной правды, составляет целую эпоху в духовной биографии XX века.

80-летию со дня рождения писателя-патриота, выдающегося мастера слова был посвящен вечер, состоявшийся 24 мая в Москве, в Колонном зале Дома союзов.

В президиуме — товарищи Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, Е. К. Лигачев, П. Н. Демичев, М. В. Зимянин, заведующие отделами ЦК КПСС Б. И. Стукалин, В. Ф. Шауро, секретарь Президиума Верховного Совета СССР Т. Н. Мжаванадзе, видные деятели литературы и искусства, представители общественности.

Вечер открыл председатель Всесоюзной юбилейной комиссии, первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. Марков.

Шолохова по праву называют летописцем советской эпохи, ее исследователем и певцом, сказал он. История нашей революции, становление советского строя, преобразование крестьянской России на новых, социалистических началах, защита нашего Отечества от иноземных захватчиков, борьба народа за мир и коммунизм — таков широчайший диапазон творческих интересов писателя. На героях Шолохова лежит отсвет гигантских потрясений нашего века, они вписаны с астрономической точностью в свое время и в свою национальную галактику. С полным основанием мы сегодня можем сказать: необоримость социализма наш народ утверждал перед лицом всего человечества не только гигантами индустрии, совхозами и колхозами, сокрушительными ударами победоносного советского оружия по врагам нашей Родины, всеобщей грамотностью советских людей, но и появлением таких художественных шедевров мирового звучания, как «Тихий Дон» и «Поднятая целина», воссоздавших целые этапы революционного преображения жизни, вызванного социальным творчеством народных масс.

Говоря о широком признании творчества Шолохова, оратор отметил, что общий тираж его книг, изданных на 88 языках народов СССР и зарубежных стран, составляет 108 миллионов экземпляров.

Шолохов как писатель и борец, как мастер литературы социалистического реализма формировался в общем литературном процессе. Он никогда не стоял, да и не мог стоять в стороне от живого движения литературы. Все, что происходило в ней, ее радости и завоевания, равно как ее недостатки и беды, были близки ему и проходили через его сердце. Он внес неоценимый вклад в воспитание молодых писателей, щедро вооружал их уроками художественности и идейности, являя высокий пример партийной заботы о будущем отечественной литературы.

Как художник-коммунист Шолохов всегда был в гуще жизни, всегда с партией и народом. Он принадлежит к тем замечательным писателям, чье слово в годы Великой Отечественной помогало ковать Победу. Рассказ «Судьба человека» и роман «Они сражались за Родину» останутся навсегда глубоко волнующими памятниками героизма нашего народа.

Крупнейший мастер эпического письма, гениальный чародей образного слова, тончайший знаток человеческой души, Михаил Шолохов поставлен самой историей в один ряд с гигантами русской литературы Львом Толстым и Максимом Горьким. Его влияние на современную русскую литературу, на литературы братских народов, на всю мировую литературу неохватно и возрастает с каждым годом. Его литературное наследие — неоценимое духовное достояние нашего народа. Принадлежа нашей современности, Шолохов принадлежит будущему, так как его творчество наделено свойствами вечно прекрасного, отмечено классическими чертами. Оно не постареет от времени, будет вечно нужно людям, будет учить их служению Родине и человечности.

Жизнь Михаила Александровича Шолохова воплощает героический характер нашего народа. И поэтому вызывает в каждом из нас чувство гордости за труд писателя, признательность за его подвиг, который умножает на века славу нашего социалистического Отечества.

Шолохов — это знамя нашей современной советской литературы, знамя новаторской литературы социалистического реализма. Шолохов — это деозновенность и смелость художественной мысли, это подлинное половодье чувств и страстей человеческих. Шолохов — это сама правда жизни в его гениальном художественном воплощении. Будут появляться в литературе новые яркие имена, новые вершины. Но шолоховский талант будет всегда сиять своим неповторимым светом. Великий писатель нашего времени, М. А. Шолохов вошел навечно в историю мировой художественной культуры, сказал в заключение оратор. Его имя бессмертно. Его произведения будут любимы и почитаемы всегда!

О Михаиле Шолохове — великом гражданине нашей эпохи, писателе, коммунисте, патриоте, сполна отдавшем свой могучий талант служению социалистической Родине, говорили на вечере представители многонациональной советской культуры.

О новаторстве творчества великого мастера слова говорил писатель Ю. Бондарев (Москва). Он подчеркнул, что это был художник, рожденный своей эпохой, но далеко опередивший свое время. Имя Шолохова, утверждавшего величие человеческого духа, бесконечно дорого и близко современникам.

Наша литература в полный рост возвеличила всю мощь советского строя, его истинно народную основу, озаренную чувством семьи единой, подчеркнул Б. Олейник (Украина). Ярчайший ее представитель М. Шолохов как художник социалистического реализма своей судьбой, своим творчеством открыл еще одну определяющую грань Советской власти — талантливость нашего строя, его предрасположенность наиболее полно раскрывать дарования и отдельной личности, и всего народа. Воистину поразительно — в двадцать три года совершить рывок в космос мировой классики! Но не менее важен, по мнению оратора, идеологический аспект творческого подвига Шолохова, опровергнувшего ложные утверждения буржуазных «советологов», которые упорно пытаются затушевать достижения советской литературы. Если Шолохов всегда осознавал, что своим взлетом обязан Октябрю, то мы благодарно помним, чем обязаны Шолохову как гормисту идей Октября.

Великий гуманист, Шолохов верил в человека, во все лучшее в нем, и этой верой пронизано все его творчество — от первой до последней строки, отметил ростовский писатель А. Калинин. Он любил все доброе, светлое, любил свою Родину, свой народ. И когда пришла на нашу землю война, слово его стало для сражающейся Отчизны столь же незаменимым, сколь уничтожающим оказалось оно для ее врагов. Он всегда был вместе с партией, со страной.

Верный сын русского народа, русской земли, Шолохов и его книги стали родными и близкими для всех советских народов, для людей всего мира, сказал М. Ибрагимов (Азербайджан). Влияние Шолохова на всю многонациональную литературу огромно. Живительную силу его могучего таланта испытали и многие поколения азербайджанских писателей. Судьба подарила мне большую радость еще молодым писателем: мне посчастливилось редактировать первый перевод «Тихого Дона» на азербайджанский язык. Всенародная любовь к Шолохову закономерна: великий писатель, он был и остается великим патриотом социалистического Отечества. Воспоминаниями о встречах с Шолоховым поделился на вечере писатель А. Софронов (Москва). Он прочитал свое стихотворение «В станице Вешенской», посвященное певцу «Тихого Дона».

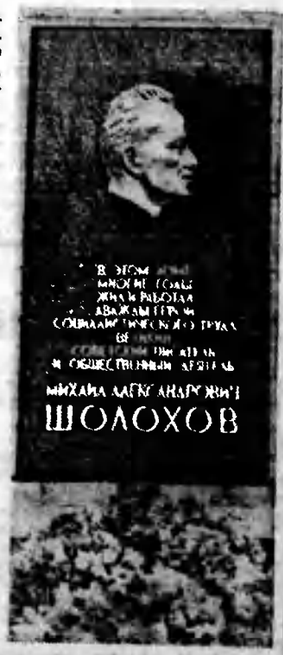
О совместной работе с замечательным художником слова над экранизацией романа «Тихий Дон» рассказал на вечере кинорежиссер С. Герасимов (Москва). Выступающий подчеркнул, что книги Шолохова помогли ему сформироваться как человеку, который всю жизнь занимается искусством. Их сила — в правде жизни, в умении выражать ее не в общих чертах, а раскрывать со всей возможной точностью и глубиной. Роль Шолохова в нашей духовной жизни поистине огромна, отметил оратор. Только потому хотя бы, что написан «Тихий Дон» — громадат революционной эпохи. Такого второго романа у нас еще не родилось.

Слово предоставляется секретарю Ростовского обкома КПСС В. Суслину. Наш великий земляк М. А. Шолохов, до предела занятый творческой и общественной деятельностью, сказал он, всегда находил время, чтобы глубоко вникнуть в дела области, района, отдельных предприятий, колхозов и совхозов. Возвращаясь с партийных съездов, Пленумов ЦК, сессий Верховного Совета, он шел к народу, выступал перед станичниками, докладывал о принятых решениях, вместе со всеми искал конкретные пути их претворения в жизнь. Его родная станица Вешенская давно стала для русского народа светлым символом Отечества. Мы счастливы, что жили с писателем на одной земле, что у нас были общие дела и заботы, печали и радости, заявил оратор. Сегодня вся наша трудовая и духовная жизнь подчинена главной цели — достойно встретить XXVII съезд партии. И это будет лучшей данью памяти, уважения и любви М. А. Шолохову.

Вечер завершился большим концертом мастеров искусств. В их исполнении прозвучали фрагменты из драматических и музыкальных спектаклей, созданных по мотивам произведений Шолохова, песни тихого Дона, которые он так любил.

(ТАСС)

Певцу народной жизни

В канун юбилея в Москве, в переулке Сивцев Вражек, на доме № 33, где многие годы жил и работал писатель, открылась мемориальная доска с барельефным портретом М. А. Шолохова. Авторы ее — художник О. Комов и архитектор Е. Кутырев.

Торжественный митинг, посвященный этому событию, вел заместитель председателя Исполкома Моссовета И. Б. Бугаев. Выступившие секретарь правления СП СССР Е. Исаев, первый заместитель министра культуры РСФСР М. Грибанов, бригадир электросварщиков Г. Прокопенко, студентка Литературного института имени М. Горького О. Лебедушкина говорили о непреходящем значении творчества М. А. Шолохова.

На митинге присутствовали заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев, секретарь МГК КПСС А. М. Роганов, секретари правления СП СССР Ю. Верченко, Ан. Иванов, С. Михалков, Ю. Суровцев.

Дневник «ЛГ»

ЗАБВЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ!

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

ВОТ И ЕЩЕ на двадцать дней повзрослела Великая Победа над фашизмом, 40-летие которой вместе с советским народом-освободителем торжественно отметили наши друзья в социалистических странах, все честные люди планеты. Это был поистине ни с чем не сравнимый, удивительный по своему звучанию и значению праздник, ибо май подарил человечеству мир, а мир, как написал Леонид Леонов, «есть величайшая ключевая ценность нашего бытия, без которой утрачивают смысл и силу все прочие блага и радости жизни. Ее надо беречь от неосторожного обращения всемерно заботливей, чем даже пресловутую зеницу ока; очей-то ведь у нас два!»

Знакомясь с откликом литературно - художественной периодики на 40-летие Победы, выделяешь прежде всего эти раздумья крупнейшего писателя современности, уверенного в том, что «слава наша будет жить, пока живет человеческое слово... Потому что мы защитили не только наши жизни и достояние, но и само звание человека, которое хотел отнять у нас фашизм», с волнением прочитываешь очерки, статьи, заметки В. Катаева, М. Танка, А. Софронова, В. Бубниса, А. Ананьева, Ю. Рытхэу, Ю. Нагибина, других литераторов всех поколений, собранные журналом «Новый мир» под обязывающей рубрикой «Победа в моей жизни, в моей судьбе». В этот же строй встают и ответы М. Алексеева, Н. Грибачева, В. Быкова, О. Гончара, С. Ханзадяна, Г. Бакланова, А. Адамовича, многих других известных прозаиков и поэтов на анкеты, проведенные в майских номерах «Москвы» и «Вопросов литературы». И хотя День Победы по-разному, естественно, запомнился военным корреспондентам В. Каверину и Е. Долматовскому, офицерам-фронтовикам Д. Гранину и А. Межирову или Е. Евтушенко и А. Проханову, мальчишками встретившими этот «праздник со слезами на глазах», отчетливо понимаешь, что и для ветеранов, и для новых поколений 9 мая 1945 года навсегда стало негаснущим символом общенародного героизма и стойкости, сыновней верности Родине, заветам Ильича, делу Коммунистической партии, которую по праву называют вдохновителем и организатором всех наших побед.

Колокола памяти не тревожат вечный покой тех, кто, смертью смерть поправ, отдал жизнь за честь, свободу и независимость Отечества, за мирное небо над планетой. Они, эти колокола, учат мужеству и братству живых, зовут к решительным действиям во имя спасения человечества от угрозы термоядерной катастрофы, снова и снова говорят о том, какой великою ценою была оплачена Победа. И тут воистину никто не может быть забыт и ничто не может быть забыто: ни стратегическое искусство прославленных полководцев Великой Отечественной, о котором, в частности, ярко и аргументированно рассказывает Н. Яковлев в книге «Жуков. Страницы жизни легендарного маршала» («Октябрь», № 5), ни кровь, пролитая в сражениях за каждую безымянную высоту, каждую пядь родной земли, ни тяжкий пот, с которым в тылу выковывалось могучее оружие ответного и победного удара.

СТРАНИЦЫ литературных журналов, посвященные беспримерному подвигу народа, прочитываются в этом смысле как страницы опаляющей и воодушевляющей памяти. И характерно, что среди апрельских и майских публикаций такое видное место занимают произведения, созданные на строго документированной или автобиографической основе, подчеркнуто лишенные даже тени художественного вымысла. Это, естественно, в первую очередь мемуарные свидетельства участников битвы с фашизмом, выступления современных военачальников, военных историков, публицистов, прочно связавших свою судьбу с оборонной темой, с воспитанием молодежи на героических традициях армии и флота. Но это, отметим, и многочисленные публикации, жанр которых нередко определяется авторами как «быль», «документальная повесть», «повесть-воспоминание», «рассказы из фронтовой жизни» и т. п.

Такова, например, повесть Людмилы Овчинниковой «Сталинград, улица Карусельная», которую читателям апрельского номера журнала «Октябрь» представляет Г. Бакланов. Слово «документальная» в подзаголовке к повести в данном случае опущено, но оно безусловно подразумевается, ибо перед нами попытка рассказать о Сталинградском сражении, опираясь как на документы (сообщения Совинформбюро, письма и воспоминания участников боев), так и на пронесенные сквозь сорок лет непосредственные впечатления девочки, которая вместе с матерью и младшей сестренкой была в те дни и месяцы в осажденном городе.

Совсем, казалось бы, иной авторский жизненный опыт лежит в основе документальной повести Евгения Нечаева «Победные залпы» («Новый мир», № 5), а также повести-воспоминания В. Миндлина «Последний бой — он трудный самый...» и повести Анатолия Генатулина «Вот кончится война...», появившихся в четвертом и пятом номерах «Знамени». Но и тут, давая широкую картину завершающего этапа Великой Отечественной войны, говоря о ходе знаменитой Берлинской операции, авторы стремятся максимально избежать какой бы то ни было беллетризации, предпочитая оставаться на почве твердо установленных фактов, цифр, имен и деталей, корректируя собственные воспоминания позднейшими свидетельствами военно-исторической науки.

В приверженности к такой подчеркнуто «суховатой» повествовательной манере таятся, как известно, свои опасности, в особенности если речь идет о событиях, многократно привлекавших внимание советских писателей, мемуаристов, историков. Что-то в новых книгах кажется читателю уже хорошо знакомым; дотошно, тщательно воспроизведенные подробности окопного быта, солдатские «бойки», тактические схемы порою выходят на самый первый план, не позволяя авторам и читателям попристальнее вглядеться в духовный мир, в переживания и помыслы героев; повествование словно бы теряет темп, центростремительную, ударную силу, распадаясь на серию примыкающих друг к другу более или менее интересных эпизодов...

И тем не менее все решает в конечном итоге ощущение абсолютной достоверности, подлинности, возникающее при чтении произведений, где за каждой строкою незаемный, личный опыт автора, прошедшего дорогою войны, как прошли ею артиллеристы Е. Нечаева, кавалеристы А. Генатулина, танкисты В. Миндлина. Поближе узнавая героев войны, которые, по слову поэта, «в сорок первом шли в солдаты и в гуманисты в сорок пятом», читатель, и в особенности читатель молодой, заново задумывается об истоках великой духовной силы народа-исполина, понимает, что и в поверженный «третий рейх» советские воины вступили прежде всего как освободители, ценою своей жизни спасшие германскую нацию от фашизма, шовинистического угара, оголтелой безнравственности, возведенной Гитлером и гитлеровцами в ранг государственной добродетели.

«ЕСТЬ мнение, к которому с некоторого времени обращаются и западные историки: Россия победила по причине количественного преимущества в живой силе и технике», — замечает Савва Дангулов на страницах «Нового мира», подчеркивая, что «грубая тенденциозность такого мнения очевидна: она призвана убедить нас, что победа определена всем, но только не превосходством духа советского народа».

Лучшие, наиболее значительные из журнальных публикаций, как и вся советская литература в целом, ведут непримиримый спор с домыслами и фальшивками профессиональных западных клеветников. В стихах и публицистических заметках, в литературно-критических статьях и рецензиях (здесь особо следует выделить продуманно составленные юбилейные номера «Вопросов литературы» и «Литературного обозрения»), в новинках документальной и художественной прозы неопровержимо показано, что первопричина нашей Великой Победы как раз в превосходстве духа советских людей, в тех социальных, идейно-политических, нравственных ценностях нашего образа жизни, которые предопределили исход второй мировой войны и ныне сдерживают агрессивные поползновения империалистической военщины.

Читаешь, к примеру, скромную, казалось бы, и по объему, и по замыслу повесть Анатолия Алексина «Запомни его лицо...» («Юность», № 4), знакомишься с заботами и переживаниями пятнадцатилетнего подростка, его матери, его старших друзей, и видишь поистине «души золотые россыпи», неисчерпаемые резервы стойкости, человечности, воинствующего благородства, идейной закаленности.

Герои новой повести А. Алексина, заключающей своего рода трилогию «В тылу как в тылу», не совершают подвигов. Напротив, эвакуированные в глубь России, вовлеченные в орбиту большой стройки, они поначалу чувствуют себя чуть ли не беглецами с передовой. И не сразу наступает миг понимания, что именно здесь, в глубоком тылу, проходит их линия фронта, где нужно так же стоять насмерть, отдавая все силы Победе, как стоят насмерть и жертвуют жизнью во имя торжества правого дела солдаты и офицеры на дальней передовой. Народная война — это та война, в которой участвует действительно каждый, кому дорога судьба Отечества, и победные салюты над Москвой в мае сорок пятого звучали в честь всех, кто так или иначе — в орудийном расчете и в экипаже подводной лодки, на оборонной стройке и на колхозном поле, в партизанском отряде и в заводской поликлинике — внес свою лепту в разгром немецко-фашистских завоевателей, в защиту Родины, социализма, социальной справедливости и добра.

Высокие слова? Конечно. Но надо ли стыдиться высоких слов, когда мы говорим о немеркнущей славе народа, о людях, благодаря которым над нашей землею вот уже более сорока лет сияет мирное солнце? Они, как и всякий, наверное, человек, не были идеальными, сконструированными из сплошных достоинств, и Иван Чигринов, например, рассказывая в романе «Свои и чужие» («Дружба народов», №№ 3, 4, 5) о боевых действиях белорусских партизан, стремится прежде всего к тому, чтобы образы народных мстителей предстали перед читателем в психологической и нравственной многомерности, в живой пластике, когда и чувство растерянности, и инстинкт самосохранения, и чисто человеческие слабости перебарывались волею к торжеству над безжалостным и расчетливо-коварным врагом. Тем выше в наших глазах духовное превосходство подлинных героев войны над оккупантами и кучкой предателей, тем значительнее воспитательное значение книги, показывающей в традициях советской литературы, что солдатами не рождаются. Ими становятся в час, когда Родина призывает к подвигу, к выполнению священного долга патриота и интернационалиста.

ОЛУЧШИХ произведениях из тех, что напечатаны в преддверии 40-летия Великой Победы, что готовятся сейчас к выпуску в литературных журналах и издательствах, еще будет, конечно, идти речь на страницах «ЛГ». Время отсеет случайные, не всегда продуманные публикации, определит реальный идейно-художественный вес каждого романа, поэмы, повести, стихотворения, рассказа, пьесы, очерка. Так что не будем торопиться с окончательными оценками, тем более что некоторые приметные, заслуживающие особого разговора произведения еще только начаты публикацией. Это прежде всего, конечно, роман Ивана Стаднюка «Москва, 41 й» («Молодая гвардия», № 5), к которому, безусловно, будет привлечено внимание и читателей, и литературной критики. С интересом ждешь и продолжения романов Вилена Сальковского «На старой Смоленской дороге», Геннадия Семаря «Под одним небом», с начальными главами которых познакомили нас майские номера «Нашего современника» и «Москвы».

И вновь думаешь, что долгая жизнь, читательское признание обеспечены тем книгам, в которых тщательно прописанный быт войны не заслоняет собою героическое бытие народа победителя, в которых главное, преимущественное внимание отдано не мелочам и частностям, а величию души советских воинов и тружеников тыла, в которых торжествует высокая правда жизни, бьется страстная мысль и умное чувство неравнодушного летописца.

Многое уже хорошо сказано и рассказано литературой о войне и воюющем народе. Усилиями нескольких поколений советских поэтов, прозаиков, публицистов, драматургов создана огромная библиотека Победы, установлен высокий уровень идейно-художественного, нравственного и философского постижения волнующей темы. Работать на этой высоте почетно, но и ответственно, ибо с каждого слова спрос здесь особый, ибо мера правдивости, искренности, гражданской и творческой зрелости поверяется памятью о двадцати миллионах павших во имя торжества мира и счастья на земле.

А эта память забвению не подлежит!

ЛИТЕРАТОР

Мнения правят миром, говорили в XIX веке. Даже если отбросить явное преувеличение, эта сентенция отражает один из феноменов XX века: информация стала могущественным орудием политики. Но в чьих она руках?

Информация: КОРИЧНЕВАЯ, ЖЕЛТАЯ ИЛИ СЕРАЯ...

Федор БУРЛАЦКИЙ,
политический обозреватель «ЛГ»

«Культурный» колониализм

Эта проблема обсуждалась на XXXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. По официальным данным, четыре крупнейших западных информационных агентства — АП, ЮПИ, Рейтер и Франс Пресс — контролируют 80 процентов информации, распространяемой в капиталистическом и развивающемся мире. По словам представителя Египта Реда Ахмеда Шехаты, объем информации, передаваемой этими агентствами, составляет около семи миллионов слов в день, в то время как у многих стран «третьего мира» нет даже одного национального информационного агентства и только немногие из них способны распространять информацию в объеме нескольких десятков тысяч слов в день.

Развивающиеся страны, где проживает 75 процентов населения земли, обладают лишь десятью процентами информационных ресурсов и лишь одним процентом ресурсов по обработке данных. Это усиливает их зависимость от западных корпораций. Информационное засилье Запада, отметил представитель Алжира Абдулла Баали, привело к тому, что в настоящее время небольшая группа стран полностью господствует в области информации и навязывает менее развитым странам свою собственную культуру, устои и ценности.

В резолюции сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам, касающимся информации, было поддержано требование развивающихся государств об установлении нового информационного международного порядка, о содействии странам Азии, Африки и Латинской Америки в создании национальных систем массовой информации.

США всеми силами противодействуют требованиям коренного изменения информационного порядка, прекращения идеологической экспансии со стороны стран Запада. США официально объявили, что они прерывают свою связь с ЮНЕСКО. Они выступают против деятельности ООН, которая располагает своими информационными центрами в 57 странах. Вопреки противодействию Запада Генеральная Ассамблея рекомендовала сосредоточить внимание этих центров на проблемах борьбы за мир, разоружение, деколонизацию, права человека, экономическое и социальное развитие за новый международный экономический и информационный порядок.

Экспансия в Европу

Страны Западной Европы, которые вместе с США участвуют в «культурном» колониализме, в то же время все чаще сами выступают в качестве объекта американской экспансии. Не случайно министр культуры Франции Жак Ланг жаловался на «культурный империализм» заокеанского союзника. Он имеет в виду отнюдь не развивающиеся страны. Нет, он говорит о Франции, которая подвергается разлагающему влиянию американизма. Особенно в сфере телевидения и кино.

В начале этого года в американском журнале «Ньюсуик» опубликована статье под выразительным названием «Культурный империализм». США продолжают наступать». Журнал пишет о том, что европейские писатели, издатели, продюсеры, хранители музеев считают: 1984 год был для них годом «величайшей опасности» в связи с усиливающейся культурной экспансией США. Секрет американского проникновение очень прост: европейцы беднее. Несмотря на то, что европейские фильмы получили большее число призов на Каннском фестивале, кинопромышленность этих стран переживает тяжелейший финансовый кризис. Аналогичная картина наблюдается в издательском деле, в области изобразительного искусства и других сферах культуры.

Эта проблема обостряется в связи с предстоящим распространением кабельного телевидения и спутников прямой трансляции на всю Европу. Когда это произойдет, спрос на программы телевидения достигнет, по оценкам экспертов, 125 тысяч часов в год. Англия, Франция, Италия и ФРГ вместе взятые сейчас производят только 5 тысяч часов в год. Остальные 120 тысяч часов будут поставлять США. Если эти тенденции сохранятся, отмечает журнал, то заявления об американском «культурном империализме» в Европе могут показаться слишком мягкими.

Правда, одна только правда...

Теперь о содержании информации, которая распространяется США и другими странами Запада. Не так давно во Франции была опубликована книга Фуада Бенхалла. Она называется «Радиовойна». Автор книги генеральный директор крупнейшего центра «Радио - Франс - Энтернесьональ» Бенхалл очень скептически оценивает способность западных газет, радио, телевидения давать объективную, правдивую информацию. Все они, по его мнению, подчинены задачам пропаганды, и различие их только внешнее. По его классификации имеется три вида пропаганды на Западе — белая, серая и черная. Белая пропаганда отличается откровенностью. Она неприкрыто восхваляет то, что делается в данной стране, и ругает ее противников. Серая пропаганда более прикрыта. Она сохраняет позу объективности и даже ссылается на информацию противников своей страны. Что же касается черной пропаганды, то она носит полностью замаскированный характер.

Я бы внес некоторые уточнения в эту схему. По-моему, было бы правильнее делить западную пропаганду иначе: на коричневую, желтую и серую. Пример коричневой пропаганды дает фашизм.

Помощник Геббельса утверждал, что радио — это самое мощное оружие, которым располагала когда-либо сильная личность для подчинения себе народов.

Еще один помощник, бывший помощник президента Картера по национальной безопасности Збигнев Бжезинский, повторил почти то же самое. Он сказал: «Средства коммуникации представляют собой третье поколение средств мирового господства». Так вот это — коричневая пропаганда. Объективная информация изгоняется отсюда железной метлой. И сейчас такая пропаганда используется на Западе. Но, пожалуй, более распространены два других вида пропаганды. Это желтая, и в особенности — серая.

Желтая пропаганда очень близка к коричневой, но сильно разбавлена канареечными цветами. Эта пропаганда, как бы она ни прикрывала свои цели, основана на простом стереотипе: «Запад — это добро, Восток — это зло». Америка — это, так сказать, «империя добра», а СССР — это «империя зла».

Но газеты типа английской «Таймс» или даже «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» не хотят выглядеть желтыми. Они претендуют на объективность. И вот они-то как раз и пользуются чаще всего методом серой пропаганды. Серая пропаганда широко опирается на информацию, получаемую со всех концов мира. Но когда внимательно присмотришься к этой информации, то увидишь, что она отбирается и выстраивается так, чтобы в конечном счете служить тем же целям. Запад — это мир свободы, а Восток, а вернее, социализм — это источник всех пороков, всех угроз на земле. Что касается развивающегося мира, то это средоточие конфликтов и терроризма.

Приемы серой пропаганды в конечном счете довольно просты. Они напоминают небольшое помутнение хрусталике в глазу, которое полностью искажает зрение. Люди обычно хорошо защищены против коричневой пропаганды, построенной на откровенной лжи. Они более или менее защищены от желтой пропаганды: она внушает им недоверие своим подозрительным цветом. Но люди очень слабо защищены, а часто просто беззащитны перед лицом серой пропаганды: она щеголяет обилием информации, хотя в конечном счете картина мира полностью искажается.

Кругом враги

Впрочем, когда речь идет о Советском Союзе, то даже серая пропаганда отбрасывается в сторону. Мне уже приходилось ссылаться на опубликованное в американском еженедельнике «Нью-Йоркер» «Письмо американцу» Джорджа Кеннана, бывшего посла США в СССР. Джордж Кеннан на склоне своих лет, пересматривая всю послевоенную историю отношений США и СССР, приходит к выводу, что «материальная и психологическая подготовка к войне против СССР стала глубоко укоренившейся традицией не только вооруженных сил США, но... в равной мере и органов массовой информации, не говоря уже об авторах приключенческой литературы и детективных романов». Здесь также, по словам Кеннана, Советский Союз как противник «предстает в самом страшном и бесчеловечном виде».

Именно в этом корень зла. Вся пропаганда в буржуазных средствах массовой информации исходила и исходит из того, что СССР—это враг номер один для Америки. Уильям Дормэн, профессор журналистики Калифорнийского университета, провел исследование на тему «Война, мир и средства массовой информации». Он изучил информацию пяти влиятельных американских газет, журналов «Тайм» и «Ньюсуик», агентств АП и ЮПИ, а также программы трех ведущих телекомпаний. Дормэн утверждает, что по сей день американской общественности навязывают те же шаблонные представления о Советском Союзе, что и в самый мрачный период «холодной войны».

Но не только о нас пишут враждебно. Врагами США изображают все другие страны социалистического содружества и все освободительное движение. Кастро и сандинисты, палестинцы и революционеры Гренады, неприсоединившиеся страны, борющиеся за новый экономический и информационный порядок, левые силы в Европе — все это враги Америки. А кто же ее друзья? Друзья — это враги ее врагов, какими бы они ни были однозначными: Израиль, или Сальвадор, или ЮАР.

Схема простая. Но по крайней мере четкая. И вся серая пропаганда, не говоря уже о желтой, независимо от тех или иных нюансов, в целом придерживается этой схемы.

Другой стереотип, известный еще из «Тихого американца» Г. Грина, — Америка превыше всех. Это образец социальной системы, образа жизни, культуры, которому обречено следовать все разумное человечество. А то, что сопротивляется и не хочет следовать, — неразумно, нецивилизованно, несовершенно. Вот и вся нехитрая платформа серо-желтой пропаганды. Остальное, право же, — внутренние борения в рамках этих двух стереотипов.

Направленный «плюрализм»

Как же достигается трогательное единение средств массовой информации в США? А в конечном счете и большинства служб других стран Запада? Ведь их так много, и внешне они независимы. Объясняется это тем, что во всех средствах информации работают те же представители истеблишмента, или элиты, только идеологической. Но главное даже не это. Они только распространяют информацию. А ведь самое важное — кто ее производит и задает тон всем информационным службам США.

Тут нам самое время отправиться в Белый дом, в комнату, где обычно происходят пресс-конференции президента, или в Овальный кабинет — место его работы. Здесь мы наверняка встретим Лэрри Спикса, исполняющего обязанности пресс-секретаря Белого дома. Заглянем и в его кабинет. На стене висит табличка с надписью. Она звучит так: «Не учите нас, как делать новости, а мы не станем говорить вам, как их освещать». Эти слова принадлежат самому Спиксу. Они адресованы журналистам.

Что означают эти слова? Они означают, что производство новостей, собственно, происходит не в газетах, не на радио, не на телевидении. Их производят — и производят в том виде, в каком хотят, — политические руководители и пропагандисты Белого дома и других руководящих учреждений как в США, так и в других странах Запада.

Не так давно в Америке вышла книга под названием «Репортеры. Белый дом и правда». Книгу эту написал Джеймс Дикин, который хорошо изучил пропагандистскую деятельность американской администрации. Он пишет, что 85 процентов сотрудников Белого дома, то есть около 500 человек, задействованы в сфере пропаганды.

Общий тон пропаганде задают пресс-конференции президента. Они определяют все основное содержание, все направление потока информации, которая растекается в агентствах АП, Юнайтед Пресс, а также трех крупнейших телекомпаний — Эй-би-си, Си-би-эс, Эн-би-си. Через эти центры информация поступает во все газеты, журналы, радио- и телевизионные компании США, а затем распространяется по всему миру.

Но это только вершина пропагандистского Монблана. Придя в Белый дом, нынешняя администрация занялась проблемой, которая была названа глобальной пропагандистской войной. Одно из ведущих мест в этой войне отводится информационному агентству США, сокращенно называемому ЮСИА. Президент поставил во главе этого агентства сразу после своего прихода в Белый дом в 1981 году одного из своих близких людей — Чарльза Уика.

Первое, что сделал Уик, это изгнал мало-мальски ненадежных людей и набрал новых, исключительно по признаку политической лояльности. Главный критерий, как замечает один из уволенных, Розенфельд, это «навязчивая идея о пропаганде на СССР».

Международный контроль

В конце прошлого года в Дели была созвана первая конференция журналистов неприсоединившихся стран. Она была посвящена вопросам массовой информации. В работе этой конференции приняли участие главные редакторы газет, журналов, руководители радио и телевидения, эксперты по вопросам информации 45 стран. На открытии конференции выступила Индира Ганди. Она резко обвинила западные державы в информационном колониализме, в обработке общественного мнения в развивающихся странах в западном духе.

Как же сказывается на мировой политике американская информационная экспансия? С одной стороны, американская пропаганда оказывает огромное влияние, прежде всего на элиту во многих несоциалистических странах и на часть общественного мнения. Но, с другой стороны, она вызывает растущее возмущение и протест. И не только в развивающемся мире, но и в странах Западной Европы, и в Японии. Американизация—палка о двух концах. И одним концом она все больнее бьет по Вашингтону. Ибо ни одна культура не хочет умирать, а убить ее не так-то просто. Уход США из ЮНЕСКО обнажил накая этого конфликта, в котором США сталкиваются, по сути дела, со всем миром. Только Англия рискнула поддержать США, да и то с оговорками.

Знамя национальной культуры и подлинно интернациональных ценностей подхватывают все те, кто не смиряется с «культурным» колониализмом. Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что этой борьбе суждено все более разгораться. Она будет все сильнее влиять на мировую политику, на деятельность таких организаций, как ЮНЕСКО и ООН, на весь международный климат.

Итак, информационно-культурная экспансия США и других стран Запада приобретает глобальный характер. «Культурный» колониализм загрязняет международную экологическую среду. Человечество раньше или позже должно взять под контроль этих информационных спутов, которые сеют семена враждебности на мировой арене и мешают оздоровлению отношений между народами.

Вручение награды

23 мая заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР Б. А. Ашимов вручил орден Дружбы народов генеральному секретарю Ассоциации писателей Азии и Африки Алексу Яе Гуме.

Б. А. Ашимов сердечно поздравил А. Ле Гуму с наградой, которой отмечена его активная общественная и литературная деятельность, направленная на укрепление дружбы и сотрудничества прогрессивных писателей в борьбе за мир.

Алекс Ле Гуме выразил благодарность ЦК КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР и Советскому правительству за высокую награду. Он подчеркнул, что прогрессивные писатели Азии и Африки поддерживают усилия Советского Союза, направленные не сохранение мире на планете, укрепление международной безопасности, к приложат все силы для углубления взаимопонимания и сотрудничестве между народами.

На торжественной церемонии присутствовали заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев, секретари правления СП СССР С. А. Азимов и Ю. Н. Верченко, председатель Иностранной комиссии СП СССР А. А. Косорукое, заместитель председателя Иностранной комиссии СП СССР М. Р. Сегетелян.

На снимке: *Алекс Ле ГУМА принимает поздравления.*

ЛИТЕРАТУРА И ШКОЛА

Обсуждение задач современной литературы в связи с осуществлением школьной реформы было начато статьями директора московского опытно-экспериментального школьного завода «Чайка» В. Карманова и учителя-методиста школы № 307 Ленинграда Е. Ильина [№ 9]. Затем были опубликованы статьи Ю. Короткова [№ 10], В. Лысенко [№ 11], диалог Ю. Азарова и Л. Аннинского [№ 12], выступления Ю. Яковлева [№ 13], С. Николаевой [№ 14], подборка писем читателей [№ 16]. Сегодня мы предоставляем слово критику А. Егиазаряну, доктору филологических наук Л. Финку, а также некоторым нашим читателям. В одном из ближайших номеров обсуждение завершится обзором читательской почты.

УРОК СОВЕСТИ

Азат ЕГИАЗАРЯН

Два-три десятилетия назад атмосфера в школе была совершенно иной. В мои школьные годы учитель был для нас неким особым существом. И какими бы взрослыми, самостоятельными мы ни становились в старших классах, сохранялась какая-то грань между нами и учителями, которую мы никогда не переступали. Разумеется, это накладывало отпечаток на всю школьную жизнь. В этом была своя прелесть, свои несомненные положительные стороны.

Современный ученик совершенно иначе относится и к учителю, и к школе в целом. Не лучше, не хуже, а по-другому. Ученики изменились вместе с жизнью. Не буду говорить о роли информационного взрыва. Об этом все мы наслышаны достаточно. Но дело не только в информации. Наша жизнь очень усложнилась. Та романтика, которая всегда, уж во всяком случае в предыдущие десятилетия нашей истории, составляла непременную черту школьной жизни и, конечно, литературы о школе, мне кажется, поубавилась не только из-за информационного бума, нагрузки на мозг, но и по причинам другого порядка. Возникли совершенно новые проблемы, которые определенным образом отразились и на некоторых сторонах нашей школьной реальности. (Допустим, тот самый потребительский подход к жизни, бытующий среди определенной части людей, он ведь не мог миновать школу.)

В годы моей юности мы зачитывались книгой Анджелы Степанян «Золотая медаль» — о жизни старших классов средней школы. Сколько в ней было романтики! Ее герои, как и многие из нас тогда, были в лучшем смысле слова не от мира сего. Но всякий ли современный десятиклассник прочтет эту книгу, как читали ее мы? В отличной повести Вахтанга Ананяна «На берегу Севана» нас привлекала не только романтика приключений, но не меньше и нравственная чистота героев, их только-только зарождающаяся возвышенная любовь, робкая, трепетная. Современный романтик, думаю, был бы более трезв в оценке этой, второй линии повести. И вряд ли стоит его осуждать: просто он более реально (согласно духу времени) относится ко многому, в том числе и к чувствам, чем его ровесник в годы моей юности.

Современные мальчики и девочки уже в восьмом классе начинают размышлять о практических вопросах любви и семьи. В повести В. Петросяна «Последний учитель» героиня-десятиклассница, под грузом разных психологических проблем разуверившаяся в любви и мечтающая отомстить всем мальчикам и мужчинам, совершает в школе весьма и весьма экстравагантный поступок...

В душах подростков происходит глубокая и отнюдь не однозначная работа. Хорошо это или плохо? Мало пользы от такой постановки вопроса. Надо разобраться в реальной сложности новых явлений. Конечно, извечные черты, особенности юного возраста не исчезают. Но они проявляются сегодня в более обнаженном виде, так сказать, без романтической дымки, но значит ли это, что менее драматично?

Герой В. Каверина в «Загадке» и «Разгадке» погибает, спеша на зов любимой девушки-одноклассницы. Но каков фон этой истории? В. Каверин, по-моему, взял верный тон в изображении современной школьной жизни. Она дана без принижающей школьников снисходительности к ним, к их проблемам, к их взглядам на жизнь. Ученики выпускного класса так же сложны и непонятны, как и окружающие их взрослые. А порой, может быть, и менее понятны.

Меня очень заинтересовал образ одного девятиклассника — Олега Рязанцева, блестящего ученика, первого в классе и школе. Парень готовит себя к дипломатической карьере и, похоже, добьется своего, порукой тому — знание языков, международных событий, занятие общественной работой и масса других нужных для будущего дипломата достоинств. Но при том — ужасная нравственная глухота. Да, стоит приглядеться к этому образу. В нем в сконцентрированном виде проявляются противоречия и недостатки как семейного, так и общественного воспитания. Олег прекрасно знает азбуку нравственности и не хуже учителей рассуждает о гражданской активности, о честности. Но за высокими понятиями он прячет — и ему удается это! — свою истинную суть. Душа, совесть?.. Да в свои шестнадцать лет он, судя по всему, не знает об их существовании. Он произносит проникновенную речь на похоронах Паши Перова. Но это для него всего-навсего «общественное поручение». Паша ведь был его антиподом, человеком с сердцем. Лицемерие у Рязанцева уже в крови. Такой может довольно убедительно рассуждать о том, что для больших дел человеку нужны чистые руки, но, не задумываясь, не терзаясь угрызениями совести, пойти на любые интриги ради своей карьеры, погубить кого угодно, внешне продолжая оставаться вполне респектабельным, «приличным» человеком.

В. Каверин не склонен к компромиссам. Тип Рязанцева, делает вывод читатель, — тоже продукт нынешней нашей школы, и, естественно, не только школы.

Разговор о повести Каверина выводит нас за пределы собственно школьной темы. Иначе и не может быть. Ведь школа — «наиболее резкое, взрывное, преувеличенное воплощение всех достоинств и недостатков нашего образа жизни, нашей действительности, причем в той части нашей повседневности, где она ближе всего к будущему», — как хорошо пишет И. Стрелкова («ЛГ», № 13). Вот, на мой взгляд, главная проблема нашей «школьной литературы». Какое ее социальный контекст, в какой мере она отвечает на кардинальные проблемы, выдвинутые всей нашей жизнью? Становятся событием те произведения, в которых отражены заботы большой жизни в их школьном преломлении, в которых школа действительно становится ареной столкновений разных жизненных позиций.

Этого не хватает многим и многим произведениям о школе. Нам все еще предлагают конфликты между смелыми мыслящими и чистыми подростками, которые, правда, могут ошибаться, но которые в основном хорошие, и косными учителями, которые остаются в плену старых представлений и не хотят понимать чистые порывы учеников. Как будто эти дети растут в безвоздушном пространстве, никак не соприкасаются с нашей сложной действительностью, не несут на себе печать всех ее, в том числе и теневых сторон.

У нас среди учащихся особенно популярны повести В. Петросяна о молодежи, о школе. Главным героем его последнего романа «Одинокая орешина» выступает учитель. А повесть «Последний учитель» и отчасти повесть «Прожитые и не прожитые годы» посвящены школе и школьным проблемам. Основной их конфликт — столкновение старшеклассников с учительским коллективом. В «Последнем учителе» реакция учителей на вызывающее поведение учеников единодушна: они не способны воспринять подобное, кое-кто уходит из школы... Пожалуй, лишь учитель Мамян противостоит им. Правда, он побеждает как-то слишком легко — Мамяна поддерживает первый секретарь райкома, проявляя необходимую объективность и спокойствие в решении конфликта; в душах учителей возникают сомнения, борьба между добром и злом; в своих воспитанниках они начинают видеть людей, не таких уж простых для понимания...

В основе повести В. Григоряна «Белая ворона» — история о сельском учителе. На склоне лет озмышляет он о своей трудной профессии, и пафос нравственной бескомпромиссности, преданности своим идеалам в этих размышлениях очень подкупает. Но заметна и некоторая «дистиллированность» образа. Теща снисходительно называет героя «белой вороной». Автор, судя по всему, склонен видеть в этом качестве учителя достоинство. Нагнетается тема житейской неустроенности героя, финансовых и бытовых трудностей, семейных неурядиц. Перед нами некий мученик по замыслу, а на поверку — просто ущербный, неполнокровный человек. В повести много справедливых рассуждений учителя о проблемах воспитания — к ним прислушиваешься, «мученичество» же героя чаще всего оставляет нас равнодушными.

Немолодая учительница Галина Петровна, «тетушка Ло» из повести В. Каверина «Загадка», ко всему подходит с высокой нравственной меркой. Но она оказывается бессильной повлиять на ход событий в своем классе. В рассказе «Разгадка» Каверина, продолжающей сюжетные линии «Загадки», появляется учительница Ласточкина, «которая находит путь к сердцам детей, они идут за ней. Однако честность и неуступчивость тетушки Ло несут в себе сильный жизненный заряд. Она честно признается, что многое в душах учеников ей непонятно, но причины этого, и она, и писатель ищут не в противопоставлении молодости и старости. Старый учитель порой может оказаться прогрессивнее своих молодых коллег и устремленных в будущее учеников. И очень убедительно в повести Каверина говорит именно старый учитель Калиновский: «Школьная программа перегружена, предметов много, и никому даже невдомек, что в этой программе нет очень важного предмета, который я назвал бы «совесть». Впрочем, есть такой предмет, но преподается он очень плохо. Это наш» литература, которая вот уже тысячу лет напоминает об этом понятии».

Я бы вынес эти слова эпиграфом к обсуждению «Литература и школа». Какие нравственные уроки выносит подросток из школы, с чем он входит в жизнь? И раз так хорошо сказано об «уроках совести», то как не пожелать, чтобы «школьная» литература, вообще литература для детей была «уроком совести»?

Как, допустим, повесть В. Железникова «Чучело». О ней уже говорили, хочу остановиться лишь на одном моменте. Местом, где разворачиваются события повести, является стоичный русский городок. Дед Чучела — Лены Бессольцевой, это ощущается, олицетворяет его историю, а также традиции бескорыстного служения людям, свойственного русской интеллигенции. Писатель, я думаю, очень верно подметил связь между воспитанием и историей. Не вообще историей как предмета изучения в школе, а живой, связующей сегодняшних школьников со своими предками, где бы ни жили эти ребята — в русском городке или в армянской деревне близ памятника героям Сардарапатской битвы, в которой их прадеды отстояли независимость народа. Когда Бессольцев преподносит в дар городу дом и семейную картинную галерею, дети (как и взрослые, надо полагать) по-разному воспринимают этот шаг: одни удивлены, другие восхищены, третьи остаются равнодушными, а есть, которые злы на старика за его бескорыстие и любовь к людям. Но традиции продолжаются — и в поведении Чучела, и в благородном поступке ее деда. Это главное.

Вернусь к размышлениям учителя Калиновского из повести Каверина. Нельзя говорить о современной школа и обойти вопрос о преподавании литературы. Школа в наши дни порой отвращает школьников от литературы. Это наблюдение вред ли нуждается в доказательствах. Достаточно полистать подшивки «ЛГ» и других центральных газет и внимательно ознакомиться с материалами на эту тему. Правда, литературу «убивают» исходя нередко из самых добрых намерений. Мне не раз приходилось наблюдать, как в девятом классе проходят «Ануш» Туманяна. Говорят ученикам, что эта поэма — одна из вершин армянской поэзии. И притом всячески вдалбливают им, что в этом произведении критикуется патриархальная отсталость: она погубила молодых влюбленных... Возможно, не все девятиклассники способны словесно сформулировать свое недоумение, но убежден — все они непременно почувствуют, что представленное таким образом прямолинейное по своей идее произведение не может быть вершиной поэзии. И «Ануш» не пленит их, возможно, никогда. В нравственные и эстетические глубины поэмы вряд ли им уже захочется заглянуть, постичь их. И кто им подскажет, что эта поэма в первую очередь — о великой человеческой способности любить, о верности, о цельности, бескомпромиссности подлинного чувства? И столь необходимый современному молодому человеку нравственный урок не состоится. Именно нравственный урок, а не нравоучение. В этом последнем в нашей школе нет недостатка.

Сейчас много и справедливо говорится о том, чтобы научить детей мыслить самостоятельно. И одна из главных целей реформы, как я ее понимаю, именно такая. Но умение мыслить личность безнравственную человеком не делает. Вспомним хотя бы того же Олега Рязанцева...

Литература о школе не может быть равнодушной к проблеме методов обучения и воспитания. Особенно большое внимание должно быть уделено преподаванию литературы, роли литературы в школе, в воспитании. И все же, мне кажется, Ю. Азаров и Л. Аннинский («ЛГ», № 12, 1985) сужают плацдарм разговора о школьной литературе. Жизнь школы таит в себе много сложных вопросов. Это прежде всего столкновение разных человеческих позиций, во всяком случае прежде всего такой спор может представлять интерес для читателей, для художественной литературы.

Очень интересное наблюдение сделала Ирина Стрелкова («ЛГ», № 13): «...читая рукописи молодых авторов, лишь недавно распростившихся со школой, я убедилась, что у них, идущих от личного опыта, плохой и нелюбимый учитель встречается чаще, чем любимый» (подчеркнуто мной. — Л. Ф.). Не привыкший верить на слово, я сразу спросил себя: так ли это? И если так, то почему? Оказалось, что в правоте Ирины Стрелковой легко убедиться. Стоит, например, задуматься о повести Г. Цветковой «Снег на сирени» («Юность», № 11, 1984). Там говорится об учительнице, «которая «любила ставить двойки» «Класс ее ненавидел и смертельно боялся». В журнальной заметке сообщается, что автору 22 года. И у меня, читателя, сразу возникают вопросы: где, в какой странной школе молодой прозаик отыскал учителя, любящего ставить двойки? И где — немаловажный вопрос — ему разрешали их ставить? К тому же сей монстр преподает географию, а следовательно, никакой реальной власти над учениками не имеет.

Я согласен с той оценкой, которую дает этой повести Софья Николаева («ЛГ», № 14), говоря о «стойком совпадении мироощущения автора и его героев-школьников», о «неспособности автора пока еще подняться над точкой зрения последних». Однако к этому следует добавить что ограниченность взгляда на жизнь, очевидно, сказалась и в художественной ткани. Г. Цветковой было важно одно — высказать негативное отношение к учительнице, и она выстроила своеобразный символ. Здесь нет правды характера, один только взрыв эмоций.

Обратимся к повести «От урока до урока» другого молодого автора — Светланы Николаевой («Октябрь», № 12, 1982). Уже название раскрывает характер основного персонажа, учительницы Татьяны Александровны. Она не любит свою профессию, не работает, а служит, еле-еле тянет время от урока до урока. Ей и скучно, и мучительно. К детям относится с плохо скрытой враждебностью, потому что они для нее только помеха. Ощутимый недостаток повести — отсутствие аналитического отношения к такому ущербному характеру, но сам по себе портрет плохого нелюбимого учителя написан емко и страстно. И такие портреты в самом деле сегодня преобладают. Как не вспомнить киноленту «Чучело» и фальшивоказенную, лицемерную улыбку, словно застывшую на физиономии директора школы. А ведь для нашей литературы образ любимого учителя — отнюдь не terra incognita. Можно вспомнить и «Республику Шкид», и «Двух капитанов». А ближе к нашему времени — творчество Агнии Кузнецовой или Марии Поплежаевой.

Как обаятельна, нравственно значительна юная Дарья Леонидовна в повести Приляжаевой «Семиклассницы», какие высокие человеческие качества у Маши Строговой, как умен и благороден учитель истории Андрей Андреевич в ее же романе «Над Волгой». А Николай Михайлович из повести «Земной поклон» А. Кузнецовой! И в сегодняшней литературе традиционный образ учителя-подвижника, влюбленного в свою профессию, конечно, живет. Достаточно назвать хотя бы «Загадку» и «Разгадку» В. Каверина («Октябрь», № 1, 1984; № 1, 1985). Автор «Двух капитанов» остался верен себе и создал вызывающий симпатии образ учительницы Галины Петровны, кстати, тоже преподающей географию, но убежденной в том, что учить надо прежде всего правде, а уж потом географии или физике. И сюжет повести Каверина, и романтически возвышенный образ ученика Паши Перова убедительно доказывают, что уроки Галины Петровны не бесследны.

Но все же отнюдь не «Загадка» характеризует направленность основного потока современной прозы о школе. В известном документе «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы» было сказано с жесткой определенностью: «Реформа школы имеет целью также преодоление ряда негативных явлений, серьезных недостатков и упущений, накопившихся в ее деятельности». Плохой и нелюбимый учитель — одно из следствий подобного «накопления», и образ лжепедагога, очковтирателя, показушника, равнодушного формалиста закономерно возникал на страницах книг как тревожный голос писательской совести. Литература предупреждала, сигнализировала, подталкивала школу на путь реформ. Долгие годы наши прозаики, особенно Б. Васильев, В. Тендряков, А. Алексин, А. Лиханов, будоражили общественное мнение прямым и честным разговором о негативных явлениях школьной жизни. Среди них, очевидно, главным, наиболее заметным и наиболее всеядоносным была процентомания. Но не только она. Школьники зачастую оказывались лишенными нравственных ориентиров, попадали во власть наивного, но цепкого, как лишай, прагматизма, их эмоциональное развитие тормозилось, в бездушие переходило в жестокость. Какие только огорчительные факты не приходилось нам встречать в жизни. Молодые родители отказывались от детей — с наглой откровенностью заявляли, что в 20 лет хорошо бы поплясать-повеселиться. Дети с презрением отзывались о родителях, не способных удовлетворить их тягу к тряпкам. Молодожены оказывались не в состоянии преодолеть искушение рюмкой, и появлялись на свет изуродованные алкоголем младенцы. Сегодня в этом отношении есть сдвиги к лучшему.

Л. ФИНК,
доктор филологических наук

ТРЕБУЕТСЯ... ЛЮБИМЫЙ УЧИТЕЛЬ

Роман В. Васильева «Не стреляйте в белых лебедей» отличался особой ясностью социального анализа такого негативного явления, как жестокосердие подростков. Напомню, что там резко, плакатно противопоставлены двоюродные братья Коля и Вовка. Они совсем разные. Кольке Полушкин умел и любил мечтать, и мечта у него «каждый день была иная... про путешествия про зверей, про космос... а у Вовки — одна на все дни: Вот бы гипноз такой открыть, чтоб все-все заснули. Ну, все! И тогда б я у каждого по рублику взял». Коля любил животных, любил возиться с ними, хотя собственной собаки у его отца нет. А «у Вовки собаки не переводились. Не успеет Федор Ипатыч одну пристрелить, как тут же другую заводит...

Федор Ипатович собак собственных умиротомал не по жестокости сердца и не по пьянке, а совсем на трезвую голову. Собака — это ведь не игрушка, собака расходов требует и, значит, должна себя оправдывать. Ну, а коли состарилась иль потеряла или злобу порастратила, тогда не обессудь: за что кормить-то тебя? Кормить можно, не за что, но чтобы она, собака эта, с голоду во дворе не издохла. Федор Ипатыч ее самолично на собственном огороде из ружья пристрелил. Из гуманных, так сказать, соображений. Пристрелил, шкуру собашниным сдавал (шестьдесят копеек платили!), а тушу под яблоней закапывал. Урожистые были яблоньки, ничего не скажешь».

Читая роман Васильева, понимаешь, что дефицит эмоциональности — отражение социальных конфликтов, нравственно-идеологических коллизий и по своим причинам, и по своим следствиям.

Сейчас, в процессе осуществления реформы, литература обязана помочь школе и в пробуждении у школьников коллективистского и в то же время истинно гуманистического самосознания, и в воспитании культуры чувств, отзывчивости, сердечности, способности к сопереживанию. Без писательского слова в решении этих задач школе не обойтись, и поэтому школа в свою очередь должна помочь литературе воспитанием читателя.

Л. Аннинский в разговоре с Ю. Азаровым обронил важнейшую мысль: истинные знатоки и любители литературы «переживают предложенный им текст как духовную реальность». Но на это, по его мнению, пока способны лишь немногие, даже среди профессиональных критиков. А надо бы на такую высоту восприятия книги поднять каждого читателя. И подготовить к этому должна школа. Вот тогда мы и увидим, как много может школа дать литературе, чтобы в свою очередь многое получить от нее. Школа станет школой читателя, а литература — величайшим средством формирования душевного богатства.

И еще. Нельзя не заметить, что наша литература, посвященная так называемой «школьной теме», испытывает острый дефицит свежих, особенно молодых, сил. Кому, как не молодым писателям, по собственному, еще недавнему опыту, знать, чем сегодня живет наша школа, в каких изменениях нуждается в первую очередь.

Хочется обратить внимание и на то, что еще ждут своего художественного воплощения иные аспекты, в том числе деятельность комсомольских и пионерских организаций. Странно, но кажется, что литература стала «стесняться» поднимать острые, общественно значимые проблемы.

Много вопросов, конечно же, связано и с трудовым воспитанием. Не редкость, когда школьные администраторы полагают, что приобщение к труду и есть единственная цель реформы, а о повышении качества урока, о борьбе за глубину знаний, за непреложную справедливость оценок чуть ли не забывают. Плохие и нелюбимые учителя продолжают функционировать, и сейчас самое время все громче и увереннее заговорить об учителях любимых.

Мы очень хорошо знаем, какой хотим увидеть школу. Вовсе не случайно В. Каверин, комментируя свою «Разгадку», попытался определить самую суть талантливых педагогов: они «...внимательно всматриваются в ребенка, не как в ученика... а как в человека...». Вот сейчас читатель и ждет портретов таких учителей, которые и предмет глубоко знают, и, обладая истинным богатством души, умеют вглядеться в чужую душу, вызвать ответное волнение, ответное чувство.

«Требуется личность!», — воскликнул Е. Ильин. Л. Аннинскому это не понравилось: «Личность при слове «требуется» может только исчезнуть». На первый взгляд, замечание резонное. Личность — понятие достаточно общее, ни одним штатным расписанием не предусмотренное. Однако сам Аннинский попытался дать определение личности: «сознание нравственной связи с другими людьми и с идеальным целым, непоторимое духовное существо, которое взыскует смысла в своей и общей жизни». Что же, принимаю это определение как отвечающее теме нашей дискуссии. В соответствии с его сутью уточняю и высказывание Е. Ильина. И школе, и литературе всегда необходим любимый учитель, в одном случае как лицо, практически действующее, в другом — как его увлекательный образ. Ведь Е. Ильин прав и в другом: повествование о таком герое не будет идиллическим, бесконфликтным, отлакированным. Оно совместит поэтическое утверждение нашего идеала и строгую правду пути. Короче — оно будет настоящей литературой.

гор. КУНБЫШЕВ

ИЗ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ПОЧТЫ

Личность проявляется в поступках

Мое поколение мальчишек, скорее уже подростков, зачитывалось «Школой» Гайдара. Первый раз — так случилось: в то послевоенные годы в деревне не очень-то просто было, нам мы теперь говорим, приобщиться и книге — мне она попала в руки, когда я ходил в седьмом классе. Среди моих сверстников отнюдь не многие были книгочеями и книголюбами. Нам приходилось больше работать, чем читать. К тому же и в поведении совсем мы не отличались примерностью, были далеко не сахар, не паймальчики: и озорничали, и хулиганили, и с уроков убегали, особенно от занудливых учителей. Но в тот раз, набалобавшись по дороге и сев на обочину отдохнуть, вспомнили, что у одного из нас в сумке с учебниками «Школа». А прочитав первое: «Городок наш Арзамас был тихий...» — уже не могли оторваться.

Теперь я думаю: что же привлекло нас в «Школе» Гайдара? Особые художественные достоинства? Вряд ли мы тогда разбирались в этом. Скорее всего, что «Школа»-то была не о школе и о плохих и хороших учителях — о жизни, о становлении личности в обстоятельствах чрезвычайных, когда само время ставило человека перед выбором: с кем ты, по какую сторону революции, а следовательно — и кто ты есть?

Ставит ли перед подростком этот вопрос современная «детская» литература, то есть современный «детский» писатель? Да. Но на каком «материале»? Ехать или не ехать на картошку?

Отнюдь не хочу, чтобы читатель понял ссылку как ненужный выпад против хорошей повести Пашиева «Привет, картошка!». Тем более что и сам конфликт повести остросовременен.

Личность проявляется в поступках, и необязательно только в крупных. Нельзя без конца эксплуатировать время «великих потрясений».

Мелких поступков не бывает. В «мелочах» тоже проявляется и проверяется человек, его отношение и себе, и обществу.

В. ЛАПЧЕНКО,
член СП СССР

ТОРОПЕЦ
Калининской обл.

Нужна книга-действие

После окончания Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена вот уже десятый год работаю учителем-словесником в сельской школа. Думаю, разговор надо вести шире: «Литература, школа и жизнь». Так вот — хорошего учителя вроде бы и неприлично изображать в повестях и рассказах. А многим и невдомек наши трудности, наши проблемы... Уж и не стоит, например, говорить, что современный деревенский школьник вообще не показан литературой.

Мы тут, в деревне, еще не смотрели фильм «Чучело», о котором так много написано. Но повесть В. Железникова прочитали. И, увы, во многом она показалась нам надуманной, искусственной. Так давайте, дорогие писатели создавать произведения, герои которых умели бы отвечать за все, что происходит, умели бы жить достойно и бороться за общие интересы. А то ведь очень трудно найти материал для сочинений на тему «Ты на подвиг зовешь, комсомольский билет!» или «В жизни всегда есть место подвигу». Ребята ждут книг-действий, книг-друзей...

З. ШУКШИНА,
учительница русского языка и литературы

село НОВОТРОИЦК
Колыванского р-на
Новосибирской области

Отойти от стереотипов!

Если уж говорить о школьном учителе, то давно пора бы литературе отойти от стереотипов и показать сложности, в которых «варится» сегодняшний педагог. Пора бы ответить на некоторые вопросы. Почему, например, так трудно учителям находить общий язык с родителями их питомцев? Почему не всегда получается духовный контакт и с самими питомцами? Нужна книга, глубоко проникающая в духовный, психологический мир учителя. И не столь важен вопрос, «быть ли нам дому Рафаэлем», сколь важнее другое: не упустить ребенка, его убеждения, его нравственный мир. Вот — главное.

В. КАЗАКОВ

КРЫМ
ВАХЧИСАРАЙ

Нужна книга-действие

После окончания Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена вот уже десятый год работаю учителем-словесником в сельской школа. Думаю, разговор надо вести шире: «Литература, школа и жизнь». Так вот — хорошего учителя вроде бы и неприлично изображать в повестях и рассказах. А многим и невдомек наши трудности, наши проблемы... Уж и не стоит, например, говорить, что современный деревенский школьник вообще не показан литературой.

Мы тут, в деревне, еще не смотрели фильм «Чучело», о котором так много написано. Но повесть В. Железникова прочитали. И, увы, во многом она показалась нам надуманной, искусственной. Так давайте, дорогие писатели создавать произведения, герои которых умели бы отвечать за все, что происходит, умели бы жить достойно и бороться за общие интересы. А то ведь очень трудно найти материал для сочинений на тему «Ты на подвиг зовешь, комсомольский билет!» или «В жизни всегда есть место подвигу». Ребята ждут книг-действий, книг-друзей...

З. ШУКШИНА,
учительница русского языка и литературы

село НОВОТРОИЦК
Колыванского р-на
Новосибирской области

Отойти от стереотипов!

Если уж говорить о школьном учителе, то давно пора бы литературе отойти от стереотипов и показать сложности, в которых «варится» сегодняшний педагог. Пора бы ответить на некоторые вопросы. Почему, например, так трудно учителям находить общий язык с родителями их питомцев? Почему не всегда получается духовный контакт и с самими питомцами? Нужна книга, глубоко проникающая в духовный, психологический мир учителя. И не

Секреты про билеты

Фото В. КОРНЕЕВА («КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)

Нет, назрело, таких новых проблем жизни, которые не стремилась бы в свою очередь поднять литература. Это качество многих современных книг меня и привлекает. Читаю ли Маканина или А. Кима, Г. Панджикидзе или Э. Ветемаа, В. Яворивского или Т. Пулатова, да и многих других авторов — их произведения о многом заставляют задуматься...

Вот купила недавно сборник повестей белорусского прозаика Василя Гигевича «Острова на далеких озерах», вышедший в издательстве «Советский писатель». Читала и невольно сравнивала то, о чем он пишет, со своей собственной жизнью. Дело в том, что, как и многие персонажи В. Гигевича, я тоже родом из села, теперь живу в большом городе. Может, поэтому мне особенно близки те проблемы, которые рассматривает автор, и отношение и ним его героев: взаимосвязи города и деревни, воздействие НТР на человека, проблемы отцов и детей, проблемы охраны природы и многие другие.

Больше всего запомнилась повесть, по которой и назван сборник, — «Острова на далеких озерах». Герои ее, горожане, культурные, образованные люди, отправляются в турпоход, какое-то время проведут на необитаемом острове. Здесь, в необычной обстановке, и раскрываются характеры персонажей. Оказывается, единственный по-настоящему положительный герой среди них — старый рабочий Сидаревич. Ни беспокойный Маркин, ни показанный с большой долей иронии литературовед Петр Хведорович, ни тем более «супермен» Валера, жестоко поломавший жизнь молодой и неопытной Алене, на роль положительных как-то не проходят. Персонажи повести — наши современники судят о многих сложных понятиях, и вообще, мне кажется, автор тут затрагивает куда больше серьезных проблем, чем в других своих произведениях. И все же чего-то в этой повести мне не хватает. Казалось бы, и вопросы важные поставлены, и какие-то решения предлагаются. Но, прочитывая последнюю страницу — и... куда-то все уходит. Не могу понять, в чем тут дело...

И. МАЛИНКИНА,
экономист

Критик отвечает читателю

Юрий БУГЕЛЬСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ И «ПРОБЛЕМЫ»

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, на первый взгляд, вроде бы все замечательно: писатель «поставил вопрос», «затронул проблему»... Но не будем торопиться, что, собственно, имеет в виду читательница?

Один из героев повести Василя Гигевича «Острова на далеких озерах», писатель Петр Хведорович, так размышляет о современной прозе: «Сейчас же как бывает: увидел — описал... И никакого осмысления, никакой свежей оригинальной мысли или хотя бы... нового сюжетного поворота...» По сути, оно, может, и верно. Тут бы и самому автору впору задуматься, а как в собственном произведении со «свежими оригинальными мыслями» дело обстоит? Прислушаемся к тому, что говорят, о чем думают герои.

«...Сейчас каждый человек куда-то спешит, где хотя бы на время можно почувствовать тишину и спокойствие, от которых в конце концов придется удрать».

«...Вокруг нас машины, машины, машины... Но станем ли мы счастливее, не гонимся ли мы за каким-то призраком, который неизвестно куда нас заведет?..»

«Цивилизация достигла высокого уровня, она начала вмешиваться в обычный природный цикл, и неизвестно, каким образом это вмешательство скажется на нашей дальнейшей судьбе».

«Что бы себе мужчины ни говорили, но женщина может и нужно многое прощать...»

«В настоящем искусстве всегда должен присутствовать элемент магического, тайны».

«...Ежели на то пошло, интеллигенция всегда занималась самоколанием».

Вам интересно? Мне нет. И беда, очевидно, не одной этой повести: быть может, искренне желая обозначить какие-то, по их мнению, важные для современного человека вопросы, многие авторы невольно заставляют своих персонажей с глубокомысленным видом произносить вопиющие банальности. Это раздражает, как раздражает — в жизни — человек, болтающий без умолку, но умудряющийся при этом ровным счетом ничего не сказать. Потому как сказать нечего: пустота душевная.

«О чем они спорили? Начали ли косить? Не пора ли ехать по грибочки? Начали ли жатву? Какой нынче будет урожай бульбочки? А как в этом году с кормами, дожди зарядили — сенцо так и плывет с лугов в реку... Кстати, ежели вспомнилось о реке, то и о рыбалке нужно вспомнить — как, есть еще рыбка или ей уже глаза повыскребывали?..» — вот так, например, общаются не где-нибудь — в писательском кабинете: пустой, праздный, ни к чему не обязывающий разговор, оскорбительный, в сущности, для тех, кого по-настоящему волнует и жатва, и урожай, и есть ли еще рыба в реке.

Отрицательный персонаж повести по имени Валера знает, «что женщине всегда нужно дать возможность присоединиться к высоким идеям». Вероятно, не только женщинам, но и всей остальной читающей публике желательно, чтобы художественное произведение как-то «присоединяло» нас к чему-то высокоумному, серьезному, так сказать, заставляло задуматься. Понимает это и автор. И вот в устах разных героев звучат уже с большой претензией на философичность весьма сходные риторические конструкции. «Время, время... Что же это такое, время?» — думает Алена «Мечты, мечты — когда и у кого они сбываются?» — думает Петр Хведорович. «Счастье, счастье... В чем оно, как его уберечь?» — думает Валера «Человек, человек, до чего дожил?» — думает Сидаревич. Неужели автор всерьез полагает, что подобным образом заставит меня размышлять о таких категориях, как Время, Мечта, Счастье?..

В недавней статье «Наше живое время» («Новый мир», № 3), отмечая обилие «скучных персонажей», Игорь Дедков писал, что происходит это «потому хотя бы, что среди интеллигентных граждан, во множестве гуляющих в садах и парках нашей словесности (писатели, художники, архитекторы, композиторы, журналисты, инженеры, кандидаты и доктора и т. д.), нет или почти нет людей яркой, самостоятельной мысли и этим интересных и привлекательных. И не той мысли, что высказывается за чаем и гаснет, а той, которой следуют и служат, которой живут...» Увы, нет таких людей и среди интеллигентных, «культурных, образованных», по выражению читательницы, героев повести В. Гигевича.

Выставить частокол вопросов, вроде бы и отражающих приметы дня, оснастить произведение десятками, даже сотнями внешне очень актуальных «проблем» — это, как говорится, не проблема: легко их назвать, номинально обозначить. Что многие авторы и делают. Куда сложнее художественно исследовать хоть одно из названных явлений. Надо ли говорить, что возможно такое исследование единственно путем правдивого и точного изображения современного человека в исторически конкретных обстоятельствах, раскрытия его психологии, его индивидуального внутреннего мира.

Вот и главным вопросом повести В. Гигевича могла бы стать, скажем, тема пустоты, бездуховности. Какую-то странную отчужденность ощущают едва ли не все персонажи. С чего бы это? Где истоки внутреннего дискомфорта, кто тут виноват?.. Мы думаем об этом, к сожалению, как бы вопреки авторским усилиям.

Действующим лицам изначально определены свои функции. С ними все ясно, как ясна, к примеру, неизбежность конфликта между Валерой и Сидаревичем (согласимся, это наиболее запоминающийся образ) и то, что нравственная правота будет за последним. Автор не слишком озабочен тем, что называется психологической разработкой характеров героев.

Встречаются и забавные курьезы. Скажем, у двух разных героинь обнаруживается «вялое и мягкое тело». Эту «заслугу» можно было бы, наверное, отнести на счет переводчика, если бы повесть перевел не сам автор. А вот еще пример: Нина была «из тех людей, которые что ни говорят, все у них получается смешным». На той же странице читаем, но уже про другую героиню: «Странно, что бы Света ни начинала говорить, все у нее получается не то что смешным, а просто — звучит несерьезно». Это, конечно, мелочи, но не указывают ли и они на какое-то равнодушное невнимание автора к персонажам? «Проблемы», похоже, волнуют его больше живых людей. Только никакая подмена тут невозможна. Может, поэтому и не трогает мое читательское сердце трагедия, постигшая Алену, может, поэтому не очень убедительными кажутся мне и финальные сцены...

Не россыпями «проблем», глубокомысленных сентенций привлекают лучшие произведения белорусского прозаика, вошедшие в его новый сборник, а чем-то другим. Вот повесть «Возвращение памяти», то с юмором, то с грустью рассказывающая о жизни небольшой белорусской деревни Житино, взрослых и маленьких ее обитателей. Вот неприхотливая история встречи Нади и Степочки из повести «Когда пойдет снег» с искренним интересом и любовью вглядывается автор в судьбы своих героев, пытается понять, почему все у них сложилось так, а не иначе. Вот рассказ о двух днях пожилой супружеской четы (повесть «На переломе лета»): за внешним спокойствием и упорядоченностью приоткрываются нешуточные конфликты: «...сейчас, когда проходило перед Николаем Макаровичем былое, на душе его было пусто и промозгло, как поздней осенью на скошенном лугу... Да, и хата стоит справная, и в хате всего полно, но не греет его это, ничто не греет, холодно ему на свете и одиноко...»

Разумеется, не лишены эти вещи и каких-то недостатков. Возможно, резанет глаз расхожий беллетристический стереотип, предлагаемый автором: мол, все светлое в жизни большинства героев связано с их деревенским прошлым, а все болезненное, изломанное — с городским настоящим, к жестким условиям которого они никак не могут приспособиться. Кого-то, наверное, смутят и некоторая нарочитая приземленность повествования, повышенное внимание к иным деталям повседневного быта, хотя, с другой стороны, что в этом плохого, коль скоро не идет в ущерб главному, а напротив, способствует раскрытию характеров героев? Но одним по крайней мере эти повести выгодно отличаются от «Островов на далеких озерах»: не от «проблем» идет здесь автор, а от ощущения полноты жизни и «умные мысли» не заслоняют тут людей с их реальными радостями и болями. Вот тогда-то и проступает подлинная, а не мнимая проблемность.

В рабочих заметках Василия Шукшина осталась такая запись: «Нет, литература — это все же жизнь души человеческой, никак не идеи, не соображения даже самого высокого нравственного порядка». Думаю, это «нет» возникло здесь не случайно: Шукшин как будто спорит с кем-то. Может быть, с теми авторами, критиками, читателями, которые предпочитают «проблемы», забывая о том, что действительные проблемы в действительно художественном тексте раскрываются прежде всего через человека.

О Чехове, и не только о нем

Г. БЕРДНИКОВ «А. П. ЧЕХОВ. ИДЕЙНЫЕ И ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ»

Издательство «Художественная литература», М. 1984.

НОВАЯ книга Г. Бердникова охватывает обширный историко-литературный материал, сгруппированный вокруг колоссальной фигуры А. П. Чехова. Для автора, хорошо известного и у нас в стране, и за рубежом своими многочисленными работами о Чехове, книга эта в одно и то же время и подведение итогов, и обозначение новых исследовательских путей. Перед нами не только оригинальный и перспективный синтез идей, уже накопленных и автором, и его предшественниками-чеховедами, но также и глубокий методологический поиск, представляющий интерес даже и безотносительно к конкретной чеховской тематике. Движение исследовательской мысли по собственно чеховской хронологии (начинающий Чехов — Чехов конца восьмидесятых годов — Чехов начала девяностых годов и т. д.) обогащается анализом творческих, идейных и стилевых соприкосновений Чехова с писателями-современниками (Щедрин, Короленко, Толстой, Успенский и др.).

Не только в этих подчеркнуто «центробежных» главах, но во всей книге Г. Бердникова ощущается живое присутствие истории русской культуры, и творчество Чехова предстает перед читателем как закономерный, органически необходимый этап в общем процессе развития отечественной художественной мысли. С неослабевающим вниманием мы следим за ходом авторской концепции, учитывающей не только сильные, но и некоторые исторически детерминированные, ограниченные стороны мировоззрения Чехова. Анализ мировоззрения писателя последовательно связывается в монографии Г. Бердникова с содержательной стороной, поэтикой чеховского повествования (повесть «Огни», рассказ «Княгиня» и др.). Это обстоятельство важно подчеркнуть потому, что, к сожалению, до сих пор в иных литературоведческих работах не столь уж и редко приходится наблюдать как бы «двойное», поэтапное рассмотрение «взглядов» и творчества — сначала вычленяются в чистом виде «взгляды», а затем эти же «взгляды» отыскиваются в художественных типах. Г. Бердников занимает принципиально иную позицию: содержащиеся в его книге превосходные разборы «Степи», «Дамы с собачкой», «Скучной истории», «Лешего», «Палаты № 6», «Рассказа неизвестного человека», чеховской драматургии — это одновременно разборы и эстетических структур, и собственно мировоззренческих аспектов сознания писателя. Такое объемное исследование предмета позволяет автору объективно отразить его целостность.

Марксистский историзм не может не вести к теоретическим обобщениям, а теоретические построения плодотворны только тогда, когда они имеют своим основанием реальный исторический процесс. Этому и следует автор рецензируемой книги. Погружаясь в сложную партитуру чеховского творчества, он именно в ней как бы «вычитывает» формулируемые им выводы и заключения. Но уточним — с позиций исследователя нашего времени, учитывающего место и роль чеховского наследия в духовной культуре современного общества. Разумеется, Г. Бердников нигде не становится на путь поверхностного и искусственного «осовременивания» классики. История и современность, день нынешний и день минувший встречаются на страницах этой книги, знаменуя естественное движение жизни общества, его культуры.

Монография Г. Бердникова включает в себя множество историко-литературных, философско-эстетических и культурологических фактов. Конкретика ее необычайно широка. Но и по материалу, и по подходам к нему она едина. Всю ее, от первых до последних страниц, пронизывает ведущее идея — глубочайшая народность творчества Чехова.

Чеховская народность включает и освоение темы народа, и внутреннюю, можно сказать, интимно-художественную творческую ориентацию, которое во многом совпадала с коренными интересами русского народа. Эта ориентация явственно ощущается и в поисках нового метода изображения народного бытия, и в преодолении иллюзий квасцельно духовно-преобразовательного потенциала нравственной проповеди, и в истовой вере в силу и красоту любви действенной, и в резко критическом отношении — уже на рубеже эпох — к узости и черствости в человеческих отношениях, и в поразительно реалистических образах правдолюбцев из народа и т. д. Столь типичная, особенно для Чехова девяностых годов, тема «новой жизни», «нового счастья» в конечном счете выступает как эстетическая реализация возможностей народа, его духовного и нравственного потенциала.

Вдумчивый читатель обратит внимание на присущую книге Г. Бердникова академическую основательность. Это драгоценное качество порождено не только обширной эрудицией автора, но прежде всего глубиной и содержательностью анализа. На страницах книги Чехов — писатель великий и необычайно сложный, противопоставивший различным формам «идеологической предвзятости» «строгую объективность», но вместе с тем не избежавший и определенных противоречий, возникавших именно в связи с благородным стремлением к ней, к этой «строгой объективности». Резко выраженная у Чехова установка на «невыдумывание» жизни (факт, отмеченный Горьким), с одной стороны, открывала перспективу небывало реалистического отображения мира и человека, с другой стороны, «обрекала Чехова на трезвое самоограничение во всем, что касалось естественного желания заглянуть в будущее...»

В книге сосредоточено внимание не только на чеховском решении «вопросов русской жизни»; в ней раскрывается общечеловеческий смысл «тревожных» вопросов, постановкой и решением которых была всегда сильна прогрессивная русская литература. Но вполне естественно, что исследователь Чехова показывает, как облик литературы XX веке в огромной степени определяется именно своеобразием чеховского творчества.

Книга Г. Бердникова — заметное явление в современном советском литературоведении.

А. ЗИСЬ,
доктор философских наук

Доверительный разговор

Михаил ПАРХОМОВ «РАЗГОВОР»

Повести, рассказы. Издательство «Советский писатель». М. 1984.

У ЭТОЙ книги очень точное название. Пархомову есть что сказать, за плечами у него большая и многотрудная жизнь (9 мая — счастливый день! — ему исполнилось семьдесят), и разговор с читателем состоялся. В книге собраны повести и рассказы, написанные в разные годы и хронологически, поэтапно ограничивающие жизнь и автора, и страны (беру не себя смелость поставить здесь знак равенства) примерно за 60 лет.

Потеряв в гражданскую войну родителей, Пархомов беспризорничал, вкусил воли по горло. Открывающее сборник повесть «Улица» — об уличном отрочестве, о подростках, нащупывающих свой путь в годы кардинальных социальных перемен. Подрос, поступил на завод, вечерами учился на рабфаке, мечтал стать архитектором. Не типична ли для времени и судьбе героев повести «Качели»? Поступил в архитектурный институт, но архитектором стать не успел, стал солдатом — началась война. Это повесть «Мы расстреляны в сорок втором». А после войны снова поиски своего места в жизни — «Разговор». И так далее, до дня сегодняшнего.

Пархомов пишет не крупными и размашистыми мазками (если прибегнуть к терминологии живописи), а скорее — «точечной техникой», где целостная картина создается из мелких «точек-деталей. Когда, скажем, читаешь о Большой Васильевской с ее галантерейными магазинами и конфекционами, рестораном «Ренессанс», ночным казино и роскошным кинотеатром «Корсо», в котором шли кинофильмы со знаменитыми Гарри Пилем, Рудольфом Валентино, Мери Пикфорд, с ее пижонами, фланирующими «в кожаных крагах... и куцых пиджачках с разрезами», о праздниках на Малой Васильевской, где «без различия вероисповедания охотно ловили и кошерную мацу, и куличи, и сало, и крашенки», где тоже любили принарядиться, но не так, как не Большой Васильевской, — «кутаться в мягкие шали, глядеться в дешевые зеркала, прикалывать к ситцевым блузам костяные брошки, надевать набекрень суконные кертузы, звенеть веселым монистом, стучать клюшками по низким, гармошкой, хромовым голенищам», понимаешь, что это — Киев, врочию видишь и время, и людей, и социальную структуру общества.

В книге явственно и полно запечатлено время, место действия и личность рассказчика. Три этих компонента и являются отличительной чертой прозы Пархомова, в которой лирический герой и автор почти тождественны.

Солдат и недоучившийся архитектор, он все-таки «воздвиг несколько обелисков в этой самой Европе. Они и сейчас стоят над братскими могилами... Мои проекты..., утверждал наш член Военного совета, мировейший мужик... Он говорил: «Тебе, капитан, виднее. Действуй. Только помни, кому мы ставим памятники...» То был период... когда моим хозяином и заказчиком была моя совесть». В сущности, неважно, кто это говорит, герой или автор, дело в полном совпадении их духовных устремлений, мироощущения, совести. Я бы сказала, что проблеме выбора, совести доминирует в книге, во всех вещах, составивших сборник.

Тринадцатилетний герой из повести «Улице» выбирает себе в вожаки Цыганка потому, что по жизни того ведет обостренное чувство справедливости (хотя есть у него и масса других достоинств). Он никогда не нарушил закон: лежачих не бьют, нельзя обижать сирых и слабых. Впоследствии именно это чувство справедливости и привело Цыганка, а затем и всю его команду в «ВОМ» — «военный отряд молодежи».

«...Мы изучали азбуку Морзе, штудировали уставы, распевали военные песни, разбирали и собирали замки станковых пулеметов... Для чего?.. Это подразумевалось само собой. Нам не терпелось поскорее раздуть «мировой пожар, чтобы раздать землю крестьянам в далекой испанской волости под названием Гренада».

Совесть вынуждает мастера Ерохина («Качели») сказать горькие колючие слова правды своему другу-сопернику. «Подумай, чем вы гордиться начали. Процентами... А я делом своим горжусь, спецовкой». Для Ерохина изменить своему делу — изменить себе. Потому, как никто другой, имеет он право осудить Семена Зацепина, из трусости продавшего свою любовь. Хорошо это или плохо, но зло у Пархомова почти всегда бывает наказано. Так окончательно потерял себя в конце концов Семен Зацепин — с заводе вынужден был уволиться, искал счастья в разных местах, но не нашел. Шкурник и трус майор Подлесный срывает с себя петлицы и уничтожает документы, почуяв опасность, — он будет наказан презрением товарищей и полным одиночеством. Пенкнер и трус лейтенант-кавалерист, попав в немецкий лагерь, станет старостой, но и это ему не поможет («Мы расстреляны в сорок втором»). Предавший своего учителя и свой талант Конь (Конецкий Вячеслав Дмитриевич) будет наказан потерей таланта («Разговор»).

Конечно, зло не всегда бывает наказано в жизни, и добро не всегда торжествует, но писатель так горячо ненавидит всяческое зловещество, трусость, предательство, приспособленчество, что убеждает и нас в закономерности скорого и неприменного возмездия. Он не признает никаких оправданий, никаких ссылок на обстоятельства.

Цикл рассказов, включенных в книгу, лукаво определен автором как «Приложение к путеводителю». Пархомов действительно хороший гид, он любит свой город и умеет его показать. Есть Киев Максима Рыльского и Паустовского, Булгакова и Николая Ушакова... Этот Киев запечатлен в их книгах. У Пархомова тоже свой Киев, свои любимые в нем места. Но что такое город без людей! Груде камней. Писатель и архитектор Пархомов понимает это и, знакомя читателей с родным городом, пишет о людях редких или вымирающих профессий и таких, которые живут, но претерпели со временем серьезные видоизменения. О центрфорварде Лехе Зюзине, Лешем (это было в те времена, когда вратарей называли голькиперами и вся страна гордилась своими знаменитыми беками, хавами, инсайдами, когда Михаил Бутусов, по существующей легенде, пушечным ударом убил турецкого голкипера). О кондукторе трамвая на кольцевом маршруте № 9. О билетерше кинотеатра повторного фильме по прозвищу Старая дева. О чистильщике обуви дяде Паше. Об артисте своего дела поваре Иване Станиславовиче и других.

Киев древний и Киев нынешний, где роднились новые поколения людей, новые профессии и новый быт, живет, и характеры, создаваемые М. Пархомовым, дополняют замечательную галерею типов, созданных его предшественниками.

Э. МОРОЗ

НЕОЖИДАННЫЙ РАКУРС

Леонард МЕРИ

Фото А. КАРЗАНОВА

Рабочая память

Олег ДМИТРИЕВ «ПТИЦЫ НАД ГОРОДОМ»

Стихи. Издательство «Советский писатель». М. 1984.

ДЛЯ ОДНОЙ ДУШИ

Стихотворения. Издательство «Молодая гвардия». М. 1985.

Как хороша, как современна эпиграмма Баратынского:

И ты поэт, и он поэт;
Не меж тобой и им
различна находят;
Твои стихи в печать
выходят,
Его стихи — выходят в свет.

Много и нынче стихов, которые выходят в печать, но отнюдь не дальше. Пылятся, мертвые, на прилавках и на складах.

Олег Дмитриев — из тех поэтов, чьи стихи выходят в свет, ибо свет излучают. Две его новые книги «Птицы над городом» и «Для одной души» сразу вызвали живой отклик. Читатель, вот уже четверть века с интересом следящий за творчеством О. Дмитриева, ждал их не зря.

В новых стихах О. Дмитриев верен своей обстоятельной и ориентированной на слушателя манере. Тон его стихотворений по-прежнему реалистичен, описание подробны, лиризм изрядно приправлен самоиронией.

Вспоминаю проницательную статью В. Турбина «Неизбежность странного мира» («День поэзии-79»). Говорилось в ней о том, что перспективный путь современной поэзии лежит, по-видимому, «на периферии окружающей нас повседневности». Критик ратовал за бережное отыскивание, отшлифование, подбирание незаметных сокровищ памяти, былого, забытого. Интересно, что единственной современной иллюстрацией к этим мыслям стали в статье стихи О. Дмитриева, «Дорого в его стихах те, что воплощен в них словесный жест: не от себя, а к себе; не отбросить, а подобрать, пригреть на ладони».

Да, таково свойство дмитриевской памяти. И впрямь самая, казалось бы, незначительная, «бросовая» деталь внезапно под взглядом поэта увеличивается до символа и обнаруживает ранее не очевидную духовную мощь, насыщенность, полноту. Старая пластинка с выпуклыми, как кольца пня, кругами — это полуницая Россия времен маминой юности. Довоенные пальто ополченцев, уходящих из Москвы на фронт, — это прощание с отцом, который обратно не вернется. Консервная банка вместо шайбы — это детская отрада военной поры.

Поэт воскрешает минувшие годы. Память у него рабочая, точная, конкретная — так вспоминают люди, без фальши влюбленные в жизнь.

У каждого подлинного поэта есть своя тайная зачарованность, свое навязчивое пристрастие, нечто «самое свое». У О. Дмитриева это, пожалуй, особые отношения с временем, точнее, с временами, прошлым, настоящим, будущим.

А сам — то в будущем живу,
Те в прошлом —
там, где захочу!

Поэт запросто, как из комнаты в комнату, переходит из времени сегодняшнего в будущее. Он может буднично, как о прогулке, сказать: «снова ненадолго отлучился в давний прошлый день». Может, глядя в грядущие сроки, присматривать себе «старика для подражанья». Может к потомкам, чей образ виден ему «в далеком будущем, в непостижимом дне», обратиться со странной просьбой: «Прошу, обои старые погладьте...»

Быт, его шероховатая, вещная, осязаемая поверхность защищают оптимистическое мировосприятие поэта от холодных сквозняков небытия.

В новых книгах О. Дмитриев по-прежнему летописец родной Москвы, певец дружества и братства, верный наследник фронтовых заветов: «Мы с тобою солдатские дети.»

По-прежнему О. Дмитриев много пишет о юношеских странствиях и отмечает, что, странствуя, «учился простому стремлению к цели, откровенности, больше всего — прямоте». Оглядывая пройденный поэтом немалый путь, надо сказать, что в этой нравственной учебе он преуспел. Характер О. Дмитриева, «превращая перепутья в непреложные пути», сформировался — он откровенен и прям, справедлив и устойчив.

Иногда, правда, устойчивость эта граничит с некоторой статичностью: движение лирической мысли порой лишено непредсказуемости. Это, конечно, отражается и на форме, в данном случае на композиции — слишком многие стихотворения О. Дмитриева «закольцованы». Финальная строка стихотворения повторяет первую. Лирический посыл, не меняясь в лице, стоит на месте. Пространство стиха чересчур замкнуто.

Зато как много воздуха, например, в разделе «Восьмистишия» («Птицы над городом»)! Их отличает именно энергия недосказанности — эти стихотворения исполнены сдержанной прелести, которая сродни японским лирическим миниатюрам.

Думаю, что «Восьмистишия» таят в себе еще неявные и многообещающие возможности Дмитриева-лирика. Здесь он меньше формулирует — больше доверяется наитию и музыке. Они и ведут поэта вглубь.

Итак, стихи вышли в свет.

Татьяна БЕК

Нодар ДУМБАДЗЕ:

ДЕЛАТЬ ДОБРО, ПОКА МОЖЕШЬ

В издательстве «Советский писатель» готовится к выходу в свет книга критика А. Руденко-Десняна, посвященная творчеству Нодара Думбадзе. В нее войдут материалы встреч и бесед с писателем. Сегодня мы публикуем одну из них.

НОДАР ДУМБАДЗЕ был блестящим собеседником... Не знаю, можно ли передать на бумаге эту гибкую интонацию, эти молниеносные переходы от серьезного к смешному, эту постоянно преодолеваемую усталость в глуховатом голосе...

— Тебя часто называют человеком счастливой судьбы...

— Что ты имеешь в виду? Мою личную жизнь? Иногда мне кажется, за пятьдесят с лишним на мою долю досталось столько, что хватило бы лет на сто пятьдесят...

Как-то странно звучит это — насчет счастливой писательской судьбы. Когда все напечатано, будто так и надо. А кухни никто не знает... «Я, бабушка, Илико и Илларион» — даже и непонятно, что это было: печатали в журнале «Цискари» под рубрикой «Юмор» самым мелким шрифтом — чтоб не так заметно... А когда вышел роман «Закон вечности», один вполне ответственный работник сказал: об этом можно писать? Позже роману дали свою премию рабочие Нурека, он был удостоен Ленинской премии .. Я думаю, отмечена не только моя литературная деятельность, а и работа в литературе нашего поколения.

.. Вот так со стороны посмотреть — действительно, судьба моих произведений счастливая. И мне самому иногда так кажется. А как вспомнишь, что предшествовало каждому, даже самому маленькому успеху, удаче прямо дрожь берет... Не подумай, я не расстраиваюсь, я радуюсь. Да и зачем другим знать о твоих огорчениях? Искусство призвано помогать людям. Об этом и надо думать в первую очередь.

— В «Законе вечности» написано: «Вачана Рамишвили родился 14 июля. Эта дата была отмечена во всех календарях мира, но, разумеется, не как день рождения Вачаны, а как день падения Бастилии, день рождения Французской республики»...

— Да, я родился 14 июля, как Бачана Рамишвили, и инфаркт перенес, как он, и журналистикой, подобно ему, занимался, только он — редактор республиканской газеты, а я был редактором сатирического журнала «Нианги».

Редакторство — это такое дело... Я первое время сидел в кабинете и все ждал — сейчас войдут люди и скажут: «А это кто такой? Ну-ка, освободи место...»

...После «Закона вечности» получил много писем. Реакция читающей публики — дело тонкое. И такие письма получал: «Как вы смеете о своей нации так писать?» Или сочувствие: «А вы не боитесь за себя?»...

Есть такая своеобразная национальная стыдливость: не выносить сор из своей избы. Я всегда таким стыдливым говорю: больной, который скрывает свою болезнь от врача, может умереть. Это элементарно. И не всегда врач спрашивает у больного, надо, скажем, делать операцию или нет. Говорю, конечно, о крайнем случае. А писателю никогда нельзя бояться, условно говоря, национальных болезней, стыдливо отворачиваться от них. Когда у нации появляется какой-то антинравственный вирус, писатель и старается показывать человека, который борется с этой болезнью, не боится лезть в грязь и мусор. Чтобы читатель видел, переживал, может, чувствовал стыд. И чтобы очищение шло — вот в чем суть... Мой герой Бачана — из самой жизненной гущи. И часто имеет дело с грязью.

— Но она и ему как будто не пристает. Как будто вообще нет быта...

— Э, здесь применяется чаплинский метод. Не удивляйся, сейчас поясню. Чаплина помнишь? Хоть и в дырявых, но перчатках Хоть и рваные цилиндр и фрак, зато — цилиндр и фрак .. У Чарли дома три с половиной тарелки и полторы вилки, а он брюки гладит... Тут через детали — поразительное внутреннее состояние. Тут никогда не теряется рыцарский дух! А брюки могут быть одни... Взять хотя бы, как Бачана и другие веселые ребята относятся к сумасшедшей девочке Марго.

— Бачана, как и ты, учился в университете...

— Я поступил в Тбилисский университет в сорок пятом году. Собирался стать экономистом сельского хозяйства. Как видишь, серьезного человека из меня не вышло... Было в университете литобъединение, а у него альманах «Пирвели схиви» — «Первый луч». Там и начал печатать году в сорок восьмом — сорок девятом стихи и фельетоны.

— В Бачаны Рамишвили легко найти сходство с тобой. А Зурикела Вашаломидзе, герой первого романа?..

— Я так же, как Зурикела, рос сиротой, жил в деревне во время войны. И меня воспитывали бабушка и тетя. Нашу деревушку зовут Зенобани. Она рядом с большим селом Хидистави, в Западной Грузии В хорошую погоду, если подняться к крепости царицы Тамары, видно море. Это Гурия.

В Зенобани жили два старика, мои однофамильцы. Оба действительно без глаза. Один охромел раньше, еще до моего появления в деревушке, другой заболел при мне... Илико был очень остроумным. Илларион же я довольно заметно изменил — он в жизни гораздо более сдержанный и серьезный человек. После выхода романа односельчане узнали стариков, а они — себя...

— И как к этому отнеслись?

— Были в ужасе. В «Цискари» мой первый роман печатался небольшими частями. После первых публикаций до меня дошли просто страшные слухи. Пришлось срочно дать рукопись своему старому другу, с которым учился в сельской школе. Он прочел и успокоил односельчан. Сказал, что ничего плохого в романе нет. Ну а потом оказалось, что попасть в литературу не так уж скверно, что в нее попадают не только мерзавцы...

— Как тебе видится сегодня содержание, суть первого романа?

— Знаешь, я обнаружил там просто монументальные вещи. Там есть национальная трагедия — война, там есть сиротство подростка, есть горе тяжелой болезни и даже смерть А юмор.. Юмор какую-то легкость придает предмету, о котором говоришь Когда я смотрю — в кино — на египетские пирамиды, у меня такое ощущение, что древние мастера обладали магическим свойством — лишать предметы их веса. На какое-то время А только каменная глыба ложилась на место, ее снова нельзя было ни поднять, ни сдвинуть... Юмористический писатель должен поступать так же — делать детали своей постройки легкими при строительстве, но чтобы после того, как они улягутся на место, была заметна их монументальность

Вообще что такое юмор?.. Приехав на студенческие каникулы, я решил помочь бабушке Она долго искала работу любимому внуку, а потом попросила поставить в огороде новую уборную Я взялся за дело очень рьяно. Пилил из бревен доски, строгал, бегал с топором и молотком, а поскольку квалификация моя была очень низкой, получилось сооружение каких-то невероятных размеров К вечеру появился Илико, осмотрел мою работу и произнес: «Нодар, ты что, решил отделиться от бабушки?» Мы смеемся сейчас, а Илико тогда даже не улыбнулся. Понимаешь, он совсем не собирался шутить. Так он думал, так видел, так говорил. О многих гурийцах можно сказать то же самое.

Это атмосфера, которой я дышал.

Я использовал, кстати, всякие народные байки. Представь, жаждущие вина «гуроворят напиваются, потом кто-нибудь говорит: «Давайте споем! Только тихонько...» Или еще хлеще: «Давайте постреляем! Только тихонько...» Тут их и накрывают. Подобных сюжетов — бездна. Разве можно придумать таков: колхозники предлагают приделать к конторе колеса, чтобы возить ее ближе к дому очередного председателя? Я незаметно для себя впитывал реплики, шутки, истории самого народного происхождения. И учился смотреть вокруг глазами моих земляков.

— В книгах ты довольно редко позволяешь своему остроумию быть злым, сердитым. Этакий милый, теплый дождь... Похоже?

— Сатира — кипяток, юмор — теплый душ. Я больше склонен к теплой воде — чтобы не обжигать человека, а снимать грязь... Но и сатирой пользуюсь: иногда кипяток тоже нужен.

— Детство — начало начал. Насколько можно судить, тогда были получены те жизненные уроки, значение которых сказалось много лет спустя.

— Одним из моих учителей был дед Кишварди. Человек был замечательный, многому меня научил. Давал оружие, учил стрелять. Сажал на коня. Ночью отпускал одного. Ходили мы с ним на мельницу. Он — спереди, с большим мешком, я за ним — с маленьким Дорога была через кладбище. Я не боялся даже ночью — дед был со мной. А без него не ходил — побаивался. И вот дед умер, его похоронили, и мне пришлось идти через кладбище одному, поздно. И я пошел — без страха. Во-первых, уже привык (воспитание!), во-вторых, был убежден, верил, что дед меня защищает. По-прежнему!

Это дед научил меня прививать плодовые деревья. Давно это было. А в прошлом году в Сагурамо я занялся прививкой яблонь — и все получилось.

Человек видит и помнит многое. О чем он хочет рассказать другим? Простая посылка, а кое-что существенное определяет, имея в виду нашу работу.

Я постарался не забыть ни одного урока доброты

— Наверное, не только доброты. Я имею в виду хотя бы тональность твоих рассказов... Ты любишь называть их коронарной недостаточностью...

— Да, они появились вместе с чувством, что я чего-то недосказал в своих романах, на какие-то вопросы не ответил. Рассказы — как ростки, отростки от романов, расшифровка того, что было сказано бегло, полусловом

— Даже по переводам можно судить, что рассказы эти — сама простота и ясность...

— Я не любитель параллелей, но вот что заметил в той же русской прозе: сложные вещи писать легче, простые — труднее. Вот у Валентина Распутина есть рассказ «Уроки французского». Все там просто, а впечатление потрясающее. Я читал его повесть «Живи и помни», драматизм, конечно, мощь.. А для меня весь талант Распутина раскрыт в маленьком рассказе. Он сам там живет Не то чтобы сидит на колесе обозрения и наблюдает за всем сверху, а находится внутри... После чтения «Уроков французского» у меня возникло ощущение чего-то родного и близкого. Будто я сам писал и в распутинском мальчишке узнавал себя — в его упорстве, в отношениях со старшими. Этот мальчишка не идет ни на какие компромиссы, он понимает подсознательно: один раз уступит, сдастся — и ему крышка. Он очень похож на мальчика в моем рассказе «Собака», на ребят из «Hellados» .

— Писатель неизбежно проходит курс той или иной учебы — у предшественников, у современников...

— В литературе нет учителей. Книги-путеводители есть.

— А критика?.. Несколько слов о твоем отношении к ней.

— В том что я делаю, критику может не понравиться многое. Я только хочу, чтобы, упрекая меня, он ясно представлял, что и как я хотел сказать. И если национального во мне, писателе, совсем не замечать, останется невыявленным и что-то очень важное в самом произведении. Это не та проблема, которая касается только меня и критика. Она — общая... Критик имеет право высказать писателю абсолютно все, нет у него одного права: учить, как писать.

Я слышал одну шутку: критика так же помогает движению литературы, как астрономия — движению планет. Это смешно, но не очень точно. Критика, подобно астрономии, способна обнаружить, есть ли вообще жизнь на какой-то писательской «планете», какая там атмосфера От этого «планета» не изменится, но люди, читатели получат необходимые знания. Так критика и выполняет свою функцию в литературе... А вообще до сих пор читателей боюсь гораздо больше критиков...

— Ну, на читательское внимание тебе жаловаться грех...

— На одной встрече мне задали вопрос: «Как жить?» Тут или очень легко ответить, или вообще невозможно — в нескольких словах. Как жить? Просто и свободно, делать добро, пока можешь... Мало? Не знаю

— Похоже, именно так живет герой повести «Кунарача».

— Это не совсем обычная для меня вещь. Я был в Гульрипши, на море, работал. Написал всего одиннадцать страниц, и случился инфаркт. Второй. Меня просто вернули оттуда, кое-как откачали... Ночью в больнице тихо вставал, писал. И после больницы, дома, тоже. Так и получился рассказ о Кукараче. Он — как тореадор. Да-да, не улыбайся. Он может отступить, маневрировать, но уйти с арены не может, пока не закончится бой. Так или иначе — но закончится

И ЕЩЕ Нодар Владимирович сказал как-то почти мимоходом:

— Дерево по имени Нодар Думбадзе уже немного шатается. Но я — сын земли, сын этой земли, и корни мои здесь. Хочу, чтобы ты почувствовал искренность моих слов...

Он талантливо говорил, писал, жил... Такие потери невосполнимы.

А. РУДЕНКО-ДЕСНЯК
Фото **А. КАРЗАНОВА**

Язык прозы: слово живое и мертвое

В обсуждении языка современной прозы приняли участие писатели М. Ганина («ЛГ», № 2), А. Афанасьев («ЛГ», № 6), В. Крупин («ЛГ», № 14), языковед Ю. Костинский («ЛГ», № 20), читатели («ЛГ», №№ 2, 11). Сегодня в нашей рубрике с полемическими заметками выступает молодой критик Александр Лаврин...

Александр ЛАВРИН

СЛАГАЕМЫЕ САМОБЫТНОСТИ

СТРАННЫЕ все-таки вещи иногда происходят. В двери и окна барабанит XXI век, космические экипажи по полгода проводят в космосе, создано третье поколение ЭВМ, гигантскими шагами развивается генная инженерия, а М. Ганина считает, что сердце читателя должно вздрагивать при чтении следующего отрывка из произведения В. Пулькина: «Наконец наша Петрушина тоня. Выгрузились мы и втащили карбас. Стали тоневую избушку мыть да шоркать... Братья мои наладили флюгарку» и т. д. Оценивая этот отрывок, писательница с удовлетворением констатирует, что в нем нет «...ни одного слова, которое не имело бы знакомых мне, как русскому человеку, прочитываемых и угадываемых корней. Русскому языку они не чужеродны, даже «флюгарка»,...»

По мысли писательницы, это и есть народная речь. Странно, однако, что под словом «народная» подразумевается только язык жителей села, деревни, да и то главным образом деревни прошлых лет, в то время как две трети населения страны живет не где нибудь, а в городах. Впрочем, дело не в процентах, а в духе времени, в духе языковых перемен, которые происходят на наших глазах.

Кстати, поговорите с сельскими жителями, механизаторами и доярками. Конечно, их язык отличается от речи современного городского жителя, но нет в нем стародавних оборотов, словечек, бытовавших в деревне, еще не видавшей ни трактора, ни комбайна. Это же ощущается и в лучших выпусках телевизионной передачи «Сельский час».

Мне понятно ратование выступающих в дискуссии за красоту русского языка, их стремление оградить язык от порчи, среднеарифметического «оболванивания», но, к сожалению, все это нередко выливается в штыковую атаку на языковые новшества, принесенные временем.

Проблема вхождения новых слов в язык не нова. М. Ганиной, возмущающейся словосочетанием «жидкая органика», стоит припомнить высказывание М. Горького, относящееся к 1931 году: «Слово универмаг стало обычным. Если бы вы сказали его пятнадцать лет назад, на вас бы вытаращили глаза». Еще в прошлом веке русский языковед Я. К. Грот дал классическую характеристику процесса освоения новообразований: «Вначале слово допускается очень немногими: другие его дичатся, смотрят недоверчиво, как на незнакомца... Мало-помалу к нему привыкают, и новизна его забывается: следующее поколение уже застает его в ходу и вполне усваивает его». Резонно предположить, что в XXI веке кто-нибудь будет отстаивать «жидкую органику» так же, как сегодня М. Ганина отстаивает «флюгарку».

Напомню еще, что в словаре Ушакова (1948 г.) нет слова «магнитофон»! Ныне это слово воспринимается столь же естественно, как, скажем, слова «дерево» и «дом» Если слово отвечает потребностям русского языка, оно легко и свободно проходит стадию «обоусения» и становится его неотъемлемой частью. Позиция же М. Ганиной в принципе мало чем отличается от позиции «угрюмого певца» Шишкова, призывавшего именовать «галошн» «мокроступами», а «театр» — «позорищем».

Советским языковедением давным-давно отвергнуты подобные идеи якусового пуризма, хотя, конечно, ученые не будут настаивать на замене хорошего русского слова, точно характеризующего предмет, его иностранным эквивалентом или словом, понятным людям только одной профессии.

Никто не собирается, как думает В. Крупин, «наказывать» писателей за употребление местных речений. Вопрос в мере. Должно быть у писателя чувство меры, вкус языковой, наконец. Крупин апеллирует к авторитету Белова, Астафьева, Распутина, к авторитету «Тихого Дона»: «Представьте их без местных речений, и все опресниться». Однако он не замечает при этом, что использование диалектизмов у этих писателей строго дозировано. Местными речениями они решают частные художественные задачи, а не основные. Иначе говоря, у них диалектизмы не режут слух.

Говоря о писателях-поморах, Крупин восклицает: «Радоваться надо, что есть писатели, сохраняющие язык...» Позвольте спросить: какой язык? Язык узкой этнической (или профессиональной) группы? Ну что ж, прекрасно. Но зачем писать для сотен миллионов на языке, понятном лишь тысячам? Ведь чтобы произведение не таком языке стало понятно русскому читателю, его нужно насытить колоссальным количеством комментариев, сносок и т. д., то есть растолковать, «перевести» на язык общенациональный. Так, может, проще издавать эти книги именно в переводе? Например: И. Иванов «Флюгарка курлатая» («Журавлиный флюгер»). Перевод с поморского П. Петрова.

Впрочем, шутки в сторону. Если говорить серьезно, то настораживает стремление М. Ганиной и В. Крупина выдать за некий эстетический идеал слова из вымирающих языковых пластов — вымирающих в силу своей нецелесообразности, отклонения от языковых норм. Скажем, М. Ганиной жалко словечка «луцку», а В. Крупину — «наджабить». Спору нет, слова колоритные. Но и только. И звучат они, по признанию самих же Ганиной и Крупина, из уст людей пожилых, родившихся в 10-е, 20-е годы. Нынешние поколения так уже не говорят. И этого не жаль ничуть. Не жаль, ибо на место «наджабить» и «луцку» пришли и приходят новые диалектизмы и жаргонизмы, новые «луцки». Великое свойство «глокой куздры» вовсю используется современным разговорным языком, особенно в молодежной среде Прочно завоевали себе место под солнцем в 70-е годы «чувиха», «клево», «балдеть», «кайф», «кирять», «без булды», «комок» (в смысле — комиссионный магазин) и масса тому подобных выражений. Так что же, строить на них художественную прозу? Эти слова ничем не хуже и не лучше слова «наджабить» — они столь же колоритны, выразительно и метко характеризуют определенную категорию молодежи. Но, разумеется, всем нам ясно, что такой язык чужероден высокой литературе.

В. Крупин защищает слово «флюгарка», ссылаясь на то, что его использовал однажды Блок. Прямо скажем, слабый аргумент, потому что нетипичный это пример для Блока. Вот Николай Клюев, раз уж мы коснулись поэзии, такие слова использовал куда чаще. У Блока вообще бесконечное количество раз повторяются одни и те же слова. А ведь гениально! И — все понятно, все по-русски. И вообще, разве имеет значение, употреблял какое-то слово великий русский поэт (писатель) или нет? Если слово перестало отвечать функциональным потребностям языка, оно мертво. Попробуйте сейчас всерьез, а не для комической стилизации употреблять в повседневной речи слова «ланиты», «перси», «пиит» и т. д. Боюсь, что аплодисментов вы не услышите.

НЫНЕШНЯЯ дискуссия, как лошадь на привязи, ходит вокруг одного и того же вопроса — употребление диалектизмов и просторечий в современной прозе. Между тем в разговоре о языке прозы это все-го лишь частный вопрос, и странно было бы обсуждать его, не касаясь всей совокупности вопросов языка, не анализируя язык как систему. Не может рука жить отдельно от туловища. Если копнуть глубже, не получается ли, что разговором о диалектизмах заслоняется проблема определения подлинной самобытности языка художественной прозы? По Крупину и Ганиной, эта самобытность достигается простым способом — использованием местных речений и отклонений от языковых норм. Мол, только этим и можно спастись от устрашающей арифметической усредненности современной прозы. Но ведь подлинное своеобразие языка прозы (как и вообще искусства) достигается прежде всего самобытностью художнического видения. Без этого никакие «луцки» и «флюгарки» не помогут.

Настоящий художник ищет не формальный языковой прием, а художественный метод передачи изображения, переживания.

Многие русские писатели задумывались о языке прозы, и практически все сходились в одном — без ясного, точного, выверенного всей русской литературой языка подлинное искусство прозы невозможно. «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы, — констатировал А. С. Пушкин.— Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат».

А. М. Горький говорил, что «подлинная красота языка.., создается точностью, ясностью, звучностью слов», что из «отлично разработанного, но весьма усердно засоряемого пустыми и уродливыми словами литературного языка» писатель должен уметь отбирать «наиболее простые, четкие и красочные слова».

И действительно, все лучшее, что создано в русской прозе за два столетия, написано простым, ясным, общедоступным русским языком. Вместе с тем нет в ней шаблона, однообразия. Каждый художник отличается своеобразием творческого метода и, как следствие, своеобразием языка. Нервный, напряженный язык Достоевского мы не спутаем с эпической величавостью и спокойствием Толстого, аскетизм и гармоническая строгость пушкинского стиля не похожи на филигранную бунинскую акварель...

Возьмем прозу Андрея Платонова. Почти в каждой его фразе нас ждет открытие: «Не успел он докурить, а уж к нему кто-то громко постучал беспрекословной рукой», «Шел он часа три, на город не смотрел и чувствовал свою усталую сырую кровь», «Хотелось соскочить с поезда, прощупать ногами землю и полежать на ее верном теле». Здесь своеобразие языка идет от особенностей стиля мышления писателя.

Не менее поразительна классическая трезвая прямота языка Льва Толстого: «Обед кончился; большие пошли в кабинет пить кофе, а мы побежали в сад шаркать ногами по дорожкам, покрытым упадшими желтыми листьями, и разговаривать» («Детство»). Простота интонации, отсутствие тропов, ярких эпитетов, но при этом — явная языковая свежесть. Это достигается благодаря новизне и прозрачности взгляда. Как видим, для подлинной самобытности вовсе не требуется экзотичности словаря.

Очень важной проблемы касается В. Крупин, говоря о связи литературного языка с разговорным: «Скажут: пусть так говорят, но зачем же так писать? Вот оттого-то, что так говорят, оттого-то и надо писать как говорят». Ну, во-первых, такой орнаментальной вязи, как у Пулькина, в живой речи не услышишь (разве что отдельные слова промелькнут), а во-вторых, неверна сама постановка вопроса. Разумеется, писатель должен прислушиваться к разговорному языку, улавливать его особенности и происходящие в нем изменения, но при этом он должен брать из языка лучшее, а не худшее! Если бы прозаики русские, как предлагает Крупин, рабски копировали разговорный язык, не было бы у нас сейчас ни пушкинской, ни толстовской, ни чеховской прозы. Литература должна иметь двухстороннюю связь с читателем. С одной стороны, писатель вслушивается в разговорный язык и в какой-то мере использует его, а с другой стороны, своими произведениями он поневоле влияет на культуру этого разговорного языка, то есть прививает читателю вкус к языку чистому, светлому, не засоряемому малопонятными словечками. Нужно не литературный язык опускать до разговорного, а разговорный поднимать до литературного!

Невелик труд стенографически фиксировать диалектизмы и жаргонизмы, но только таланту дано умение органически вплетать лучшие из них в язык современной прозы.

РЕПЛИКА

ГОЛЫЙ СВЕТ, ИЛИ ТЕНЬ ОТ ПРИМУСА...

МОЖЕТЕ ЛИ вы представить себе «темное пятно», которое покоится «около электрических пробок не счетчике, подобно тени от взорвавшегося примуса»? Или, к примеру, старый гобелен, о котором сказано, что он «стоит... не стене рядом с диваном»?

Если скажете, что такого не бывает, во всяком случае, в повседневной жизни, то позвольте адресовать вас к 10, 11 и 12 номерам журнала «Простор» за 1984 год, точнее, к опубликованному там роману некоего Родефа Аврича «Казарма».

Словосочетания, а то и целые фразы, схожие с приведенными, встречаются на страницах этого сочинения в изобилии. Тут и «хронические привычки», и «голый белый свет», кажущийся через стекла машин более организованным, и, наконец, критик, который не смеет «бросить в нас хотя бы один камень из своего злопыхательского рта».

Как уж здесь не вспомнить знаменитое «Автопробегом— по бездорожью и разгильдейству!» и другие классические лозунги-пародии И. Ильфа и Е. Петрова!

Казалось бы, ушло в далеков прошлое время, когда подобные выражения могли преподноситься без тени пародийности, без всякого на нее намека. Тем удивительнее встретить на страницах солидного литературно-художественного журнала обороты типа «доллары водятся у меня как блохи на закудалой собаке», «диван не меньше чем времен Людовика второго, если такой существовал», «монеты рассыпали непонятный деревянный стук». Действительно, непонятный, если учесть, что монеты вряд ли рассыпают стук.

Читаем в романе: площадь приветствовала генерала «ревом диких зверей». Между тем никаких «диких зверей» в данном случае генерал Хойзер — один из действующих лиц романа — не увидел. А ревели на площади фашиствующие молодчики, встречая единомышленника.

Вот еще один персонаж — полковник Лотер, маленькая голова которого «состояла только из жевательного аппарата и мозжечка для координации простейших движений и действий». Изображен он под стать старичку из военного министерства, напоминающему «заплесневелый гриб, только лишь очищенный, напомаженный, одетый во фрак и хрустящую от бельзны манишку».

Очень похоже автор характеризует и многие другие персонажи. Скажем, чиновники из военного министерства — это «свора». Охранники — «остолопы». Пилот военного самолета — «дрессированный медведь, с физиономией серой и удивительно тупой». Физик-атомщик Нудзума улыбается «восхитительной улыбкой цепной собаки, готовой каждую секунду укусить»...

Подобных ругательных характеристик, равно как и чрезмерного натурализма, в романе хоть отбавляй. Даже сам глава государства, где разворачиваются события, — «баран», показывающий «дорогу стаду». Его портреты красуются на урнах для мусора, а «группа женщин из лиги «Милость господня» таскала портрет... на задней части юбок, полагая, что это самое подходящее место для него».

Конечно, мы далеки от призыве применять для изображения оголтелых сторонников новых военных авантюр восторженные эпитеты. И если бы роман строился, скажем, на условностях фарса, может быть, такие характеристики и оказались бы при всей их скабрезности уместными. Но беда в том, что повествование ведется, как говорят, «на полном серьезе», претендуя на роль политического романа. Возникает вопрос: кому нужна эта разведистая клюква? Ведь если заправилы современного капиталистического мира столь глупы и примитивны, то и борьба с ними должна быть легкой. Но мы знаем о кровавых злодеяниях империализма, о том, какими изощренными методами он стремится завоевать мировое господство. Разоблачать империализм надо, но не на уровне романа «Казарма». Подобные сочинения, я думаю, лишь дискредитируют жанр политического романа, завоевавший ныне всеобщее признание.

При этом нам предлагается немало, можно сказать, ошеломляющих своей новизной сведений. Так, всемирный потоп, по автору, был «несколько столетий назад»; «накануне сотворения мира, когда на земле господствовал хаос», «серая пустота земной тверди», оказывается, «тянулась до самого горизонта»; а атомное оружие «заражает окружность взрыва» и т. п.

Беда еще и в том, что читателю так до конца и не ясно, кому следует адресовать свои претензии: лейтенанту ли ВВС Вильяму Дженкинсу, от лица которого ведется повествование; то ли «переводчику» его рукописи с английского, написавшему предисловие к роману, но не указавшему своего имени (он сообщает, что рукопись предлагается «в том виде, в каком она написана автором»); то ли, наконец, самому Родефу Авричу, который значится как автор романа «Казарма».

Если же в данном случае речь идет о литературной мистификации, то следует признать, что она удалась автору как нельзя лучше: читатель окончательно запутывается, пытаясь разобраться, кто есть кто, то бишь кто автор, кто переводчик, а кто герой.

Впечатление же, что роман опубликован, как говорится, в «сыром» виде и карандаш редактора не касался его, а если и касался, то весьма поверхностно, не покидает от первой до последней страницы.

В. САМОХИН

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Прямолинейные стихи

Звездочка моя!
Начнем гадать по звездам!
Как прекрасны
Звездный дождь,
Парад планет
И звездный час.
Устарело это все и несерьезно —
Звездным ужасом испытывают нас.
Раковая опухоль прогресса —
Атом
Новых требует потерь:
Зоной президентских интересов
И Вселенная объявлена теперь.
Все растут запасы гибели на свете,
Страх живет
В глубинах чистой синевы.
Четырех минут достаточно ракете
На полет
От Сан-Франциско до Москвы.
Ну, а вдруг еще быстрее путь обратный,
И на берег
Ваш
Обрушится напасть?
Нет! Ваш берег защищен
Советской клятвой:
Первыми не тронуть, не напасть.
Неужели там, за океаном
Недостаточно опасностей земных,
И мечта стремится к марсианам,
Чтоб ракеты разместить у них?
Ты прямолинеен — завопят эстеты.
Спорить с ними нету времени, ей-ей.
Не прямолинейней, чем полет ракеты,
Траектория поэзии моей.
Я прошу ООН о мерах жестких:
Надо в космосе порядок навести,
Регулировать на звездных перекрестках
И в районе Млечного Пути.
Осторожнее!
Туманности на фланге.
На Сатурне гололед!
Всем спутникам — в объезд!

Дозревает ночь, и пролетает ангел —
Неопознанный летающий объект.

Дружба с камнем

Еще, пожалуй, не сказал
Я заключительного слова.
...В метро есть белостенный зал,
Как раз под площадью Свердлова.
Я счастлив каждой встрече с ним,
Всегда он кажется мне новым,
Газганским мрамором живым
Легко и прочно облицован.
Я дружен там с одной плитой,
Моими ставленной руками.
Понятно — случай непростой,
Что дружат человек и камень,
Но в стену вставленная мной
Плита,
Четвертая от входа,
Осталась мастеру родной,
Прекрасна, как сама природа.
Всегда поспешен мой транзит,
Но мрамор,
Нежный и прохладный,
Хоть на мгновенье отразит
Мой облик, мятый и нескладный.
Остановись и задержись
На зыбком силуэте взглядом —
На мраморном экране
Жизнь
Пойдет скользить с тобою рядом.
Увидишь наглого юнца
С игрушкой — молотком отбойным
И бесшабашного бойца,
Не поклонившегося войнам.
А вот влюбленный...
Кто такой?
А вот разлюбленный...
Не я ли?
Притронься к мрамору рукой,
Сотри с него налет печали.
Давненько отражаюсь в нем,
Уже, пожалуй, полстолетья,
Но пристальнее с каждым днем
Стремлюсь свой облик рассмотреть я.
Я верю в прочность этих плит —
Им тяжкий шаг веков не страшен.
Пусть нежный мрамор сохранит
Подольше отраженье наше.

Насчет воспоминаний

По мере отдаления событий,
В которых сам участье принимал,
Ты кажешься себе
Все знаменитей.
Хоть был в ту пору ни велик ни мал.
Мы не были, конечно, желтороты,
Пост занимали важный на войне,
Высоким уровнем стрелковой роты
Весьма довольны и горды вполне.
На узком заболоченном участке
Захватчикам давали мы отпор,
И в общем-то и целом, это счастье,
Что выжили,
Что живы до сих пор.
И ты совсем не стар, дружище старый,
Мы на подъем по-прежнему легки,
Но нас, сверкающих, как самовары,
В президиум несут под локотки.
Рассядемся, застынем в напряженье —
Ведь представляем целые фронты,
По одному от каждого сраженья:
От Сталинграда — я,
От Курской битвы — ты.
И я уже себя ловлю нередко
На том, что просочилась в мой рассказ
История, как будто бы в разведку
Верховный лично сам отправил нас.
Я разорвал блокаду Ленинграда,
Пять сопредельных стран освободил.
Утихни, говорю себе, не надо...
Да вот остановиться нету сил.
Мелькнул в кино и телесериале
Надуманный какой-нибудь сюжет,
А мы его уже приплюсовали
К своим воспоминаньям грозных лет.
Товарищи!
Вернемся в рядовые,
Какими послужили мы России!
Хочу по праву вашего поэта
Вопрос поставить на повестку дня
О достоверной памяти...
За это
Не надо обижаться на меня.

Романтика

Куда ты лезешь со своими песнями?
Иного ритма ищет молодежь.
Романтика отправлена на пенсию
Пускай республиканскую,
А все ж
Обидно стремянным ее и рыцарям —
Затоптан золотой ее огонь.
Остались только фильмы про милицию
С избытком похищений и погонь.
У нас романтика знавала разные,
Опасные порою времена,
Клеймилась блажью мелкобуржуазною,
Бывала и от дел отстранена.
Но каждый раз, когда метеослужбою
На ураган заявлен был прогноз,
Она опять оказывалась нужною
И снова обращались к ней всерьез.
Считала ниже своего достоинства
Она вести с обидчиками спор
И по команде выходила строиться
В солдатской майке на морозный двор.
Романтика — не только настроение,
Не просто ночь над речкой у костра.
Ей честь и место в каждом поколении,
Наивно думать, что она стара.
Для счастья людям мало электроники.
Мир, вжатый в перфокарты, слишком прост.
Наполни ветром парус! Мчатся конники
И впереди открытье новых звезд.

Полустанок

В поле ветер такой, что держись!
И колес перестук неустанный.
Я дежурю по станции Жизнь...
Впрочем, это скорей полустанок.
В обрамленье холмов и долин
Чередуются зной и прохлада.
Малый мир,
У меня он один,
Никакого другого не надо.

В фонаре оплывает свеча,
Но поста я не смею оставить:
Мой удел — провожать и встречать
Проходящие мимо составы.

Вдруг они возникают, трубя,
И проносятся, как метеоры,
Мимо станции,
Мимо тебя,
Пассажирский, товарный и скорый.

Повезли пионеров в Артек.
Вырываются песни из окон.
Точно так начинался твой век,
А теперь потянуло к истокам.
Вот всеобщая наша беда,
Отраженная в подвиге ратном:
Все мое поколенье — туда,
Красный крест на теплушках — обратно.
А потом — эшелон на восток
И студеная роба студента.
Режет каждый вагон поперек
Кумачовая лента.
Все мелькает, как в клубном кино...
Наш кумир — несмеющийся комик.
Было в каждом вагоне полно
И друзей, и хороших знакомых.
Был тогда у нас общий вагон,
А теперь предоставлен купейный,
И все реже движенью вдогон
Коллективное пенье.

А в проходе встречаются мне
Незнакомые плечи и лица.
Ну, а локон,
А профиль в окне?
Неужели я смел ошибиться?
Я успел бы!
Догнал!
Я бы мог
Прицепиться, вскочить на подножку.
Но в руках моих красный флажок
И до смены осталось немножко.

Туристы из США

Мир жаждой путешествий болен,
Печален, всел, бестолков.
Привез в Москву заморский «Боинг»
Американских стариков.
Они гостили на Таити,
Ловили в Бергене форель.
Зачем вам надо, объясните,
Лететь за тридевять земель?
А им вот кажется полезным,
Житейский закруглял путь,
За грозный занавес железный
Хотя бы только заглянуть.
Мужья худы, щеголеваты
В спортивных длинных пиджаках.
Их фотокиноаппараты,
Как гири, виснут на боках.
Взирают дряхлые колумбы
На нас сквозь темные очки.
На шляпах женщин, как на клумбах,
Цветов искусственных пучки.
Несут старушки-говоруньи
Свой мертвый сад на голове.
Их ждут в Тбилиси в полнолунье,
А белой ночью — на Неве.
В Большой нельзя достать билета,
Но мы своим гостям простим,
Что звезды русского балета
Давно уж светят только им.
Пусть первый раз едят пельмени,
Пусть смотрят через объектив.
Пусть «ах вы, сени мои, сени»
Поют, коверкая мотив.
Сияют хрусталем обеды,
Все достиженья — напоказ!
И только трудности и беды
Пускай останутся при нас.
Вернутся на исходе лета
Они в оплаченный свой срок.
Филадельфийская газета
Опубликует пару строк:
Тур получился бесполезный,
Их русский обхитрил медведь —
Ведь даже занавес железный
Не удалось им разглядеть.

Юнга на мачте

Так просто — сравнить наше время
с тайфуном.

Корабль в неизвестность плывет.
В команде его был я юнгою юным,
По штату — смотрящим вперед.
Восторженно чайкам кричу я —
Не плачьте!
Штурвальному —
Лево руля.
С подзорной трубой приспособясь на мачте,
Кричу,
Возвещаю:
Земля!
Хотя той земли еще вовсе не видно,
Кипит нетерпенье мое:
Поймите, товарищи, было б обидно
Не первым увидеть ее.
За то, что про землю кричал я неточно
И верил всю жизнь в чудеса,
Вы можете старого юнгу досрочно
Сегодня на берег списать,
Но я говорю, не прося снисхожденья,
На мачте держась до утра,
Что берег желанный —
Отнюдь не виденье,
А к шторму привыкнуть пора.

Фото А. КАРЗАНОВА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Сергея ПОДЕЛКОВА

Сергей Поделков с самых первых шагов был просто хорошим, просто известным поэтом. Спокойная репутация вдумчивого мастера, знающего свое дело и несуетливо, неторопливо делающего его, однажды утвердившись, уже не колебалась и не покидала Сергея Поделкова.

Владимир СОЛОУХИН

„НАРОД МОЙ — СВЕТ МОЙ...“

Есть таков понятие, линия жизни. Для меня оно существует и в определении подлинности поэзии, поэтического мира, наличия в стихотворце поэта. Когда есть она, эта линия жизни, есть и судьба, есть личность, которая и является первопричиной появления мира поэзии.

Войдите в мир Сергея Поделкова, и вы совершенно точно восстановите его линию жизни, меты которой становились позднее стихами, строками поэм. «В каждой строке, — признается сам поэт, — движение крови, отпечаток памяти, рисунок воображения: словом, запечатленное мгновенно соприкосновение поэта с живой действительностью. У меня между таким соприкосновением и его выражением в поэтической форме иногда длятся годы».

Я и сам с детства шел за плугом,
песни пел
и сеял семена,
так, что в поле
голова шла кругом
и шумела, будто от вина.

За этими строками — правда изведанного. В десять лет он помогал отцу по хозяйству: пахал, боронил, сеял. Словом, делал то, что и положено было деревенскому подростку. Труд и поля для него остались главными составляющими жизни. Через них он пришел к поэзии.

К теме труда, поля — поля жизни и поля боя — он возвращался и возвращается постоянно. Одно из лучших его стихотворений «Степная баллада» было навеяно теми впечатлениями детства, что связаны с Алтаем, куда в 1921 году отец его — рабочий Замоскворецкого трамвайного парка — решил поехать с семьей для организации коммуны. Именно там, в деревне, были увидены, услышаны и навсегда запали в сердце удивительные образы природы, которые позднее, в пору поэтической зрелости Сергей Поделков сумел воплотить в стихах и поэмах.

В деревне навсегда породнился будущий поэт с народным творчеством. В связи с этим всего лишь упомяну о том, что Сергей Поделков не только оригинальный поэт, но и добрый, умный и бережный к народному складу стиха переводчик. Ему принадлежат переводы марийских народных песен, киргизского народного эпоса «Эр Табылды», стихов и поэм Суюнбая Эралиева, Смара Шимеева и других поэтов-современников. И в собственном творчестве, и в переводческой деятельности он помнит слова А. М. Горького, сказанные ему однажды после того, как Горький услышал одно из его стихотворений: «Это не годится. Стилизация — худое дело. Учитесь пользоваться просторечием, умело выбирайте слова. Не копируйте былин и народных песен».

С годами постигалась мысль: для поэта важно уловить и передать в стихе не внешние приметы национального характера, а дух народного миропонимания. Именно из народной поэзии пришло в творчество Сергея Поделкова чувство живого потока жизни, которое наглядно проявляется в противостоянии света и тени, любви и ненависти, добра и зла. Пафос борьбы этих сил обусловливает и ритм стихов, и динамизм разрешения темы. Так возникает в его поэзии подлинная жизненная энергия, которая и определяет действенность стиха, а потому и его нужность людям. Так в стихотворении «Матери» (1933) поэт, как бы предвидя грядущие потрясения, запечатлел картину, где —

И, быть может, с врагом бок о бок,
обезумевшей сабли взмах,
нам идут сыновья твои,
нам несут сыновья твои
смерть и будущее на штыках!

В этом столкновении «смерти» и «будущего», в этом напряженном нагнетании звука «идут — твои, несут — твои» скрыта энергия эмоционального взрыва стихотворения, которая как бы пронизывает его строки, организуя мысль и чувство поэта в единое целое. Этот же принцип мы встретим и в его поэтической геральдике, в его поэмах, в частности в поэме «Казнь на Троицкой площади». Есть в ней незабываемая «картина» начинающееся утро, площадь и непреклонный Петр.

Сергей Поделков умеет соединить бытовое и высокое, воссоздать вечно обновляющуюся стихию жизни. В его стихах о природе всегда активно присутствует человек, человек-труженик.

Поэта вдохновляет вера в человека, в дело, которым занят человек-созидатель на земле. Жизнь устремленная к добру, к свету, к творчеству, не обрывается.

Люди жить мечтают, *люди умирают —*
над землею гнутся, *песни остаются.*

Всерьез обретение народного миропонимания пришло в годы Великой Отечественной, солдатом которой я строю сражающегося народа был и Сергей Александрович Поделков. Война заставила по-иному взглянуть на мир. В свете ракеты и огня пожирающего живое, в ярких вспышках разрывов открылась доподлинная суть человека до самых его потаенных глубин. Открылась сердцевина всего лучшего в нем. Мир стихов становится прост, ясен и конкретен. В нем появляются цельность и глубина, а значит, многомерность и многозначность.

Прочтите стихотворение «Понтонеры», посвященное однополчанам — солдатам 108-го отдельного фронтового понтонно-мостового батальона. И вы отметите для себя умение поэта сразу же включать читателя в происходящее. Причем не столько со стороны, как свидетеля, а прежде всего как соучастника. Такова заразительная энергия, покоряющая искренность этих стихов.

До костей промигая, *ледяная, живая,*
била в грудь, нам беда, *ножевая вода.*

Народное понимание нельзя, видимо, выявить только в словах, образах. Оно растворено в духовном состоянии автора, в явственно ощутимом оптимизме его стихов.

Туда, туда, под Ржев, где огневые
раскаты батарей, где мин полет...
Мы ладили дороги фронтовые,
по ним победа яростно идет.

О многомерности и многозначности стихов Сергея Поделкова хорошо сказал Егор Исаев. Заметив, что ему хочется перечитывать стихи Поделкова, ибо остается чувство неутоленности общения с ними, он пытается найти этому состоянию эквивалент в природе. «Радуга, как известно, кроме основных цветов, имеет еще и полутона, оттенки» — то же самое можно сказать и о поэтическом слове. Если оно истинно — значит, всегда многозначно.

Понимая субъективность своего взгляда на поэзию Сергея Поделкова в целом, хочу все же сказать, что все наиболее сильное, неповторимое, особое в ней проявилось в его поэме «Героический триптих», посвященной памяти Героя Советского Союза Юрия Смирнова. И тематически, и композиционно, и образно поэма сработана мастерски. При всей своей объемности она удивительно лаконична. Достигается это прежде всего большой концентрацией мысли и чувства.

И, нам богатырю, под небом синим,
широкоплечи, в шлемах золотых,
смирды в полях...
Смирды — по всей России,
и вся Россия — опершаяся на них.

А разве не тронут сердца эти строки о нашествии врага? «И солнце в небе — как венец терновый над городом, над всею стороной...» Или пронзительное «и впереди в руках у гармониста затравленная голосит гармонь».

Сила настоящего поэта проявляется в умении переплавить общие слова в новое слово, которое всегда несет в себе ощущение новизны, открывшейся в привычном. Именно так я прочитываю стихи о русском народе: «Народ мой — свет мой, суд мой, правда века» — о Родине, о товарищах-солдатах, ставших бронею Отечества, о советском патриотизме, о чудесном сплаве поколений. И солдат грозных военных лет, глядя на нынешних защитников Родины, с радостью заявляет: «Нам любо, что сыны отцам верны, отцам, что никогда врагу на милость не отдавали русской стороны, отцам, что не вострили, будто шилья, глаза на край чужой и жили, жили не там, где выгодно и сладко жить, а там, где корчевали и рубили, а там, где сеяли и молотили, где значит жить — Отчеству служить».

Почему так близка, так понятна, так светла в своей человеческой проникновенности, в своем лиризме эта поэма, написанная о реальном герое, на документальной основе? Все, видимо, объясняется внутренним единством линии жизни героя и поэта. Для каждого из них поле боя было полем жизни. Так повелело время. Запечатлеть эту нескончаемость подвига и было высшим долгом Сергея Поделкова, и остается для него таковым и по сей день. А долг — понятие относящееся к смыслу жизни. А для поэта — и к смыслу поэзии.

С годами стихи даются все труднее. Да и прежние нередко вызывают чувство неудовлетворенности, желание что-то исправить, усовершенствовать. Взыскательность мастера не знает предела. Но чувство здравого смысла торжествует и диктует это полусерьезное, полуироничное:

Хочу исправить старые стихи.
Хочу! Мои стихи. Я волен. Вправе.
В них хмель, неповторимые грехи...
Да разве можно молодость исправить?!

В этих стихах я слышу добрую весть о новых поэтических свершениях известного мастера отечественной поэзии. Свершениях на прекрасной жизнеутверждающей линии его жизни.

Вор. ЛЕОНОВ

ВЕЛИКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

Празднование 80-летия со дня рождения М. А. Шолохова

«Мировое значение творчества М. А. Шолохова» — так называлась научная конференция, посвященная 80-летию со дня рождения писателя, организованная Институтом мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР совместно с Союзом писателей СССР и Ростовским областным комитетом КПСС. За столом президиума — академик М. Храпченко, секретарь Ростовского обкома КПСС В. Т. Суслин, начальник Ростовского областного управления культуры В. Кущев, генеральный директор Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова Н. Булавин.

Открывая конференцию, заместитель директора ИМЛИ, член-корреспондент АН СССР В. Щербина ярко охарактеризовал всемирно-историческое значение творчества М. Шолохова.

«М. Шолохов — коммунист, писатель, гражданин — такова была тема сообщения В. Т. Суслина.

О силе и яркости шолоховского слова, о блестящем литературном мастерстве писателя говорил секретарь правления СП СССР С. Сартаков.

Доклад заместителя директора ИМЛИ П. Палиевского был посвящен теме «М. Шолохов и литература 20 века». П. Палиевский говорил об эпичности «Тихого Дона», о том, что точка зрения Шолохова есть точка зрения истории, о новаторстве в изображении народной массы, «толпы», где выписано каждое лицо.

Тема сообщения члена-корреспондента АН СССР Г. Ломидзе — «М. Шолохов и многонациональная советская литература».

О задачах историко-функционального изучения творческого наследия М. Шолохова говорил доктор филологических наук Н. Осьмаков.

Писательское перо Шолохова повлияло на становление многих советских писателей, на развитие советского романа. Этой проблеме посвятила свое выступление доктор филологических наук Л. Залесская.

Совместный доклад докторов филологических наук Н. Никулина и Ким Ле Чуна касался проблем перевода произведений Шолохова на языки народов Востока, а доктор филологических наук Ю. Кожевников говорил о Шолохове и современном литературном процессе в странах социализма.

Шолохов и зарубежный роман XX века, оценка «Тихого Дона» зарубежными писателями, «Тихий Дон» в соотношении с семейно-региональным зарубежным романом — этих проблем коснулся в своем сообщении доктор филологических наук Д. Урнов.

В своем заключительном слове, подводя итоги конференции, секретарь правления СП СССР В. Озеров сказал, что это не просто юбилейное чествование великого писателя, это праздник, который отмечается всей страной, всем миром.

■■■

В эти дни в Государственном историческом музее приняла первых посетителей выставка «Михаил Александрович Шолохов в произведениях советских художников». На ее открытии выступили заместитель министра культуры РСФСР А. И. Шкурко, секретарь правления СП СССР О. Шестинский и другие.

■■■

Эта традиция возникла еще при жизни М. А. Шолохова. Ежегодно в день рождения автора «Тихого Дона» в Вешенской, а других хуторах и станицах, а городах области собираются многочисленные почитатели его таланта, чтобы выразить сердечную признательность за творчество художника, за общественную деятельность.

Юбилейное «Вешенская весна» проходит нынче без Шолохова. Остра боль утраты, но еще ощутимее значение и величие вклада писателя в развитие советской и мировой литературы. «Творчество М. А. Шолохова — знамя социалистического реализма» — такова тема научно-практической конференции, состоявшейся в Ростове. В ее работе приняли участие писатели и литературоведы Ростова, Москвы, Ленинграда и других городов страны. С докладом «Михаил Александрович Шолохов — наш современник» выступил секретарь Ростовского обкома КПСС В. Т. Суслин.

В Вешенской в отреставрированном здании бывшей гимназии, где учился когда-то Шолохов, открылась выставка, посвященная его жизни и творчеству. Первыми посетителями юбилейной экспозиции стали члены семьи М. А. Шолохова, гости из Москвы и Ленинграда, Ростова, земляки писателя. Постоянно действующая выставка станет сердечным созданного по решению партии и правительства Государственного музея-заповедника М. А. Шолохова.

Многочисленные экспонаты рассказывают о Шолохове — писателе и человеке, Шолохове — общественном деятеле, борце за мир. Невозможно без волнения читать письма к Шолохову фронтовиков, колхозников, рабочих. В центральном зале на небольшом возвышении стол писателя, за которым были созданы бессмертные образы «Тихого Дона». Под стеклом — две странички. Легкий шолоховский почерк: «Созрел ковыль...» — поэма о природе горячо любимого края. И еще одна страничка — об Аксинье, сцене после разговоре Аксиньи с Евгением Листницким, в которой она оплакивает свою вновь по ветру пущенную жизнь. Не столешнице — трубке... Кажется, писатель вышел на минутку отдохнуть.

В Вешенской во Дворце культуры прошли торжественное собрание и Шолоховские чтения.

Юбилей М. А. Шолохова широко отмечается во всей области. Премьерами встретили театры 80-летие со дня рождения писателя. О жизни и творчестве М. А. Шолохова рассказывают юбилейные выставки в областных музеях изобразительного искусства и краеведения.

В торжествах на донской земле приняли участие писатели А. Софронов, А. Калинин, П. Лебеденко, П. Проскурин, И. Стаднюк, В. Фирсов, Р. Ахматова, В. Иваненко, И. Кашпуров, В. Лихоносов, И. Мешбаш и другие.

■■■

В Германской Демократической Республике ученые-слависты ведут последовательную, углубленную работу, связанную с изучением творчества М. А. Шолохова и воздействия его произведений на процессы литературного развития нашей современности.

Еще в 1965 году, в преддверии 60-летнего юбилея автора «Тихого Дона», «Поднятой целинные», «Судьбы человека», Лейпцигский университет имени К. Маркса собрал представительный симпозиум ученых социалистических стран, обозначив главную тему собеседования примечательной формулой: «Шолохов и мы». В том же году университет присвоил писателю звание почетного доктора.

Плодотворные культурные связи прочно закрепились. Возникла стойкая традиция. С тех пор каждое десятилетие проводятся подобные симпозиумы, продолжающие и развивающие то, что было заложено в 1965 году.

Нынешний, третий, состоявшийся в самом конце апреля, был создан в связи с 40-летием освобождения от фашизма и 80-летием со дня рождения Шолохова.

Заметным явлением стало постоянное расширение и углубление тематики этих научных конференций: симпозиум 1985 года сосредоточил внимание на проблемах взаимоотношения творческого наследия и формирования традиций в социалистической литературе. Произведения Шолохова рассматривались нами ненове знамя этого всемирно исторического процесса.

Вместе со своими коллегами из ГДР и симпозиуме приняли участие ученые из Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии. Советское литературоведение и критику представляли профессор Н. А. Грозное (Ленинград), профессор В. И. Ворщунов, Ю. Б. Лукин, доцент В. Н. Хабин (Москва).

МОЯ И НАША «КОМСОМОЛКА»

«Комсомолка» у нас одна. И я то же время у нашего дого — своя.

Моя «Комсомолка» — это газета военной поры. Той трудной и славной поры в жизни нашего народа, когда вершилось дело высочайшего исторического значения

и человеческого смысла. ных нищих, голодных — дело нашей Победы, домах крепла наша детв те годы газета была сила умы и души, постеянно поддерживал веру среди тех, кто в холодноминуемость и правоту нашей будущей Победы, в непобедимую силу человека, вставшего защищать справедливое дело.

Моя «Комсомолка» — это боевая, зубастая, мобильная, безустанная, моторная, вечно спешащая, вечно первая газета, где я, работая корреспондентом по Западной Сибири, получал ничем незаменимые уроки профессионализма, где учился быть журналистом, дорожить словом и отвечать за него, где постигал, что дело газетное — дело артельное, коллективное, что работать не для личной славы, а для общего успеха — важнейшее умение журналиста. Это были непростые, но прочные уроки. И здесь мой благодарный голос лишь один из многих и многих, выращенных нашей «Комсомолкой» с материнской щедростью и заботой и отправленных в жизнь.

Моя «Комсомолка» — это сегодняшняя газета, которую я открываю с твердой уверенностью, что она заметила, рассказала, проанализировала те жизненные явления, что и меня больше всего интересуют как журналиста, писателя, гражданина, человека сегодняшних дней. Сколько раз бывало: заметишь для себя факт, событие, героя, проблему, принимаешься вещь, как у себя в ивании его разрабатывать, и видишь или слышишь: «А «Комсомолка» уже дала». Но уж и опередить «Комсомолку», коль где-то глубже — для всех газетчиков уже само по себе награда.

На мой взгляд, особо стоит выделить две нити в многожильной, многопроблемной работе, которую вот уже 60 лет ведет вечно молодая газета.

Это пристальное внимание и нравственным истоком многих поколений советской молодежи.

Это умная, бережная и требовательная работа с молодой нашей литературой.

Беспамятность, бездуховность, манера безответственно торговать общими фразами, делано восхищаться, притворно сокрушаться, проповедуя про себя совсем иное, способность к неискреннему высокому слову и жестокому, низкому поступку — комсомольская наша газета одна из первых заметила эти тревожные черты у части нашей молодежи. Она не отшатнулась от факта, не отвела глаза, не сжала судорожно губы. Газета принесла правду напрямик, во всеуслышание. Но не просто увидела и вынесла на страницы, а ринулась в бой с новым, современным мещанством. И здесь она тоже нашла сильное, действенное, неподдельное оружие — ясную мысль и подлинность чувств, умение разглядеть за повседневным высокие временные категории, исторические знамена жизни, подлинный советский патриотизм.

Молодые литературные силы всегда были широко представлены на страницах «Комсомольской правды». Для многих ныне широко известных ставших в первые ряды нашей литературы, она стала той школой жизни и писательского дела, без которой нет творческого человека. Ибо для того, чтобы в нашей стране быть писателем, нужно умом и сердцем осознать, с какой высокой трибуны доверено тебе обращаться к народу, как ты обязан людям, поднявшим тебя на нее, как ты слаб, ничтожен и ненужен, если отрывался от них, не знаешь, чем они живут, что любят, от чего страдают. Газетная полоса, газетный номер — вот та незаменимая возможность для литератора вмешаться в жизнь, вместе с народом бороться с косностью, безответственностью, бюрократизмом, напыщенным самодовольством, пассивностью и бездумным исполнительством. Радует и обнадеживает, что «Комсомолка» делает это широко, последовательно. Верится, что так будет и впредь.

Поздравляя сегодня боевую газету Ленинского комсомола, газету, любимую миллионами читателей, многие из которых выросли на ней, во многом именно ей обязаны своим жизненным мировоззрением, хочется пожелать моей и нашей «Комсомолке» быть достойной традиций, которыми она столь богата, быть тем верным помощником партии и комсомола, каким она была на протяжении всех этих лет.

Альберт ЛИХАНОВ

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ ЧУВАШИИ

В Чебоксарах состоялся XIII съезд писателей Чувашии. Его открыл один из старейших писателей Чувашии, народный поэт республики Я. Ухсай.

С отчетным докладом выступил председатель правления СП Чувашской АССР А. Емельянов.

— Наша литература, — подчеркнул он, — значительно расширила свои горизонты. Ее характеризуют ныне актуальность идей, интенсивность мысли, высокая социальная активность авторской позиции. В центре внимания чувашских писателей — человек труда, ведущей попрежнему остается сельская тема. Читателями и критикой тепло были приняты такие повести, как «Зовут поля» А. Артемьева, «Шаль с золотой бахромой» В. Алендея, «Подсолнух златоглавый» Л. Таллерова, и другие.

Особое место в чувашской литературе занимает исторический роман. В трилогии П. Осипова «Эльгеевы», в романах «Тенета» Х. Уяра, «Капкан» Н. Максимова, «До счастья три версты» Г. Краснова, «Этюкр» и «Кунгош — птица бессмертия» М. Юхмы развертывается панорама борьбы чувашского народа за свободу и социальную справедливость вместе с русским и другими народами нашей страны. Романы И. Вашки и А. Афанасьева посвящены подвигу советского народа в годы Великой Отечественной войны.

В последние годы все большее внимание чувашские писатели уделяют рассказу. В «малом жанре» успешно выступают Д. Гордеев, Н. Мартынов, Х. Агивер, И. Лисаев, В. Еныш, Г. Луч, Г. Ефимов, П. Егоров, Г. Орлов и другие. Однако наряду с несомненными успехами следует отметить недостаточно высокий художественный уровень некоторых произведений.

За отчетный период активизировалась чувашская поэзия. Гражданственность и социальная значимость — отличительные черты лучших произведений В. Давыдова-Анатри, Н. Теветкела, А. Калгана, Г. Ефимова, Ю. Семендера, Ю. Вирьяла, Г. Юмарта и многих других. Интересны сборники В. Шемеекева, Г. Чаржова, Р. Сарби, П. Ялгира.

За последние годы стала многообразнее по жанрам и тематике чувашская драматургия.

Никто не может оказать литераторам в их поисках такую действенную помощь, как квалифицированная критика. В этой области заметны работы Г. Хлебникова, И. Иванова, Е. Владимирова, Н. Иванова, Н. Дедушкина, Ю. Артемьева, И. Зотова, Г. Гордеевой, А. Хузангея. Однако чувашской критике недостает порой оперативности, недостаточно высок уровень журнальных выступлений.

В прениях по докладу выступили писатели В. Алендей, В. Тимаков, В. Еныш, В. Ильина, главный редактор журнала «Капкан» Н. Максимов, литературоведы Е. Владимиров и И. Иванов, прядильщица Чебоксарского хлопчатобумажного комбината, депутат Верховного Совета РСФСР Е. В. Синина, председатель колхоза имени Мичурина Урмарского района Герой Социалистического Труда С. Л. Лукин, главный редактор журнала «Ялав» Ю. Семендер, студентка Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова С. Волкова, главный редактор журнала «Хатер пул» П. Афанасьев.

Съезд приветствовали гости из других республик: секретарь правления СП РСФСР М. Годенко, Т. Миннуллин (Татарская АССР), И. Калинкин (Мордовская АССР), Н. Рыбзков (Марийская АССР), П. Чичканов (Украина), Ф. Ермаков (Удмуртская АССР).

На съезде выступил секретарь Чувашского обкома КПСС Л. Я. Тимгов.

В работе съезда приняли участие первый секретарь Чувашского обкома КПСС И. П. Прокопьев, Председатель Президиума Верховного Совета Чувашской АССР А. П. Петров. Председатель Совета Министров республики Л. П. Прокопьев.

Съезд избрал новый состав правления СП Чувашской АССР. Председателем правления вновь избран А. Емельянов.

Наш корр.
ЧЕБОКСАРЫ

«ЛГ» информирует

Встречи с вьетнамскими друзьями

Четыре дня провели в Киеве поэты Суан Зиеу, Тхань Тхао и Фам Нгок Кань, входящие в состав делегации СП СРВ, принимающей участие в Днях культуры Вьетнама. Знакомство со столицей Украины началось с посещения мемориального комплекса «Украинский государственный музей истории Великой Отечественной войны 1941—1945 годов».

Интересной была встреча в редакции журнала «Всесвіт», печатающего на украинском языке произведения писателей почти всех стран мира. Главный редактор «Всесвіта» Виталий Коротич познакомил гостей с тем кругом произведений вьетнамских авторов опубликованы в журнале за последние годы. Их немало, сказал он, но должно быть больше. В будущего года мы намерены обмениваться с вашим журналом литературными «послами-переводчиками». Разговор закончился чтением стихов вьетнамских поэтов на языке оригинала, а затем в художественном и подстрочном их переводе. Тут же договорились, что некоторые стихи уже в нынешнем году будут переведены на украинский и найдут свое место на страницах «Всесвіта».

— Такие встречи приносят радость и пользу они углубляют наше взаимопонимание, — сказал корреспонденту «ЛГ» Суан Зиеу, один из тех, кто стоял у истоков новой литературы социалистического Вьетнама, видный поэт, прозаик и критик имя которого известно далеко за пределами его родины. — В отличие от моих младших коллег, которые впервые посещают вашу страну, я приезжал в Советский Союз более десяти раз. И каждая такая поездка, каждая новая встреча с советскими писателями сближает нас. В этом — залог нашего дальнейшего сотрудничества.

Юбилей М. И. Караджале

В Доме дружбы с народами зарубежных стран состоялся литературный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения известного румынского писателя Мишеля Иона Караджале. Он был организован Союзом писателей СССР и Центральным правлением Общества советско-румынской дружбы. Вел вечер заместитель председателя центрального правления Общества советско-румынской дружбы Н. И. Мохов.

Во встрече приняли участие румынские писатели Р. Аббала и М. Х. Симмонеску.

Караджале пользуется заслуженным признанием. Его творчество внесло значительный вклад в румынскую литературу.

На вечере звучали стихи М. Караджале на его родном языке и в переводах Л. Первомайского, И. Новельщика, М. Фрижмана. Присутствовал советник посольства СРР в СССР Я. Рыпан.

У НЕКРАСОВА, НА ЛИТЕЙНОМ...

«Наконец открылся долгожданный музей великого русского поэта Н. А. Некрасова на Литейном проспекте!..» — так начинается первая запись в книге отзывов. Вместину долгожданный: в течение нескольких лет ленинградцы с надеждой смотрели на окне старинного дома на углу одной из главных магистралей города и улицы, носящей имя поэта. Звонили в корреспондентский пункт «Литературной газеты», интересовались: «Когда же?» Понятное нетерпение: некрасовские квартиры-музей, впервые открывшаяся здесь в грудном послевоенном 1946 году, была закрыта на капитальный ремонт еще в конце семидесятых...

Не верно и то, что работы здесь нужно было выполнить немалые. Между прочим, в ходе их подтвердились и выяснились интересные подробности из истории самого дома. Когда-то здесь, оказывается, жил Державин, слегевший именно под этими сводами свою знаменитую «Фелицу». Много позже — в сороковых годах девятнадцатого столетия — в доме поселился русский писатель и музыкальный критик Владимир Федорович Одоевский, к молодой Некрасов посещал его здесь, собирая материал для «Петербургского сборника». Так что роль доме на Литейном в истории нашей литературы уже была достаточно заметна. Она стала еще значительней в дальнейшем — особенно если вспомнить, что квартире на Литейном была не только жилищем поэта, но и редакцией «Современника» и «Отечественных записок». Пожалуй, не найти в нашем городе (в может быть, и во всей стране) дома, с которым было бы связано столько славных в истории русской литературы имен: Чернышевский, Добролюбов, Толстой, Тургенев, Салтыков-Щедрин — вот далеко не полный список, который возникает в памяти, когда входишь в первую комнату, просторную и светлую — бывшую приемную редакции. Она стала больше не одно окно — ей возвращен тот облик, какой она имела в некрасовские времена. Восстановлен — как, впрочем, и в других комнатах — прежний цвет и рисунок обоев: по фрагментам, сохранившимся под позднейшими наслоениями. И кто не вспомнить тут добрым словом художнике В. Неливейко, руководившего воссозданием интерьера, Л. Жукову — непосредственную исполнительницу многих работ, ленинградских мастеров - реставраторов. В числе новых экспонатов бывшей редакционной приемной — высокая конторке, предмет мебели, ныне исчезнувший из обихода: за ней работали стоя. Современники вспоминают: когда в журнале по воле цензуры возникали неожиданные лакуны, сотрудники — в том числе и сам Некрасов, и Авдотья Панаева, известная как писатель Н. Станицкий, — становились к таким конторкам и писали «в номер» повести, рассказы, главы романов. Помнится, как поразила эта деталь, вычитанная еще в юности, — свидетельство, помимо всего прочего, высочайшего литературного профессионализма!

И, конечно, приятно было увидеть под стеклом на стене приемной знакомый заголовок: «Литературная газета». Это было второе «Литературное газете» — после пушкинско-дельвиговской, редактировал ее Ф. Кони, и молодой Некрасов печатался не ее страницах..

Экспозиция вновь открывшегося музея — шире, богаче прежней.

Какой экспонат запоминается больше всего? Небольшой по размеру, но чрезвычайно выразительный портрет поэта работы Константина Маковского, относящийся к 1856 году? Лежащая в стеклянном футляре ручка Чернышевского, которой он писал в Петропавловской крепости свой роман «Что делать?»? Телеграмма, посланная Некрасову, чтобы ободрить его в дни тяжелой болезни, группой безвестных читателей-сибиряков? Всего не перечислишь. После капитального ремонта к музею-квартире присоединилось бывшая квартира Краевского — в ней теперь помещение для научной работы, вспомогательные службы музея, экспозиция «Некрасов и современность». Это позволило открыть для посетителей так называемую «панаевскую половину», и в частности подробней рассказать о ее хозяине Иване Панаеве, деятельном и в чем-то доселе недооцененном сотруднике и соратнике Некрасова.

В заключение вместе с заведующей музеем-квартирой (филиалом Всесоюзного музея А. С. Пушкина) Р. Щукинской еще раз перелистываем книгу отзывов. Только что появилась новая запись. «Пришла сюда с внуком», — пишет старая ленинградка. И подписи: Воробьева Н. А. — пенсионерка, Воробьев Владимир — 5 лет. Что ж, все закономерно: поэзия Некрасова входит в нашу жизнь с детства, она близка всем возрастам, всем поколениям. Об этом ярко говорит вновь открывшийся музей на Литейном в Ленинграде.

Илья ЗЯНЬКОВ,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Секретариат правления Союза писателей СССР направил поздравления Ахмету Исхаку, Мухамету Аллаяровичу Хайдарову, Юрию Борисовичу Бореву, Виктору Иезекиилевичу Викторову, Минелю Иосифовичу Левину, Владимиру Ивановичу Федорову, Мару Тишимовичу Байджиеву, Анатолию Дмитриевичу Голубеву, Рамазану Токтарову.

Ахмету ИСХАКУ — 80 лет

«Более шестидесяти лет Вы активно выступаете со своими поэтическими книгами. Читателю полюбились также Ваши басни, фельетоны и стихи для детей.

В 1942—1945 гг. Вы служили в Советской Армии командиром взвода, затем были литературным сотрудником дивизионной газеты. Ваши стихи и поэмы военных лет «Клятва», «Песня о храбром танкисте Петре Новикове» и другие проникнуты чувством глубокой преданности Родине, прославляют мужество и стойкость советских воинов.

Большой интерес представляют Ваши литературоведческие работы и переводы на родной язык произведений великих поэтов Востока, классиков русской поэзии. Вы являетесь одним из переводчиков Гимна Советского Союза на татарский язык.

За заслуги в развитии советской литературы Вы награждены орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и медалями».

М. А. ХАЙДАРОВУ — 70 лет

«Участник Великой Отечественной войны, в послевоенные годы — журналист, Вы пришли в литературу с богатым жизненным опытом, который успешно реализуется в Вашем многогранном творчестве драматурга и прозаика. Известны читателям и зрителям республики Ваши повести «Облака», «Звезды», «Горнов яблоко», «Если бы тебя не было...», «Золотая тропа», пьесы «Неугасимая любовь», «Азамат» и др. Многие из них переведены на русский и другие языки народов СССР. В своих произведениях Вы рассказываете о жизни и труде металлургов и геологов, тружеников колхозного села Башкирии, ставите важные нравственные проблемы современности.

Ваш путь воина Великой Отечественной и активная общественная и литературная деятельность отмечены высокими наградами Родины».

Ю. Б. БОРЕВУ — 60 лет

«Окончив Литературный институт имени А. М. Горького. Вы преподавали в вузах, заведовали отделом теории в издательстве «Искусство». С 1956 года Вы являетесь старшим научным сотрудником Института мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР.

С начала пятидесятых годов Вы регулярно выступаете в печати с монографиями и статьями по вопросам марксистско-ленинской эстетики, теории и истории литературы. В центре Ваших исследовательских интересов — закономерности художественного отражения действительности, проблемы трагического и комического в искусстве, критика буржуазных эстетических концепций. Вами написаны книги «Основные эстетические категории», «О трагическом», «Комическое или о том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия», «Искусство интерпретации и оценки. Опыт прочтения «Медного всадника» и другие, многие статьи. Широкую известность приобрела Ваша «Эстетика» — учебник, по которому уже не одно поколение советских студентов осваивает основы этой науки. Вы являетесь руководителем и организатором ряда коллективных научных трудов, среди которых — многотомное издание «Теории, школы, концепции».

Методологическая четкость, широта эрудиции, основательность научных обобщений неизменно присущи Вашим исследованиям».

В. И. ВИКТОРОВУ — 60 лет

«В разных жанрах проявляет себя Ваш литературный талант. Но все Ваши произведения неизменно служат нашим детям, юному поколению. Ребята хорошо знают и любят Ваши книжки «В пионерской республике», «Каменотес», «Мы не пустим скуку в дом!», «Для тебя и про тебя», «Умелый портной», «Перепелохи», «Дневное кино», «Бычок-новичок», «Семь ветров», «Волшебная палочка», «Музей беспризорных», «Джек-простак»,

«Рада свекла, что промокла» и другие. Ваши либретто стали литературной основой опер, с успехом идущих в нашем (первом в мире!) Детском музыкальном театре. Благородна и очень активна Ваша переводческая деятельность. Особенно хочется отметить Вашу многолетнюю творческую дружбу с мастерами болгарской детской литературы — в результате наши юные читатели познакомились с многими произведениями поэтов братской Болгарии».

М. И. ЛЕВИНУ — 60 лет

«Большинство Ваших произведений посвящено военно-патриотической теме, героизму и мужеству пограничников и работников органов внутренних дел.

«Тревожная полоса», «Тень на дороге», рассказы и повесть для детей «Динга идет по следу» — эти книги известны не только в нашей стране, но и за рубежом. По Вашему роману «Пароль остается прежним» создан художественный фильм «Я — граница». Заметное место в Вашем творчестве занимают переводы, знакомящие широкий круг читателей с

лучшими произведениями таджикских писателей.

Как член президиума и заместитель секретаря правления Союза писателей Таджикистана, член редколлегии журнала «Памир» Вы много сил и времени отдаете общественной деятельности. Ваш труд писателя-коммуниста, участника Великой Отечественной войны отмечен многими наградами, грамотами и благодарностями министра обороны СССР. Вам присвоено звание заслуженного работника культуры Таджикской ССР».

В. И. ФЕДОРОВУ — 60 лет

«Ветеран войны и труда, Вы прошли яркий, насыщенный событиями жизненный путь. В январе 1943 года Вы добровольцем пошли в Советскую Армию, в составе отдельного истребительного противотанкового дивизиона принимали участие в боях на Карельском, 2-м и 3-м Украинских фронтах, по

освобождению Венгрии, Австрии и Чехословакии.

Первые Ваши стихи появились в «Литературной газете» в 1947 году с предисловием Михаила Исаковского. Широкому читателю хорошо известны Ваши книги стихов и прозы «На пороге», «Плечом к плечу», «Буйные ветры», «Есть вечная любовь», «Ливень над Днепром», «Клятва моего сердца», дилогия «Чистый колодезь» («Сумка, полная сердец», «Марс над Козачьим Бором»). Пафос созидания, пристальное внимание к человеку труда, жизнелюбие, вера в жизнеутверждающие начала, память огненных дней войны — это основные мотивы, которые полнокровно и полнокронно живут в Ваших произведениях. Коммунист, Вы всегда находитесь на передем крае идеологической борьбы. Вы были заведующим художественной редакции издательства «Советская Россия», заместителем главного редактора газеты «Литературная Россия», руководителем творческого семинара поэтов в Литинституте имени А. М. Горького, членом приемной комиссии при СП РСФСР».

М. Т. БАЙДЖИЕВУ — 50 лет

«Известный драматург, прозаик и сценарист, заслуженный деятель искусств Киргизской ССР, Вы своим творчеством утверждаете высокие моральные принципы советского человека. Широко известны Ваши повести «Тропа», «Однажды очень давно», «Жил-был серый скакун», новеллы «Улыбка», «Моя золотая рыбка», «Ливень» и другие, а созданные по Вашим сценариям фильмы не раз отмечались призами на всесоюзных и международном кинофестивалях.

Театральные зрители многих городов нашей страны знакомы с Вашими талантливыми остросюжетными драматическими произведениями «Мы — мужчины», «Древняя сказка». «Праздник в каждом доме» и другими, посвященными актуальным социально-нравственным темам, а пьеса «Дузль» стала известна

также зрителям Польши, Болгарии, ГДР, ВНР, ЧССР, Австрии, Швеции, Финляндии.

Вы ведете активную журналистскую деятельность, часто выступая на страницах центральной и республиканской печати».

А. Д. ГОЛУБЕВУ — 50 лет

«Вы принадлежите к тому поколению наших литераторов, детство которых было опалено огнем Великой Отечественной войны и которым свойственно раннее чувство ответственности перед обществом. С большим интересом были встречены читателями Ваши остропсихологические книги «Убежать от себя», «Никто не любит Кремадила», «Нулевое отклонение», «Тогда умирает футбол», «Победителя не судят», «Чужой патрон», «Живущие два», «Жид» и многие-многие другие.

Большую писательскую работу Вам удается успешно и благотворно сочетать с разносторонней служебной и общественной деятельностью. Много времени и организаторских усилий было Вами посвящено журналам «Смена» и «Советский экран», в должности главного редактора которых Вы находились в разные годы. В настоящее время Вы являетесь заместителем директора издательства «Советский писатель», ведущим популярной телевизионной передачи «Честь и слава по труду», заместителем председателя совета по кинематографии и публицистике СП СССР».

Рамазану ТОКТАРОВУ — 50 лет

«С начала шестидесятых годов начали появляться Ваши рассказы и повести, романдилогия «Иртыш впадает в океан», отличающиеся глубоким проникновением в духовный мир нашего современника.

Романы «Хлеб вена», «Форма земли» показали присущее Вам страстное стремление к проникновенному анализу и серьезным художественным обобщениям.

В день Вашего пятидесятилетия желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых творческих успехов на благо советской многонациональной литературы».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ

Сцена из спектакля «Алеша»

Фото В. КРАВЦА

Как молоды мы были...

«Праздником с сединою на висках» назван День Победы в популярной песне. Но как молоды были те, кто приближал к нам этот праздник! Девочки и мальчики, шагнувшие в войну прямо со школьной скамьи... Молодые лейтенанты, прошедшие по полям Великой Отечественной свои нелегкие университеты... В спектаклях, посвященных 40-летию Победы, они снова проживают на наших глазах свою военную юность, рассказывают сегодняшнему зрителю о трудных испытаниях, выпавших на их долю.

Создатели спектакля «У войны не женское лицо» — писательница С. Алексиевич и режиссеры А. Эфрос, Б. Глаголин — дают возможность свершиться на сцене Московского театра драмы и комедии на Таганке тому, что, к сожалению, невозможно в жизни, — пожилые женщины, ветераны Великой Отечественной, встречаются на сцене со своей юностью, с теми девочками, какими они были когда-то, в ту пору, когда трудные дороги войны увели их из отчего дома. Как рассказать обо всем, что они пережили? Основа спектакля «У войны не женское лицо» — документальная, но та правда о войне, которую рассказывают со сцены бывшая медсестра Люба, снайпер Зинаида, санинструктор Ольга и их товарищи, поднимается до высот подлинной драмы. И все внимательнее, все взволнованнее вслушиваются в их рассказ молодые, современные ребята, вышедшие во двор потанцевать в один из теплых весенних вечеров. Их присутствие на сцене обусловлено не только сюжетом. Спектакль «У войны не женское лицо», как и каждое настоящее произведение сценического искусства, интересен зрителям всех поколений — и тем, кто сам был солдатом, и тем, кто знает войну по своим детским воспоминаниям. Но, думается, обращен он не только в прошлое и адресован главным образом именно молодому зрителю, ибо строится как перекличка поколений, как разговор, который современной молодежи крайне необходим.

Подрастают все новые и новые поколения, которые хотят знать правду о войне. В свое время фильм Г. Чухрая «Баллада о солдате» обошел все страны мира, стал нашей классикой. И вот герой «Баллады о солдате» снова обращается к нам — уже со сцены. И зрители Центрального детского театра снова рукоплещут в эти дни Алеше — юноше, почти своему ровеснику, навеки оставшемуся в нашей памяти солдатом. (Спектакль «Алеша» поставлен режиссером А. Бородиным по сценарию В. Ежова, Г. Чухрая.)

Как молоды мы были! — могли бы сказать о себе и фронтовики из спектакля Театра имени Ленинского комсомола «Встречи на Сретенке», и те, для кого война началась с «боев, имевших местное значенье...» (спектакль МХАТа имени Горького), и многие другие герои, с которыми в эти праздничные дни познакомил нас театр.

Как молоды они были! И как честно, достойно прожите из молодость...

Сцена из спектакля «У войны не женское лицо»

Фото А. СТЕРИНА

Современная пьеса

ЖАЛКО ДЕДУШКУ!

знакомым — и там не нужен. Обратно в деревню тоже не зовут: из деревни народ сам в город норовит дунуть. Ходит дедушка туда-сюда, никак «кефирчику» себе не допросится... а зал волнуется, сочувствует, негодует.

И то правда: жалость к старому бабы мыкаются в одиночестве?

А мужики — в подворотне бутылку разливают. Вслепую, «по булькам» — артисты! Один с колонии срок отбывает: из чистого озорства асфальтовый каток угнал. Тоже артист в своем роде. Этот, может, вернется к Вальке А может, нет. И Лидка — может, удержит мужика, может, нет, — любовь у них смешная, тайная, на надувном матрасе. Публика в этом эпизоде «ржет», а мне невесело. Эволюции с матрасом, спускающим воздух в самый неподходящий момент, меня не увлекают, мне о другом хочется думать, на меня общий фон действует.

Общий фон, на котором ходит туда-сюда неприкаянный дедушка, — перевернувшийся порядок жизни, где бабы пытаются играть роль мужиков, а мужики пытаются не играть никакой роли вообще,—вот второй план спектакля, вызывающий мысли куда более глубокие и тревожные, чем естественная жалость к дедушке.

Хотя дедушка воистину достоин сочувствия, тем более что играет его удивительно органичный в этой роли Лев Дуров. немножко от Луки горьковского, немножко от Мышкина-князя, немножко от старинного юродивого и очень много — от дедушки из сказки: помочь не может, но ласковое слово скажет, и легче делается. «Круленький дед, ладненький, маленький».

И тут возникает третий план размышления... Помилуйте, а сам-то дедушка, святенький-добренький, — отчего так беспомощен? Ни пенсии не заработал приличной, ни добиться для себя ничего не может. И не хочет! Всю жизнь просидел за бабьей спиной, обут-одет, и ладно: померла бабке — и побежал искать, за чью бы юбку спрятаться. Дом продал — «на дрова», до чего ж надо было дом озлобить, чтоб ни на что другое не сгодился! Ох, не хозяин этот наш «дедушка из сказки», ох, не хозяин... А пушкинского старика-рыбака помните? Тоже всю жизнь за старухиной спиной просидел, больше разбитого корыта не нажил и — «святой»! Старуха бьется, старуха оскудеет, старуха грешит, старуха виновата, все старуха и старуха, а он — ни при чем! Ему — «ничего не надо»! Что само «не положено», того и не спросит. Он и при разбитом корыте счастлив.

Вот она, фантастическая, глубинная, неодолимая беззаботность наша. Что ж удивляться, что дедуня из «народной комедии» катается по миру эдаким беспортошным колобком! Он — при традиции.

Вряд ли такой поворот входил во внутреннее задание артиста Льва Дурова, режиссеров Евгения Лазарева и даже писателя Бориса Васильева. Я и сам-то, честно сказать, не додумался: зрители подсказали. Точнее, зрительница одна, с которой я тянулся спорить, а потом подумал: так ведь эта правда вразлом, может быть, и есть то самое, ради чего и существует искусство?

Лев АННИНСКИЙ

Зарубежная классика

„...Не смотреть, но видеть“

Эта пьеса Брехта долго была у нас известна под не совсем точным названием «Что тот солдат, что этот». Брехтовское название «Mann ist Mann», пьеса заново переведена М. Рудницким — спектакль Театра имени Моссовета называется «Человек как человек».

Речь в ней идет о маленьком человеке, который не умеет сказать «нет». О том маленьком человеке, который был героем классической русской литературы, причем почти всегда — героем страдательным, героем-жертвой; лишь иногда Гоголь и Достоевский показывали кусочек перспективы, в которой он может стать и палачом. Брехт к маленькому человеку относился жестче — время было другое, яснее стало, каким опасным может быть человек, не умеющий сказать «нет». Брехт чувствовал меру этой опасности, предвидел время, когда маленьких людей оденут в мундиры, построят в колонны и отправят завоевывать «жизненное пространство».

Дело в том, что его Гэли Гэй изо всех сил старается не выглядеть маленьким человеком. Он пыжится, изображает из себя вполне солидного господина — и именно на это, как на приманку, его ловят солдаты, которым нужен четвертый человек вместо пропавшего товарища Джерайя Джипа. Они говорят Гэли Гэю: такой человек, как вы, все понимает, вас на кривой не объедешь, льстят ему — и этого оказывается достаточно, чтобы заставить его сделать все, что им нужно. Брехт понимает, что маленького человека легко околпачить, и средства для этого требуются самые примитивные — ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой. Этого гебельсовского рецепта еще не было, когда писалась пьеса. Брехт предугадал его.

Но Гэли Гэй при всем том наивен — В. Сторожик отлично передает эту наивность, внося в аскетически-рациональные брехтовские построения нотку пронзительной человечности. Почти единственную нотку в спектакле, ибо весь его мир — это мир механический, античеловечный, приспособленный для убийства. Мир этот по-брехтовски остранен через легкий оттенок «ретро» — действие пьесы происходит в 20-е годы, и именно к этому времени относятся большие репродукторы, раструбы которых глядят на нас с железных ферм, напоминающих о конструктивизме, из этого времени звучит музыка, джаз 20-х годов. Остранение придает истории, которую рассказывает театр, черты всеобщности — так было и так будет в этом мире со всяким маленьким человеком, который не может сказать «нет».

Эта простая мысль доказывается в пьесе и спектакле очень сложным образом — через разыгрываемую солдатами интермедию о слоненке, который обвиняется в убийстве собственной матери, хотя она стоит тут же, рядом, через продуманную механику превращения Гэли Гэя в Джерайя Джипа. Каждый этап превращения играется как эстрадный номер — отдельно, чтобы все было понятно. И после мнимого расстрела он воскресает уже Джерайя Джипом—солдатом, убийцей. В спектакле раскрыта сама, если можно так сказать, технология превращения маленького человека в убийцу—причем самому превращаемому все время кажется, что все делается для его же блага. И в то же время весь этот дьявольский механизм полностью открыт зрителю спектакля. «А вы учитесь не смотреть, но видеть», — писал Брехт в одной из своих пьес, вот в этом спектакле театр делает все, чтобы зритель мог видеть.

Три года назад на Малой сцене Театра имени Моссовета показывала свои спектакли Экспериментальная студия театральной молодежи из Ташкента, возглавляемая молодым режиссером Марком Вайлем. Спектакли имели успех у театральной общественности, и результатом явилось приглашение Вайля в Театр имени Моссовета для постановки спектакля «Премьера» Л. Россебы, а теперь и пьесы Брехта. Пока судьба его складывается счастливо...

Ю. СМЕЛКОВ

Портрет на фоне премьеры

Шейлок-Гоги Кавтарадзе

Массивный, энергичный, в черном бархатном одеянии, с золотыми четками в руках, Шейлок — Гоги Кавтарадзе появляется в дальнем левом от зрителя углу подмостков — его движение резкой диагональю вонзается в веселый танец карнавальных венецианских масок, которые, отступив перед его напором, выстраиваются друг с другом глубинно, ибо и там, и тут золото есть высшая ценность и высшая добродетель. Растоптанный побегом дочери с юным венецианцем, своим бесчестьем, Шейлок в своем знаменитом монологе пытается всерьез задуматься о связях с окружающей реальностью, о своей судьбе... Г. Кавтарадзе

вают проход. Презираемый толпой — он презирает толпу. Сатанинская усмешка постоянно блуждает по его лицу. Униженный, он взялся утверждать свое достоинство извращенным путем — и стал символом зла. Поначалу кажется, что Дмитрий Алексидзе строит свой спектакль на резком контрасте: праздничный мир карнавальной Венеции, ренессансной любви — и жестокий мир пота и крови, мир Шейлока. Но наступит мгновение — и спектакль Сухумского грузинского драматического театра имени К. Гамсахурдиа обнаружит свою внутреннюю неоднозначность: в ярости Шейлок рванет шнур, золотые четки посыплются под ноги толпе и только что безмятежные венецианцы, расталкивая, распихивая друг друга, начнут борьбу за обладание каплями золотого дождя. Мир Венеции и мир Шейлока связаны друг с другом глубинно, ибо и там, и тут золото есть высшая ценность и высшая добродетель. Растоптанный побегом дочери с юным венецианцем, своим бесчестьем, Шейлок в своем знаменитом монологе пытается всерьез задуматься о связях с окружающей реальностью, о своей судьбе... Г. Кавтарадзе

чужд сентименталистской традиции, которая сегодня распространена в Англии при исполнении роли Шейлока. Его игра — и это высшая похвала артисту — зримое воплощение пушкинских слов: «У Шекспира Шейлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен». И еще — мощен, одержим, надменен, безжалостен. Лишь на минуту Шейлок Г. Кавтарадзе ужаснется тому, что может погибнуть, — он выдал деньги под вексель венецианскому купцу Антонио, а в обеспечение потребовал фунт живого мяса, — это квалифицируется судом как покушение на убийство, и Шейлок грозит смерть. Лишь мгновение он переживает строгий и справедливый приговор суда, лишающий его половины состояния, — и вновь выпрямляется, готовый к битве с судьбой. Массивный, энергичный, в черном бархатном одеянии, он пронзает толпу диагональю, покидая сцену, твердо уверенный, что в том мире, где он обитает, лишь злом можно утвердить свое достоинство.

«Венецианский купец» стал кульминацией гастролей Сухумского театра имени К. Гамсахурдиа. По двум причинам: потому, что спектакль этот был «лебединой песней» Дмитрия Алексидзе, одного из замечательных деятелей грузинской сцены, и потому, что Шейлок Гоги Кавтарадзе заставил вспомнить о вершинных актерских созданиях нашего театрального искусства. В спектакле, вернувшем нашим подросткам пьесу Шекспира, которую не играли у нас почти сорок пять лет, не было налета музейности. Даже в своих недостатках он представлял живое искусство Сухумского театра, который последние три года возглавляет Г. Кавтарадзе Театра, полного творческих сил.

М. ШВЫДКОЙ

Поздравляем с юбилеем!

ПРАЗДНИК АКТРИСЫ

...На глазах становится одной из легенд книга история о том, как маленькую, крупную, с белокурыми локонами Люду Касаткину слушались на съемках тигры. На самом деле легендарно в этом только одно слово «группия»; все остальное — чистая правда. Маленькая — да, белокурая и хорошенькая, с яркой, сияющей улыбкой — все, что раньше на языке театральных амплуа называлось «инженю». Но сколько я помню Людмилу Касаткину — а я помню ее давно,— она всегда была сильная. С сильным темпераментом, распахнутыми чувствами, неудержимой страстью к сцене.

Однажды мне пришлось встретиться с ней в деле, на съемках фильма о ее работе. Это стал фильм действительно о работе, о трудных буднях актерской профессии. Мы были поражены тем, что прозаически зовется назвать «трудоспособностью» нашей героини. Тем трудятся балерины, циркачки — именно что в поте лица зарабатывая свои триумфы.

Людмила Иванovна Касаткина сыграла много — на сцене ЦАТСА, которой она никогда не изменяла, в кино и на телевидении. Я помню ее блестящий молодой успех в роли Марии Антоновны в «Ревизоре»; «Укротительница тигров» принесла ей всенародную популярность, она сыграла в свое время и «фабричную девчонку» Женьку Шульженко, и «барабанщицу» Нилу Снижко и шекспировскую Катарину, и чеховскую «Душечку», а сегодняшний зритель знает ее как трагическую Мать Марию. Кручинину Островского, страстную Лейди из пьесы Теннесси Уильямса. Но лучше не занимать скупые газетные строки перечислением: для списка ее ролей понадобилась бы целая полоса.

Когда я думаю о Люде Касаткиной, то вспоминаю о фильме, популярном во время нашего детства, и даже не о фильме, а о названии его: «Девушка с характером» — бывает что-то существенное в жизни сватается на мой-нибудь глупой комедийной, а потом с экрана возвращается в жизнь. Людмила Касаткина принадлежит к поколению женщин, которых собственные убеждения и жизнь заставили вырабатывать характер. Людмила Иванovна воплотила его не только в своих артистических созданиях, но и в себе самой, в своей личности. И если попытаться определить истинное амплуа этой необычной «инженю», то я бы назвала ее «девушка с характером».

М. ТУРОВСКАЯ

Указом Президиума Верховного Совета СССР за большие заслуги в развитии советского театрального искусства народная артистка СССР Л. И. Касаткина награждена орденом Ленина.

Послесловие к гастролям

ОТ ИОАННА ГРОЗНОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

За две недели ленинградский Театр имени В. Ф. Комиссаржевской, легендарный Блокадный театр, созданный в осажденном городе в 1942 году, показал москвичам семь спектаклей. Это было открытием — открытием коллектива, который почти пятнадцать лет не демонстрировал в столице своего искусства и за эти годы как бы заново сложился под руководством Р. Агамирзяна. Он всегда был несколько в тени своих старших собратьев — Большого драматического, Александринки (Театра имени А. С. Пушкина), а прежние годы — Театра комедии. И постепенно превратился в театр профессиональный и культурный, с продуманным репертуаром, хорошо воспитанной труппой, последовательным художественным руководством.

Конечно, есть оттенок сенсационности в том, что в репертуаре Театра имени В. Ф. Комиссаржевской — все трилогия А. К. Толстого, все «три царя»: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис». Такого не было и нет ни у одного коллектива страны. За постановку трилогии А. К. Толстого Р. Агамирзян, художник Э. Кочергин и группа артистов были удостоены Государственной премии СССР 1984 года. Однако подобное репертуарное решение не было остроумной находкой режиссера или завлита (а завлит в театре прекрасный: В. Новиков — подлинный соучастник всех творческих затей, человек, пользующийся настоящим уважением писателей). Начинали с «Царя Федора», где открылся совсем молодой в ту пору В. Особик; более шести лет понадобилось, чтобы воплотить всю трилогию. И не только зрительским успехом «Царя Федора» обусловлено было продолжение: в политических трагедиях А. К. Толстого, напряженно вглядывающегося в историю Руси, поверяющего историческую необходимость нравственным законом, мерящего монаршую волю потребностью народной: обнаруживались себя коллизии, важные для понимания минувшего и созвучные опыту XX столетия. Культура исторического мышления сопрягалась в трилогии с культурой профессиональной: исподволь рождавшееся целое обнаруживает единое композиционное решение с эпическим почти зачином и энергичной, словно летящей в бездну истории, кодой — «Царем Борисом», где заглавную роль умно и точно сыграл С. Ландграф.

Опыт работы над трилогией отозвался и в других работах театра. И в «Выборе» по Ю. Бондареву, и в «Генерала Серпилина» по К. Симонову, и в «Святая святых» И. Друца, даже в мелодраме А. Кравцова «Новоселье в старом домах», посвященной выдержавшему 900-дневную блокаду городу, ощутима потребность театра слить на подмостках воедино судьбу человеческую и судьбу народную. Потребность, находящая воплощение в искусстве продуманном и искреннем.

Ш. МИХАЙЛОВ

Отзвук

НЕ СОВСЕМ ТО, НО ВСЕ-ТАКИ...

Главное управление общественного питания Мосгорисполкома рассмотрело письмо «Кафе у огней рампы», опубликованное в «Литературной газете» (27 марта с. г.), и сообщает:

До 1990 года должны быть завершены работы по строительству, реконструкции и ремонту зданий, выходящих на улицу Арбат.

Рядом с Театром имени Евг. Вахтангова, в первом этаже здания по ул. Арбат, 24 должен быть оборудован кафетерий «Театральный». Пока реконструкция помещения не начата, там нам по указанному адресу размещаются сторонние организации.

А. ГРИШИН,
первый заместитель начальника главка

Кафетерий, конечно, не кафе. Наверное, и это неплохо. Но, может быть, пока «сторонние организации» не выехали, стоит еще раз посоветоваться с архитекторами и театром?

ОТДЕЛ ИСКУССТВ «ЛГ»

Студия

„Таня и Наташа“

Студия «У Никитских ворот» завоевывает все более прочное место на театральной карте Москвы. Оттуда — две девушки с черной, вокальный дуэт «Таня и Наташа». Две гитары. Предельно нехитрые «инструменты» для той или иной песни — вроде деревенских старичков, с помощью которых изображается цоват попыт в песне Булата Окуджавы «Батальная картинка» из русской истории». Два голоса, отлично сочетающихся друг с другом. Манера исполнения, конечно же, современная, бросно-эстрадная, но не агрессивная, как это часто бывает сегодня, а заставляющая вспомнить смачем. Клавдию Шульженко (ассоциация с Шульженко может показаться несколько произвольной, не я имею в виду точную передачу психологического содержания песни).

Главное в манере дуэта Натальи Жданovой и Татьяны Хазановой я бы определил как напомазмое, недемонстративное противостояние моде. Мода в искусстве предполагает следование ей большого числа людей — на то она и мода. Но не всех, ибо всегда остаются те, кто предпочитает немодное искусство. А от студийного пения выбор немодной манеры требует не соответствующей электронной аппаратуры, а прежде всего индивидуальности и контакта со зрительным залом, основанного на душевном единении. Поэтому дуэт «Таня и Наташа», помимо всего прочего, вызывает еще и уважение.

Многое у них еще впереди.

Ю. СЕРГЕЕВ

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ

НОВАЯ ПРОВОКАЦИЯ ГРИНГО

Хосе Марти, светоч кубинской независимости и один из величайших умов Латинской Америки, считал, что люди делятся на два типа: на тех, кто любит жизнь и целиком посвящает себя ее созиданию, и тех, кто ненавидит и разрушает ее. Незадолго до смерти в письме к другу Хосе Марти писал, что жизнь его подвергается смертельной опасности, но, несмотря ни на что, нужно обязательно помешать ненасытному и кровожадному североамериканскому соседу обрушить свою «превосходящую силу» на многострадальные латиноамериканские республики.

Я не стану сейчас ни излагать историю моей страны, ни описывать страдания моего народа за долгие полвека эпохи колониализма. И если я привел цитату из великого Хосе Марти, то только потому, что после многочисленных споров и пререканий нынешняя администрация США выпустила в эфир радиопередачи, цель которых, согласно заявлению правительственных кругов Вашингтона, «донести до кубинского народа всю правду». Но о какой правде идет речь?

Новая агрессивная акция США против нашего народа — не изолированный факт. За двадцать с лишним лет революционной власти на Кубе мы слишком много уроков извлекли из действий наших врагов, которые, в первую очередь, научили нас быть всегда начеку. Так что появление новой американской подрывной радиостанции (название которой кощунственно, но не в состоянии запятнать память о нашем великом национальном герое) — для нас далеко не сюрприз.

Что и говорить, гринго живут, повернувшись спиной к истории, и потому ничему у нее не научились, и что хуже всего — никогда ничему не научатся. В апреле 1961 года они думали бригадой подлых наемников сокрушить вооруженный кубинский народ и были настолько глупы и самовлюбленны, что нисколько не сомневались в своей победе. Затем они прибегли к изобретению блокады, от которой остались одни осколки благодаря пролетарскому интернационализму социалистического содружества и мобилизации всех сил кубинского народа. И чем больше сопротивления оказывали мы впоследствии этой агрессивной политике, чем больше доказывали, что нуждаемся в мире, что умеем защитить себя и свое достоинство, — тем больше обрушивалось на нас угроз со стороны Соединенных Штатов.

Я не оракул, но считаю своей обязанностью публично заявить и предупредить: американская радиостанция станет, и в этом нет никакого сомнения, для гринго бумерангом. Ее действия уже вызвали первый официальный ответ — разрыв соглашений между Гаваной и Белым домом, касающихся эмиграции.

Мы, кубинцы, всегда были и всегда будем в лагере тех, кто любит жизнь и кто ее созидает. Мы готовы встретиться лицом к лицу с очередной массированной идеологической диверсией сеньора Рейгана. Мы не сидим сложа руки, и уже сегодня, сейчас, в эти минуты все средства массовой пропаганды Кубы дают достойный отпор врагу, превратив свои информационные послания в целенаправленный разрушительный таран. Волны наших радиостанций всегда были, есть и будут маленьким Давидом, выходящим ежедневно на смертельную борьбу с империалистическим Голиафом. И в этой борьбе устрашающий Голиаф все больше и больше теряет свой престиж. Потому что на нашей стороне — истина.

Бернардо Маркес РАВЕЛО
ГАВАНА

РУКИ ПРОЧЬ ОТ НИКАРАГУА!

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

КИРИЛЛ, МЕФОДИЙ И... «КРЕСТОВЫЙ ПОХОД»

Одиннадцать столетий отделяют нас от эпохи, когда жили великие славянские просветители Кирилл и Мефодий. С середины XIX века в их честь ежегодно 24 мая проводится праздник болгарского просвещения и культуры.

В нынешнем году этот праздник совпал с 1100-летием со дня смерти Мефодия. Его имя неразрывно связано с именем и делом его младшего брата Кирилла — создателя славянской азбуки. Как отмечает болгарский академик Петр Динеков, солунские братья (Солун — место их рождения. — Авт.) живут в памяти многих поколений как достойные друг друга апостолы просвещения.

Еще Христо Ботев подчеркивал общеславянское, общечеловеческое значение подвига солунских братьев. Их деятельность принадлежит истории европейской культуры. Поэтому нет ничего удивительного в том, что 1100-летие со дня смерти Мефодия отмечается в ряде стран Западной Европы, в частности в Англии и в ФРГ. Это можно было бы приветствовать. Однако иные церковные деятели и средства массовой информации решили под знаменами Кирилла и Мефодия протащить лозунг «преодоления политической пропасти, пролегающей через сердце Европы». Не подумайте, упаси боже, что речь идет о восстановлении разрядки и укреплении сотрудничества. В словах о «преодолении» воплощена все та же мечта о «поглощении» социалистических стран. «Мы мечтаем о Европе, которая восстановит свою веру и единство, — так и сказал в Лондоне глава английской католической церкви кардинал Хьюм на открытии международной годовщины Мефодия. — Народы нашего континента имеют общее христианское прошлое, и мечта о единстве Европы основана на надежде, что когда-нибудь все люди будут жить свободно, в соответствии со своими собственными культурными традициями».

Перефразируя классика, можно сказать: «Ба, знакомые все слова». Сегодня в нашей газете (см. стр. 14) приводятся заявления западногерманских реваншистов, окрашенные тоской по поводу «разделения» Европы, полные стенаний о «судьбе» братьев из ГДР и других социалистических стран. Рекорд политического цинизма, бесспорно, принадлежит одной мюнхенской радиостанции, вещающей из Мюнхена. Перенесем мысленно братьев Кирилла и Мефодия в наше время, фантазируют радиоборзописцы, — против чего бы они восстали и боролись сегодня? Разумеется, против «идеологического, культурного советского империализма», «угнетения восточноевропейских народов, и болгарского в том числе». Итак, Кирилл и Мефодий во главе антикоммунистического «крестового похода»! Вот уж поистине — нарочно не придумаешь!

Так, используя наследство Кирилла и Мефодия, пытаются обосновать притязания на «отмену» социализма в Восточной Европе. Римско-католическая церковь жестоко преследовала Мефодия, собор епископов его осудил и бросил в темницу. В тюрьме его истязали, «били, держали в холоде и под дождем». Кирилл скончался в Риме в молодые годы при невыясненных обстоятельствах, есть подозрение, что его отравили. Теперь же Рим, по выражению известного болгарского писателя, автора романа «Солунские братья» Слав Хр. Караславова, стремится «присвоить дело Кирилла—Мефодия», использовать в борьбе, направленной против социалистических стран.

Ваш корреспондент обратился к митрополиту старозагорскому Панкратию. Как он оценивает обстановку, создавшуюся вокруг юбилейных торжеств по случаю 1100-летия со дня смерти Мефодия? Митрополит подчеркнул, что дискуссии, состоявшиеся в ряде стран с участием представителей Восточной Европы, помогли определить историческое значение деятельности Мефодия. В то же время очевидно, что в некоторых западных кругах этот юбилей используется для усиления конфронтации со странами социализма.

— Концепция так называемой «единой Европы» так, как ее понимают на Западе, не для нас. Мы ее принять не можем, — заявил митрополит Панкратий. — Великая Победа над фашизмом во второй мировой войне сделала возможным создание в одной части нашего континента прекрасного мира социализма. Это реальность, с которой все должны считаться. Поэтому мы выступаем за такую Европу, в которой господствует дух Хельсинки, дух контактов и доброй воли, дух сосуществования между государствами с различным общественным строем, против любых проявлений «холодной войны».

...Древний праздник Кирилла и Мефодия. Праздник культуры во имя человека и мира. И нет таких сил, чтобы заставить его служить тем, кто упорно не хочет признавать политические реальности нынешней Европы.

Спец. корр. «ЛГ»

СОФИЯ

СООБЩАЕМ ПОДРОБНОСТИ

НА КАННСКОМ БЕЗРЫБЬЕ...

Журнал «Скрин» в этом году оказал мне услугу: в течение всего Каннского фестиваля он служил мне... будильником. Я впервые вошел в группу аккредитованных на фестивале журналистов, которые выставляли свои оценки конкурсным лентам. На трибуны официального жюри фестиваля наши звездочки (одна, две, три) повлиять, конечно, не могли, но все же, все же...

Итак, первый ранний утренний звонок: австрийский фильм «Король кока-колы» и японский «Прощай, повеса». Первый уже в титрах предупреждал, что не служит рекламой напитка. Однако в конце это утверждение казалось более чем сомнительным. Второй разочаровал заумью. Я выставил обоим по звездочке.

— Не больно-то вы щедры, — заметила редактор мадам Хьюд. — Впрочем, сама я почти ничего не успеваю смотреть: сами знаете, что значит каждый день выпускать журнал! До завтра.

Фильму Жана-Люка Годара «Детектив» я гневно выставил ноль, и был не одинок. Во время просмотра зал свистел, улюлюкал, стонал, хохотал, а какой-то зритель подстерег режиссера у входа в конференц-зал и запустил в него кремовый торт. Вот счастье-то! Нет на Западе лучше рекламы, чем скандал...

Мадам Хьюд, однако, сказала, что в шкале оценок ноля нет. Пришлось дать фильму звездочку. «А аргентинская картина «Официальная история»?» — спросила она. «Две, — ответил я. — Честный фильм: Аргентина после Фолклендов, восстановление демократии в стране. Будь еще чуть получше художественная сторона...»

Фестиваль вроде пошел в гору. Ироничный английский фильм Николаса Рега «Ночь размышлений» и глубокая работа венгерского режиссера Иштвана Себо «Полковник Редль» — соответственно две звездочки и три. Судя по шкале журнала «Скрин», это был самый «звездный» день фестиваля. На следующий день, правда, заставила заговорить о себе американская лента Алана Паркера «Бэрдин»: мои незнакомые коллеги выставили ей три звездочки, я же, грешен, пожадничал, ограничился двумя. Антивоенный фильм? На первый взгляд, да. О двух парнях, чью молодость загубила вьетнамская авантюра США. Но при этом буквально расколотые войной герои фильма в конце концов все же приходят к убеждению: в молодости-то их была «героической»! Ловко поданный официальный оптимизм рейгановской Америки...

38-й Каннский фестиваль начался 8 мая, в самый юбилей Великой Победы над фашизмом, но из всего мирового кинематографа организаторы умудрились не отобрать ни одного честного фильма о войне, об уроках истории.

Американо-японский фильм «Мисима» голливудского режиссера Поля Шрейдера оказался, пожалуй, лучшим на фестивале с точки зрения техники киноискусства. Но о чем этот фильм? О жизни, творчестве и смерти писателя Юкио Мисимы — «последнего самурая Японии», призывавшего японцев вновь повернуть в свое «превосходство над другими нациями» и покончившего с собой, чтобы доказать: самурайский дух жив. Этот фильм преподносится как пример высшей гармонии «между красотой и действием», «между пером и кинжалом». Голливуд, поистощив запас своих традиционных «сильных героев», теперь тащит на Запад самурайский дух.

— Одна звезда?! — воскликнула мадам Хьюд. — «Мисима»?! Да вы что! Все остальные дают три!

Но как же вытянулись лица у комментаторов и киноэнтоков, когда наконец-то вынесло свой вердикт официальное жюри. «Бэрдин», «Мисима»? Они отмечены лишь специальными призами. А Золотую пальмовую ветвь кинофестиваля отдали югославскому фильму «Папа в служебной командировке», хотя все без исключения журналисты, задействованные «Скрином», выставили ему лишь одну звездочку. Иными словами, жюри все же не осмелилось поддержать высшим призом фестиваля ни спекуляцию на антивоенной теме, ни фильм, героизирующий фашизм.

Хотя мадам Хьюд и против, но я бы поставил фестивалю ноль.

Александр САБОВ,
спец. корр. «ЛГ»

КАННЫ—ПАРИЖ

АЛЛО, БЕЙРУТ!

АДСКАЯ НЕДЕЛЯ

Свыше 200 убитых и около 800 раненых — таков весьма «неполный итог кровопролитных столкновений между отрядами движения мусульманшиитов «Амаль» и вооруженными формированиями палестинцев, вспыхнувших в Западном Бейруте в ночь на 20 мая.

Столкновения начались после того, как в лагере палестинских беженцев Сабра неизвестные обстреляли грузовик, принадлежавший «Амаль». С первых часов бои приняли ожесточенный характер. Противоборствующие стороны применяли тяжелое оружие, подвергали мощным артиллерийским налетам жилые кварталы города. Несколько снарядов упало на бейрутский международный аэропорт. Вооруженным подразделениям «Амаль» удалось взять под свой контроль лагеря палестинских беженцев Сабра и Шатила. Упорные бои продолжаются вокруг лагеря Бурдж аль-Баражне, где палестинцы оказывают ожесточенное сопротивление.

Междоусобные кровопролитные столкновения наносят значительный ущерб национальным интересам Ливана, препятствуют восстановлению суверенитета и безопасности в стране, а главное — освобождению ливанских территорий от израильских захватчиков и их пособников.

Напряженная обстановка царит в эти дни и в восточной зоне Бейрута. Особенно она обострилась после того, как 22 мая в районе Сан уль-Филь взорвалась автомашина, начиненная 400 килограммами взрывчатки. Убиты 60 и ранены 200 человек. Мне удалось побывать на месте взрыва... Густонаселенный квартал, узкие улочки. Там, где взорвалась автомашина, зияет огромная черная воронка.

— Не хватает слов, чтобы квалифицировать эту трагедию, — сказал мне хозяин ремонтной мастерской. — Чудовищно! Если бы вы видели, что вытаскивали из-под обломков!

Я не видел, но мог представить. Взрыв был такой силы, что стоявшие неподалеку автомашины под действием взрывной волны взлетали на высоту второго-третьего этажа.

Кто стоит за взрывом в Сан уль-Филь? Этот вопрос сейчас не сходит со страниц ливанской прессы. Предположения высказываются разные. Чаще других звучит версия: это дело рук ЦРУ и его агентуры. Напомню, что еще в прошлом году, по указке президента Рейгана, ЦРУ сформировало и обучило несколько диверсионных отрядов с целью осуществления террористических актов в различных странах мира. Именно они, считают здесь, организовали серию взрывов, стоивших жизни десяткам ливанцев.

...Из окна корпункта «ЛГ» виден район расположения лагерей палестинских беженцев Сабра, Шатила, Бурдж аль-Баражне. Над ними поднимаются клубы черного дыма, доносится стрельба, уханье тяжелых орудий. Жестокие, бессмысленные столкновения продолжаются.

Константин КАПИТОНОВ,
спец. корр. «ЛГ»

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

ИЛЛЮЗИИ, СОЖЖЕННЫЕ ЗАЖИВО

Размышления на филадельфийском пожарище

На фото из газеты «Дейли уорлд» (США) — демонстранты перед посольством США в Манагуа. В их руках плакаты: «Рейган, не надо больше лгать!», «Вьетнам не должан повториться!», «Остановить войну!». Среди демонстрантов — и американцы, проживающие в Никарагуа, и ветераны войны во Вьетнаме, те из них, которые знают цену разглагольствованиям о «защите национальных интересов Америки» за тридевять земель от нее.

А вот так свое отношение к никарагуанской проблеме выразил художник той же газеты. На его рисунке сомосовских головорезов и прочих «контрас» выпускает из клетки ЦРУ. Впрочем, он бы не ошибся, если бы к ЦРУ добавил Пентагон и Белый дом.

Я щелкнул затвором фотоаппарата. Люди в желтых комбинезонах и касках испуганно оглянулись, будто их застали на месте преступления. В действительности а их занятии не было ничего криминального. Полиция просеивала сквозь решето пепел, искала человеческие кости. Пыталась таким способом определить, сколько же душ она погубила здесь, на бедняцкой окраине Филадельфии, 13 мая.

Теперь трагедия уже полностью описана статистикой. Сгорело 11 человек, главным образом женщины, дети. Пожар уничтожил почти 60 жилых домов.

Сотни негритянских семей, оставшихся без крова без двора, ночуют сейчас в подвалах церквей, в атомных бомбоубежищах, сооруженных на тот случай, если «русские сбросят бомбу».

А сбросила ее своя, филадельфийская полиция. Раз! — и нет неудобной религиозно-философской организации. Тем временем где-нибудь на совещании в Оттаве встает американский эксперт по правам человека и начинает корить другие страны: в одной, мол, людей от религии отвлекают, в другой — число синагог недостаточное, в третьей — «труды» пациента с тяжелой формой шизофрении почему-то не издают миллионными тиражами. Хранитель глобальной морали как бы делится своим озарением с варварами.

А моральная вершина здешней администрации находится, оказывается, на высоте вертолета, откуда лейтенант полиции Фрэнк Пауэлл сбросил чемодан желатинообразной взрывчатки «товекс ТР-2» на дом, где молились не тому богу, пели не те песни.

Я брожу по Филадельфии, захожу в разные присутственные места, разговариваю и с большими чинами, и с простым людом где-нибудь в дешевой пиццерии. И вижу две Америки. Закопченные безмолвные руины Осэдж-авеню словно разделили страну надвое.

Одна Америка окаменела от горя. Она справляет панихиду не только по останкам, найденным в полицейском решете. Она хоронит свои иллюзии.

«Новый оптимизм», «новая эра в патриотические идеалы», о которых толковал Рональд Рейган, — где они сегодня? Погребены под пеплом Филадельфии. В этом смысле история поставит трагедию на Осэдж-авеню в ряд с вьетнамской, с выстрелами в Далласе, с позором Уотергейта, с убийством пяти рабочих вожаков в Северной Каролине.

Поставит позднее. Сейчас потрясение мешает анализу. Люди только растерянно повторяют вслед за Филипом Хеймаком, бывшим помощником министра юстиции, а ныне профессором юридического колледжа в Гарварде:

«Сбросить бомбу на густонаселенный район? На дом, полный детишек? Только для того, чтобы выселить людей, предпочитающих природу автомобильной гари? Это безумие! Безумие!»

Нет, профессор, это сознательная и давняя тактика расправы с критиками системы. На штаб-квартиры ку-клукс-клана бомб не сбрасывают. Неонацистскую организацию «арийские нации» из крупнокалиберных пулеметов не обстреливают.

Есть, конечно, и другая Америка, та, у которой давно отбили способность сопереживать и ужасаться.

Может быть, вины человека в этом и нет. Нервы, они ведь устают. Читаешь, как та же самая филадельфийская полиция до сих пор спускает на негров собак, разглядываешь в газетах фотографии, где темнокожий подросток показывает на своей спине странные, симметрично расположенные ожоги. Это его пытали генератором высокого напряжения в полицейском участке Нью-Йорка. Видишь в журнале «Ньюсуик» серию снимков, где боевик никарагуанских «контрас» — «наш брат», по выражению Рейгана — вонзает штык в горло сандинистскому патриоту...

После этого ударить бомбой по детям, по вольнодумству кажется кое-кому в порядке вещей. «Мы не можем возлагать вину на полицию, — пишет Роберт Куперман из Центра стратегических и международных исследований, — Это была тактическая необходимость».

Филадельфия — колыбель Соединенных Штатов. Здесь подписали и Декларацию независимости, и Конституцию. А сегодня прямо у исторического «колокола свободы» мне рассказали такой горький анекдот: «Один филадельфийский погорелец — другому: «Скажи, друг, мы что же, уже всего достигли? Всех обещанных Рейганом благ, прав и свобод?» Тот: «Нет, будет еще хуже».

Владимир СИМОНОВ,
соб. корр. АПН и «ЛГ»

ФИЛАДЕЛЬФИЯ—НЬЮ-ЙОРК

СОЦИАЛЬНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

«ЭПИДЕМИЯ НЕГРАМОТНОСТИ»

Так охарактеризовала зарубежная пресса положение в области образования в Италии. В этой стране насчитывается 1,5 миллиона полностью неграмотных и 5 миллионов полуграмотных. Среди них свыше двух миллионов человек, или каждый третий, выросли в послевоенной Италии — «Италии телевидения и массового образования».

ГОД БАНКРОТСТВ

Прошедший год, по мнению американского журнала «Ньюсуик», можно было бы назвать «годом банкротств». В Америке объявили о своей несостоятельности больше компаний, чем когда-либо в истории страны. Во Франции разорились около 25 тысяч фирм — на десять процентов больше, чем в 1983 году, и вдвое больше, чем десятилетие назад. В Западной Германии закрыли свои двери 16 тысяч компаний — на 40 процентов больше, чем за последние два года.

РЕПЛИКА

ФАНТАЗИИ А. О.

Как надуть западного читателя, имеющего о далекой России лишь самое туманное представление? Этим вопросом задался недавно заезжавший в Москву корреспондент швейцарской газеты «Нойе цюрхер цайтунг», скромно скрывший свое имя под инициалами А. О. И тут же взялся за перо, да притом основательно: сочинение его занимает почти целую газетную полосу. Пришлось запустить руки в старые архивы небылиц, потревожить «кремлеведов» и совершить экскурс в область диких фантазий, чтобы в конечном счете презентовать удивленной публике собрание своих выдумок.

О чем? Прежде всего о религии и потустороннем мире, об анонимных молодых людях, «которые будто бы души не чают в неких шарлатанах, и даже о «повальном увлечении русских» «гуру» из Америки, совершающим будто бы чудодейственные эксперименты. Да, да — именно о повальном увлечении, а не об отдельных жертвах сбитых с толку людей, оказавшихся в руках ловкого обманщика, — об этом недавно писала наша газета. Поскольку достоверной информации под руками нет, швейцарский журналист ее попросту изобретает. В его статье мы видим безымянных «собеседников», божьих старушек, с заумным видом рассуждающих о вознесении на небеса, велеречивых «студентов», из слов которых можно понять лишь одно: ни в одно высшее заведение они никогда не забредали и впредь это им тоже не угрожает.

Наш иностранный наблюдатель как будто совсем развеселился: ему мерещится чуть ли не... «общественное перерождение».

Однако фантазия все же дает осечку. «Выводы относительно мотивов и размеров новой религиозности, — жалуется он, — сделать весьма трудно». Все дело в том, что в Советском Союзе «темы религии и церкви общественностью почти не дискутируются, развитие в этой области не обсуждается». В результате дают о себе знать «этические нормы, которые угрожают церкви», с горечью заключает автор.

Финал, как видим, никак не вяжется с увертюрой. Западную публику хотели убедить, что она становится свидетелем некоего взлета страны. Один из заголовков статьи так и называется — «Размышление о новой религиозности». А оказывается, все обстоит по-другому: советское общество шагает вперед, забыв о «старине», которая так волнует швейцарского журналиста. Решив заняться «духовными запросами» русских, как формулирует это автор, он в конечном счете попал, пальцем в небо!

П. НИКОЛАЕВ

Навстречу XXVII съезду КПСС

ОПЫТ. ПРОБЛЕМЫ

ПРЕДСЪЕЗДОВСКИЕ БЕСЕДЫ

ТЕХНИКА ПЛЮС ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ

По темпам научно-технического прогресса Латвия находится в группе лидеров, опережая по производительности труда контрольные цифры пятилетки. За счет этого обеспечивается весь прирост продукции республики. Но НТР выдвигает новые проблемы, которым и посвящена беседа нашего корреспондента.

Ю. РУБЭН, Председатель Совета Министров Латвийской ССР

— Юрий Янович, почему удлиняются сроки внедрения? Путь от идеи до промышленной серии, по оценкам специалистов, в среднем равен 8—9 годам. Может, это неприятное следствие НТР? Я хочу сказать, что продукция усложняется, совершенствуется. Вероятно, неизбежно возрастают сроки ее освоения. И с этим придется смириться...

— Вот смириться нельзя никак! Подобную проблему НТР действительно нам подбрасывает, но мы обязаны ее разрешить. Обязаны потому, что инженерные и научные идеи теперь чрезвычайно быстро стареют. Считается, что средний срок их старения сегодня 6—8 лет, а завтра он будет и того меньше. Значит, пока идея будет принята производством, она уже безнадежно отстала. А скольким из них вообще не суждено реализоваться! Как-то в республике была проверена работа девятнадцати различных проектно-конструкторских организаций. Выяснилось, что лишь 14—36 процентов разработок доживают до реализации.

— КПД паровых машин начала авиа...

— В НИИ, думаю, КПД и того ниже. А между тем у нас же в республике есть организация, которая осуществляет 95 процентов своих разработок. И срок от проекта до внедрения не превышает трех лет. Я имею в виду внедренческую хозрасчетную фирму «ОРИОНТ». Работают в ней двадцать два конструктора и десятка три рабочих — специалистов высокой квалификации. Когда необходимо выполнить заказ, требующий специфических знаний и навыков, фирма заключает договоры с другими специалистами, для этого есть у них «безлюдный фонд». Имеет «ОРИОНТ» и собственные производственные цехи. А недавно принято решение о передаче фирме площадей одного бывшего завода. Заказов у «ОРИОНТа» полный портфель. Но в план попадают лишь те, что обещают высокую и быструю отдачу. Один из факторов успеха фирмы — зарплата ее сотрудников прямо зависит от эффективности внедренческой работы.

— Юрий Янович! Мне всегда казалось странным существование на предприятиях премий за внедрение новой техники. Равно как и спрос за выполнение плана по ее внедрению. Это ведь не больше чем промежуточный результат. Подобным образом можно платить премию за научную организацию труда, за культуру производства и так до бесконечности. Если хозяйственный механизм функционирует нормально, то предприятие благодаря модернизации может улучшить свои экономические показатели, а значит, и материальное положение работников.

— В общем-то ненормально, что план по новой технике существует сегодня автономно, оторванно от плана производства. Отсюда парадокс: можно снизить качество продукции, уменьшить ее количество, но при этом получить премию за внедрение новой техники. Надо ли говорить, какова цена подобного плана? Главное — конечный результат, продукция. Техника же — лишь средство достижения. Говорю элементарные истины, но, к сожалению, их приходится еще доказывать... А не так ли и в сельском хозяйстве, когда мы планируем колхозам, скажем, производство сена, а надо бы только молока и мяса? Встречаются прямо-таки парадоксы. На модернизированном производстве заработки иногда ниже, чем на технически отсталом. Ведь тем, где проведено нормирование труда не на научной основе, зарплату действительно надо заработать. А на непрестижных производствах приходится доплачивать за тяжесть труда.

Определенные благотворные перемены сулит экономический эксперимент. Предприятия, перешедшие на его условия, получили дополнительный стимул хорошо работать. Прежде всего потому, что планы становятся стабильными. В условиях эксперимента результаты работы предприятий теснее связаны с карманом работников. Впрочем, хотел бы подчеркнуть: эксперимент необходимо углублять и совершенствовать.

Иной руководитель предприятия и рад бы внедрить блистательную идею ученых, да очень уж подчас тяжела ноша. У хозяйственников своих сиюминутных проблем по горло. У него чаще всего нет ни людей, ни свободного оборудования, ни времени, чтобы доводить идею до серийного образца. А иной раз к тому же новшество вызывает обоснованное опасение. Хозяйственник всегда найдет тысячи способов саботировать сомнительные затеи. Вот если бы агитация за новинку была прагматной — идея вручалась бы не на бумаге, а в виде прибора, установки, словом, опытного образца, тогда был бы иной разговор. Дело в том, что сегодня между наукой и производством отсутствует очень важное звено или перегородка, если хотите.

— А разве созданием научно - производственных объединений не решается эта проблема?

— Лишь отчасти. В республике всего несколько НПО, имеющих свои институты. Да и не все из них в состоянии вести за собой производство. Большинство же прикладных, отраслевых НИИ имеют очень слепую производственную базу. Еще дальше от производства находятся обычно академические институты, вузы.

Мы работаем над решением этой проблемы уже много лет, ищем разные варианты. Хорошо зарекомендовали себя комплексы: академический институт, соединенный с экспериментальным опытным заводом. Скажем, НИИ органсинтеза АН ЛатССР на своем экспериментальном заводе превращает фундаментальные исследования в прикладные, а затем и в партию медпрепаратов. Иногда комплекс создается на время решения какой-либо конкретной проблемы. Так, институт микробиологии объединился с колхозом «Узвара» Баусского района для того, чтобы разработать технологию обогащения кормов для скота. Результаты предполагается использовать в животноводстве всей республики.

Расширяется опытное производство в системе АН, а также в вузах. Планируем, в частности, построить производственный межвузовский центр. Одновременно вузы ищут более тесные контакты с предприятиями. На балансе производственного объединения ВЭФ, допустим, существует научно-исследовательская лаборатория политехнического института. Контакт при этом гораздо теснее, чем при обычном хоздоговора. При прикладных институтах мы стремимся создавать свои КБ и также укреплять производственную экспериментальную базу. Под эгидой Госснаба республики создан своеобразный пункт проката различных приборов. Исследовательские группы могут брать их на время, что и удобно, и выгодно. Думаем так же и дальше развивать внедренческие фирмы типа «ОРИОНТ».

Стыковка науки с производством зависит от инженерной службы предприятий. Сегодня эта служба используется недостаточно. Отчасти мешает устаревшая форма оплаты инженерного труда. Ваша газета об этом не раз писала... Мы изучили и ленинградский опыт, и ульяновский. Постараемся его использовать, но не исключено — с доработкой. Задача состоит в том, чтобы поставить оплату ученых, инженеров, конструкторов и технологов в зависимость от ускорения научно-технического прогресса. Добавлю: предельно освободив их при этом от работы рутинной, не требующей специальных знаний.

Мы сейчас внедряем автоматизированную систему проектирования — САПР. ЭВМ станет делать все расчеты, находить оптимальные комбинации и вычерчивать проект изделия по заданным координатам. Речь, понятно, не идет о принципиально новых изделиях. Здесь конструктора никто не заменит. Кстати, сегодня именно этот творческий участок — проектирование нестандартного оборудования — предельно огорчен. В обследованных нами КБ конструкторов, занятых такой работой, всего 5—6 процентов от потребности в них.

Как видите, какой бы вопрос мы ни рассматривали, все упирается в управление. Вот уже третью пятилетку подряд у нас используется программно-целевой метод планирования. Одна из программ — создание автоматизированной системы управления «РАСУ-Латвия». От пятилетки к пятилетке ЭВМ принимает на себя все большую управленческую информацию. И не только в области планирования. Движение автобусов по городу и перемещение товаров от промышленности до баз и торгов, наличие лекарств в аптеках, потребности строек в стройматериалах — все это помещается в память компьютеров, что позволяет быстро обнаруживать узкие места и своевременно принимать меры.

— Юрий Янович! ЭВМ, конечно же, может посчитать и рассчитать, но окончательное решение принимают все-таки люди. А от их субъективизма мы электроникой не застрахуемся. Если, допустим, директор стройтреста имеет, так сказать, не формальный контакт со своим министерством или поставщиком, он всегда получит все необходимое раньше других.

— Не буду спорить, возможно такое. Но в том-то и дело, что ЭВМ помогает сократить дефицит и уже тем самым ограничить волевое вмешательство. Делает его менее болезненным. Кроме того, когда рассчитан оптимальный алгоритм снабжения, нарушение его вполне очевидно. А значит, и легко поддается контролю.

В заключение хотелось бы сказать еще об одном. Производство сложнейшей техники требует, как никогда раньше, сознательного отношения к делу. Цена ошибки чрезвычайно возросла. Кроме того, для контроля работников требуется все больше специальных знаний, и подчас со стороны просто невозможно увидать ошибку, брак, определить, насколько добросовестно выполняет свои обязанности тот или иной специалист. Сейчас важно создать такие условия, чтобы человек, ощущая себя хозяином не производстве, работал без надзора, без понукания. И это относится не только к рабочим, но и к руководителям. Когда тысячью показателей регламентируется каждый вдох и выдох, ответственного, творческого отношения к делу не дождаться.

В сельском хозяйстве мы думаем перейти наконец от множества планов к планам заготовки и поставки сельскохозяйственной продукции. Ведь не гектары зяби, не количество голов скота, не центнеры кормов подводят окончательные итоги сельскохозяйственного труда, но центнеры произведенного зерна, молока, мяса... При такой оценке самостоятельность, а значит, и ответственность проблемы будутся у каждого непременно.

Надо бы и к оценке работы промышленных предприятий подходить с подобной меркой. Тогда не придется изобретать хитроумные стимулы для внедрения новой техники и технологии.

Беседу вел
соб. корр «ЛГ»
Г. ЦЕЛМС
РИГА

Семьдесят восемь ателье, приемных пунктов и мастерских объединяет рижское швейно-трикотажное производственное объединение «Ригас модес». Оно выпускает костюмы, платья, детскую одежду, головные уборы. С этого года объединение включилось в широкомасштабный экономический эксперимент. По новым условиям все работники — и конструкторы, и швеи, и художники — заинтересованы в том, чтобы быстрей внедрять в производство новые модели, чтобы они были по-настоящему нарядными.

Сейчас в «Ригас модес» устанавливается вычислительная и множительная техника. С помощью ЭВМ конструкторы и технологи смогут быстрее внедрять в производство новые модные модели одежды.

Фото Е. ВОПТЧЕННО (РИГА)

ПУСТЬ ПРОИГРАВШИЙ ПЛАЧЕТ

Трудовое соперничество без формализма

Игорь АЧИАЬДИЕВ

ПОНАЧАЛУ разговор обещал быть интересным, даже увлекательным. Какие страсти движут человеком? Чем живет, о чем мечтает? За что борется всерьез, по-настоящему — ведь не за дефицитные же кофточки в универмаге, не за макулатурную книгу!.. Может быть, предмет вожделения — карьера? Или — деньги, шикарная квартира, дача, машина?

Заметьте: многого из перечисленного мы достигаем с помощью родного коллектива. Поэтому-то я и пришел на завод, поэтому-то и спорил с его директором. И директор, хоть и занятой человек, говорил о таких вещах с неподдельным воодушевлением. Мы беседовали с ним уже минут пятнадцать, когда я задал, видимо, не очень тактичный вопрос:

— Скажите, а вот... соревнование? Помогает оно достижению жизненных целей?

Директор споткнулся на полуслове и посмотрел на меня внимательно. А потом принялся описывать, как у них на заводе все активно соревнуются. Но в глазах его что-то изменилось: вместо воодушевления в них проглядывали тщательно скрываемое подозрение («Ах, вот оно в чем дело!») и некоторая ирония. Беседа наша стала гаснуть и вскоре завершилась. Я пошел к начальнику лучшего цеха, встретившему журналиста приветливо. Но лишь только зашла речь о соревновании, как он поскучнел, стал ссылаться на неотложные дела. И вправду, на стенах цеха висели плакаты, призывающие перевыполнять и экономить, добиваться и повышать. Статьи о соревновании в стенгазете тоже дышали бодростью и оптимизмом.

Из конторки начальника я спустился в передовую бригаду станочников.

— Соревнование? Ну как же без него? Без соревнования, дорогой товарищ, не обойтись, — произнес бригадир. — Этот фронт мы обеспечиваем.

— С кем же боретесь?

— А это... В основном сами с собой. И со смежниками, чтобы заготовки не задерживали.

— И обязательства у вас есть?

— Лежат в папке у профгрупорга. Там тридцать три пунктика!

Где же то открытое соревнование, о котором мне утром толковали директор и начальник цеха? Где оно, если в лучшей бригаде лучшего цеха передового завода — так мне откомандировали в облсовпрофе — непосредственный исполнитель не ведает о своих обязательствах? И лишь когда расписывается в ведомости за премию, узнает о том, что «участвовал». Может ли от такого соревнования зависеть судьба человека? Достижение им жизненных целей?

ВЫ СПРОСИТЕ, где я все это наблюдал? Почему не называю завод? Отвечаю: на многих предприятиях, где в последние годы мне пришлось бывать. И не заводах, и на стройках. Чем ниже спускаешься по лестнице должностей — от директора к рабочему — тем яснее: трудовое соперничество ведется в этих коллективах, как писали сатирики-классики, в плане миража. Между тем в печати мелькает такая цифра: более 100 миллионов трудящихся участвуют в соревновании на производстве. Что это — «полный охват» или иллюзия? И кто виноват в ее возникновении?

Первая мысль — профсоюзные работники. В их руках почти вся организационная часть, им за формализм и отвечать. Не умеют, не хотят, ленятся. Категорически против подобного мнения! Зайдите в цех. Кто в обеденный перерыв и после работы составляет обязательства? Кто вечерами разрабатывает условия соревнования, подводит итоги? Сколько на моей памяти председателей профкомов, цехкомов, профгрупоргов, вкладывающих в свою работу душу!

Тогда, быть может, виноваты инженеры по соревнованию? Есть такая должность. Они-то за что получают деньги? Но подумайте сами: что может поделать один такой инженер на десять тысяч рабочих завода?

Странное получается положение: выходит, и виновных нет. Как же подступиться к проблеме?

Остается, пожалуй, единственное: пристально вглядеться в опыт тех коллективов, где соревнование ведется по-настоящему, и директору завода не приходится лукаво отводить глаза в сторону, когда заходит о нем разговор.

В СТРАНЕ действует несколько сот (!) систем соревнования. Приведу два примера разного подхода к нему.

Новополоцкое объединение «Полимир». Несколько лет назад здесь решили отказаться от закрепления каждого аппарата за одним из операторов, так как треть рабочего времени уходила на бесцельное созерцание шкал приборов. Идея выглядела заманчиво и просто: всей сменой обслуживать технологический процесс на установке, включающей разные аппараты. Операторы освоили смежные специальности. Дело пошло. Дальше — больше: взялись вывести новые нормативы численности, провели хронометражи, начали доплачивать за расширение зон обслуживания и так далее. Не стану описывать весь опыт «Полимира» к тому же о нем недавно рассказали в «Правде» В. Любицкий и Ю. Рощин. Приведу лишь одну цитату из их статьи «Лидер». Оказывается, на «Полимире» «почти вдвое увеличили число призовых мест для соревнующихся бригад и в полтора раза — фонды для их поощрения».

Вот она, суть дела! Вдвое увеличили число победителей и в полтора раза — премии.

За что люди соревнуются? Не отрицаю роли моральных факторов. Но есть ведь и материальные. О них сегодня речь. Для поощрения соревнующихся обычно отпускаются мизерные суммы. Как правило, несколько процентов фонда материального стимулирования (если он есть, разумеется, а может и не быть). Ну как вы думаете, сколько это в натуральном виде? Двадцать рублей на человека в месяц? Десять? Ошибаетесь.

Недавно побывал на московском «Калибре» и вот какие узнал цифры. Годовой фонд заработной платы — семь с половиной миллионов рублей, на соревнование расходуется... 80 тысяч. Меньше полутора рублей в месяц на каждого! Чтобы премия была хоть сколько-нибудь заметной, резко ограничивают число победителей. Но тогда у остальных, а их подавляющее большинство, не остается никаких надежд быть поощренными. За что им соревноваться? Кое-где устраивают очередь на победителей, чтобы премии не доставались одним и тем же. А некоторые виды соревнования вообще не подкреплены денежными вознаграждениями, к примеру, территориальное, когда сложный заказ исполняется разными НИИ, КБ, заводами, стройками. Мелькают диаграммы, многотиражки и районки пестрят фотографиями и победными реляциями, а настоящего-то соревнования и нет.

Вернемся к «Полимиру». В чем экономическая суть его состязательной системы? Солидная доплата к заработку. Хотя, заметим, основная его часть все же от успехов в соревновании не зависит.

По-иному подошел к решению проблемы один из авторов известного эксперимента, получившего имя «Пульсар», кандидат философских наук В. Якушев, о котором «Литературка» писала когда-то. Но с тех пор воды утекло немало, изменился и эксперимент. Напомню коротко его суть. Показавшие лучшие результаты в работе продвигались по служебной лестнице наверх, худшие — спускались на ступеньку вниз. Теперь этот принцип несколько трансформирован: под влиянием «Пульсара» изменяется не только карьера, но и значительной степени и заработок. Упрощенно это выглядит так. Устанавливается некий денежный минимум: если рабочий выполняет нормы выработки, он его получает. Но большая часть суммы зависит от места в соревновании. Все как бы выстраиваются в цепочку, от первого до последнего. Соответственно начисляется и заработная плата. И тут уж борьба идет не за копейки, а за десятки, сотни рублей! Хотя фонд заработной платы остается прежним.

— Итак, дело лишь в деньгах?! — скептически спросит иной читатель. — Свежо предание, да верится с трудом... Человек обычно привыкает к доплатам, начинает их рассматривать как вторую зарплату и теряет вкус к творческому поиску.

Передо мной письмо киевского инженера Т. Бачинского, проработавшего всю жизнь механиком, начальником цеха, заместителем главного механика завода.

«За свою трудовую жизнь, — пишет он, — я пришел к выводу, что все подобные новшества в стимулировании труда рассчитаны на то, чтобы погреть руки за счет кого-то.. Сегодня добавил десятку, завтра потребуют двадцатку. А что изменилось на производстве? Улучшилось качество, выросла производительность, повысилась дисциплина?»

Резонно пишет инженер Бачинский! Сколько к заработку ни добавляй рублей из фонда стимулирования, все они пройдут для производства незамеченными, потому что к ним быстро привыкают. Иное дело — и тут хочется поспорить с автором письма, который ратует за твердый оклад, без всяких доплат и стимулов, — когда окончательный заработок целиком и полностью зависит от успехов за каждый месяц. Лучше других поработал — заметно больше и заработал, хуже остальных — извини, получи минимум.

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ производства требует постоянных усилий, неослабевающего напора. В условиях перевода экономики страны на рельсы интенсификации по-новому встает выдвинутый Лениным вопрос: как организовать соревнование? Партия призывает посмотреть на многие его стороны по-новому, свежим взглядом, отказаться от устаревших подходов и методов.

Если воспринимать трудовое соперничество как инструмент нашего хозяйственного механизма, то он, инструмент, должен быть вмонтирован в этот механизм. Пусть определяет не только благосостояние работника, но и экономическое благополучие трудового коллектива. В самом деле, что же это за инструмент такой, если без него вполне обходятся на практике и вспоминают лишь тогда, когда требуется соблюсти некую парадность?

Завод есть завод, всякое предприятие консервативно. Совершенствовать его хлопотно. Отлаженные технологические линии могут работать год за годом и все еще приносить прибыль.

В условиях социалистического хозяйствования конкуренция практически отсутствует. Но мы располагаем иным оружием, которое — по идее, намеченной еще Марксом! — должно заставлять нас не расслабляться, постоянно двигаться вперед. Это соревнование. И если капиталисты принимают свой инструмент хозяйственного развития — конкуренцию — вполне серьезно, порой подкрепляя его драконовскими законами, то отчего же мы к своему относимся подчас спустя рукава, пренебрежительно, словно к чему-то надоевшему?

Интенсификация нашего производства — задача настолько серьезная и трудная, что нам позарез необходимо преодолеть косность, успокоенность, мертвечину. Убежден, лучший способ преодоления — соревнование, если... если поставить в зависимость от успеха в нем все: не только грамоты, знаки, вымпелы, доски почета, но и заработок, путевки в дома отдыха, продвижение по службе, жилищные льготы, время отпуска... Выиграли бы обе стороны: и человек, и производство.

Все — победителям, ничего — побежденным. Да, выглядит сурово. Пусть проигравший плачет?! Да, так.

Статья «Обиды правдника» Т. Дзокаевой убедительно показала, сколь мало мы считаемся с передовиками при выдаче ордеров на квартиры, они-то, люди совести, подчас получают последними («ЛГ», № 34, 1984). Только ли с квартирами так?

Итак, полновесные призы, обеспеченные, как говорится, всем «золотым запасом» экономических, социальных и моральных ценностей коллектива, отрасли, общества. Пусть трудные, но ощутимые и заманчивые цели, способные всколыхнуть человека. Пусть трудные ситуации, когда проигравшему никуда не уйти от материального и нравственного урона.

Речь о большой, коренной перестройке всего нашего мышления в отношении состязательности. И иного пути не вижу.

Я хочу вновь прийти на завод и спросить:

— Ну как соревнование? Помогает оно достижению жизненных целей человека?

И в глазах директора (начальника цеха, бригадира, рабочего) не мелькнет подозрительность пополам с иронией.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

КРЫЛЬЯ КРЕПЛИ В БОЯХ

В ГОД 40-летия Победы многие страницы «ЛГ» отданы рассказам о бессмертном подвиге народа, партии в Отечественной войне. Опубликовано немало статей о мужестве пехотинцев, отваге танкистов, бесстрашии моряков, героизме военных летчиков... Но, быть может, как-то в стороне, в тени осталась наша гражданская авиация, которой в годы войны тоже пришлось решать нелегкие и ответственные задачи.

И вот передо мной книга «Гражданский воздушный флот в Великой Отечественной войне», выпущенная недавно издательством «Воздушный транспорт». Да, это о них, летчиках Аэрофлота, о тех, кто делал для фронта самую разнообразную работу: осуществлял связь между штабами армий, перебрасывал срочные военные грузы, доставлял в госпитали раненых бойцов, выполнял специальные задания командования. Книга, вышедшая под общей редакцией министра гражданской авиации СССР, Главного маршала авиации Б. П. Бугаева, знакомит с воспоминаниями ветеранов, документами военной поры, и это дает возможность достаточно полно представить себе события того времени.

С началом фашистской агрессии гражданский воздушный флот был подчинен Народному Комиссариату Обороны и перестроил свою деятельность применительно к фронтовым условиям. В заглавной статье сборника, написанной Б. П. Бугаевым, дается всесторонняя оценка этой деятельности. Причем хочу подчеркнуть, что нынешний министр был ее свидетелем и участником. Выполняя задания Центрального штаба партизанского движения Украины, он совершил более двухсот вылетов за линию фронта.

Война радикально изменила характер труда гражданских летчиков. Им приходилось обеспечивать боевые действия Красной Армии в самых необычных условиях, нередко взлетать и садиться на партизанских аэродромах при свете костров или свете луны. Летчиков, естественно, не ждали современные бетонные полосы, достаточно было разведчиков продовольствие, медикаменты доводилось и на лесную поляну, и в раскисшее от дождя поле. Это была опасная, трудная работа, которая длилась все четыре года войны, как любил говорить К. Симонов — «от звонка до звонка».

С интересом читаются воспоминания известного пилота Г. Д. Муравьева, прослужившего в гражданской авиации полвека. В октябре 41-го на самолете «Ли-2» его экипаж доставлял бензин нашей танковой части, которая вела бои в окружении. Этот полет под огнем фашистов выдался не редкость тяжелым: бортмеханик Дюков был убит, радист Пепкин и стрелок Фисенко ранены. И все же задание экипаж выполнил.

Есть в книге и рассказ давнего автора «ЛГ», Героя Советского Союза П. М. Михайлова об интернациональной помощи, которую оказали наши летчики армии югославских партизан во главе с маршалом Иосипом Броз Тито. Есть и другие не менее интересные страницы воспоминаний и документов.

Словом, мемуарная литература пополнилась еще одной добротной, хорошей книгой. Документальной, правдивой, проникнутой уважением к памяти героев минувшей войны.

Н. МАР

ПРОБЛЕМЫ БЫТА

«Литературная газета», как и другие органы печати, регулярно выступает на антиалкогольную тему. Пожалуй, нет такой редакции, где не могли бы показать сотни, тысячи писем с категорическим требованием объявить решительную борьбу пьянству. И вот теперь мы знаем о мерах по борьбе с пьянством и алкоголизмом. Приняты важные решения. И есть смысл сообща взвесить причины, породившие документы, имеющие столь большое, принципиальное значение для нашего общества, подумать и о том, что предстоит сделать для искоренения зла.

Об экономических аспектах проблемы размышляет в своих заметках кандидат экономических наук Г. Баженов.

Альтернатива пьянству — насыщенная духовная жизнь, интересно организованный досуг, разумное проведение свободного времени. И здесь недостаточно одних лишь воспитательных усилий — их необходимо подкреплять делом. Одно из таких дел, отмечено в постановлении ЦК КПСС, — развитие, поощрение коллективного садоводства и огородничества. Как снабжают строительными материалами садоводов Подмосковья, как использовать немалые резервы в столь важной работе — об этом корреспонденция А. Юферева.

О ПЬЯНСТВЕ И ТРЕЗВОСТИ...

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

С ОГРОМНЫМ удовлетворением встречаем мы все намеченный партией комплекс крупных социально-политических, административных, медицинских и других мер по усилению борьбы с уродливым явлением. Ясно, чем вызвано упомянутое решение. Результаты действия «злодейки с наклейкой», как говорится, на виду. Но могут спросить: почему не полностью «срабатывали» ранее принятые решения по борьбе с пьянством?

Однозначный ответ на этот вопрос сложен. То, что одних административных мер недостаточно, стало ясно относительно недавно, кстати сказать, это видно и из опыта зарубежных стран.

Алкогольная проблема сегодня поистине не знает границ. Она охватывает, по существу, все экономически развитые страны. Зарубежные эксперты подсчитали, что, к примеру, в США алкоголь употребляют 90 процентов совершеннолетних граждан, во Франции, Италии — 85—90, в ФРГ — 97 процентов. Зарубежные исследователи утверждают, что «алкоголь в наши дни становится излюбленным средством для освобождения обычно подавляемых эмоций, для борьбы со скукой, неприятностями жизни и т. д.».

Можно, конечно, поспорить о том, в какой мере относить упомянутый «джентльменский набор» к нашим отечественным любителям спиртного. Но лучше возьмем на прицел свои доморощенные «достижения», а главное, если не явных, то скрытых защитников. Да, да — есть защитники у «злодейки с наклейкой».

Ни один судья не взял бы к рассмотрению дело о преступлениях «злодейки» — до того оно запутано и неоднозначно. Иногда, правда, местные органы власти пытались накинуть на нее узду. Но каждый раз поступало указание: «открыть дополнительные торговые точки в связи с нереализованными запасами водочных изделий». И потому так долго «злодейка» была как бы на большой дороге, где по одну обочину ее — новые жертвы, по другую — постоянно возрастающая кассовая выручка торговых точек.

ШИРОКО развернувшейся ныне антиалкогольной кампании не раз высказывалась трезвая мысль: бороться с пьянством надо на два фронта — и с теми, кто пьет, и с теми, кто наливает. Из этого следует: если мы действительно хотим, чтобы новое постановление выполнялось эффективно, без каких-либо оговорок и исключений, попробуем взглянуть наливающим в лицо.

Самое приметное, самое характерное — это раздутые объемы потребления водки, различных ликеро-водочных изделий, второсортного плодово-ягодного вина. К этим показателям, несомненно, следует добавить самогон и вино домашнего производства. Только водки и ликеро-водочных напитков мы потребляли свыше 11 литров в год на душу населения. В пересчете на взрослых цифру эту следовало бы увеличить как минимум вдвое.

Настораживала также постоянно возрастающая доля расходов населения на их приобретение. В известной мере это итоговый результат многолетних и, к сожалению, не всегда успешных попыток сбалансировать постоянно возрастающие денежные доходы населения с некоторым дефицитом потребительских товаров.

Путь решения этой проблемы указывают новые решения, предусматривающие меры по существенному снижению выпуска алкогольных напитков при одновременном расширении производства широкой гаммы товаров народного потребления и услуг населению. Повышение качества, эстетичности, модности, актуальности вещей, разнообразие ассортимента — все это должно вступить в конкуренцию с «горячительными» напитками. «Злодейка с наклейкой» станет реже появляться на столе, если в магазинах человек будет «спускать» деньги, не удержавшись перед соблазном купить красивую или ныне дефицитную полезную вещь.

Однако несбалансированность семейного бюджета, наличие дефицита, к сожалению, и до сих пор воспринимавшееся многими нашими хозяйственниками как нечто должное или по крайней мере неизбежное, сегодня уже недопустимы.

Существуют расхожие убеждения и в чрезвычайно высокой экономической эффективности производства и реализации алкоголя. На первый взгляд, так оно и есть. Однако в реальной жизни все оказалось сложнее: сначала убытки от алкогольной торговли мало-помалу сравнялись с доходами, а затем стали стремительно их обгонять.

Представим себе какую-нибудь тетку-самогонщицу, до поры до времени снимающую «сливки» со своего преступного промысла где-нибудь в глухой деревне. И вот однажды самогонщица наша, накопив изрядную сумму на своем «налоге с оборота», возгорелась желанием пустить ее в дело — скажем, новые хоромы себе построить. Теперь позвольте спросить вас, уважаемый читатель: обратится ли она к своим деревенским плотникам, которых сама же регулярно «пользовала» самогоном, или постарается найти трезвую бригаду на стороне, чтобы дом ее не скособочился в период строительства?

Ответ здесь, думается, ясен. Но у самогонщицы нашей пока еще остается выбор: к каким строителям обратиться, благо масштабы ее строительства — один лишь сельский дом. А ведь в общегосударственном масштабе выбора нет: мы не можем нанимать работников на стороне, «в соседней деревне».

Кстати, «троянский конь» из алкогольной конюшни не меняет своей масти и в других странах. В США прямой экономический эффект со знаком «минус» почти вдвое превышает размер затрат населения на приобретение алкогольных напитков. И это понятно. Там, где речь идет о монопольных прибылях, общенациональные интересы всегда приносятся в жертву интересам частного алкогольного бизнеса.

Из чего складывается этот ущерб? Это прежде всего потери человеческих жизней, рост числа умственно неполноценных детей, падение нравственности, рост преступности и т. д. плюс расходы по лечению больных алкоголизмом. Рамки газетной статьи не позволяют привести всю статистику.

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы число хронических алкоголиков в нашей стране значительно выросло. Комплекс административных и медицинских мер, выдвинутых в недавно принятых документах, позволит хоть в какой-то мере сохранить для производства многих работников, повысить дисциплину труда, сократить прогулы, простои оборудования и механизмов.

Смотрите, что мы имеем на сегодняшний день. Ежегодно в промышленности, строительстве и на транспорте теряются миллионы человеко-дней только из-за нарушений производственной дисциплины. Особенно велики потери в сельском хозяйстве.

За прогулы и другие нарушения трудовой дисциплины, связанные с алкоголем, ежегодно увольняется большое количество рабочих промышленности, строительства, транспорта. Перерыв при переходе с одного места на другое составляет 28—33 дня. А если эти дни умножить на число уволенных за прогул и другие нарушения «в подпитии»? Таким образом, у нас ежедневно не работают тысячи, десятки тысяч человек. И это в условиях увеличения нехватки рабочих рук!

Проблема пьянства в сельском хозяйстве заслуживает отдельного разговора и, на мой взгляд, дополнительных конструктивных мер. Хотелось бы, в частности, обратить внимание на, пожалуй, наиболее ядовитое явление. Речь идет о попытках некоторых колхозов внести свой особый «вклад» в дело реализации Продовольственной программы. Вместо хлеба, мяса, молока новоявленные «радетели» стали выпускать «бормотуху», видимо, хорошо уяснили, что зарабатывать на исконных продуктах земледельца — слишком много пота. А вот снимать сливки с так называемого подсобного алкогольного промысла — дно золотое.

Об одном из таких хозяйств недавно сообщалось в печати. Там 3300 трудоспособных колхозников, но не хватает полеводов, на ферме работать некому — все при вине. Земля — метровой толщины чернозем — не обрабатывается. Да и зачем? И без того заработки не чета соседским! Зарплата председателя колхоза и любому министру не снилась — под 1300 в месяц «вытягивает». Умеют жить люди! При трезвой голове, конечно, да при циничных расчетах!

А вот другой случай. Из другой отрасли. На международном шоссе пассажирский «Икарус» был вынужден спасаться от лобовой атаки тяжелого грузовика, на руле которого лежал пьяный шофер. Воздадим мужеству водителя «Икаруса», спасшего и пассажиров, и автобус. Кстати, упомянутый дядя в грузовике тоже остался жив и невредим: жив — благодаря водителю «Икаруса», невредим — благодаря нашему законодательству. Поскольку жертв не было, таких шоферов лишали прав... на целый год. Приходило время, и уже с новыми водительскими правами они автоматически приобретали «право» на очередную попытку к тарану.

Истоки такой, с позволения сказать, гуманности к пьяницам за рулем обычно пытались объяснить экономическими причинами — нехваткой рабочих рук. Но какие же это рабочие руки при пьяной-то голове!

РАЗУМЕЕТСЯ, меры по усилению ответственности за появление на работе в нетрезвом виде, предусмотренные новыми решениями, физически не увеличат наши трудовые ресурсы. Но их качество, другими словами, способность к высокопроизводительному труду, безусловно, повысят. Новые меры, несомненно, отрезвят и тех «умельцев» из села. Категорический запрет на подсобный алкогольный промысел — это не только сокрушительный удар по «бормотухе», это и долгожданная атака против «рыцарей» нетрудовых доходов.

Хотелось бы напомнить: как свидетельствуют эксперты Минздрава РСФСР, низкосортные вина за счет содержания в них большого количества сивушных масел дают самое быстрое и долго сохраняющееся опьянение, самым пагубным образом воздействующее на психику и на внутренние органы человека. Доступность и дешевизна суррогатных вин — главный канал, по которому втягивается в алкоголизм наше подрастающее поколение.

МНОГО было споров о том, что принято называть культурой потребления алкоголя. Многие утверждали, что алкоголь и культура — понятия несовместимые. Правда, спорящие стороны как бы нашли возможность для примирения: «культурнее» пить пиво в уютном баре, а не у бочки на виду у всей улицы.

Не претендуя на «открытие Америки», хотелось бы поддержать неоднократно высказывавшееся предложение: в дальнейшем нам надо перейти на нормированную продажу спиртных напитков, и только для мужчин, при безусловной «дискриминации» женщин всех возрастов. Мера эта, на наш взгляд, жизненно необходима. Ведь речь идет о подрастающем поколении, а следовательно — о будущем страны.

Некоторые хозяйственники в ответ на предложение о сокращении реализации алкоголя, выработанного на государственных предприятиях, говорят, что при этом будет расширено самогоноварение.

Да, прогнозы такие небезосновательны. Добавим, что даже при нынешнем уровне фабрично изготавливаемого алкоголя население страны дополнительно расходует на самогон и домашние вина свыше одного миллиона тонн сахара. Абсолютно правильно, что усилена уголовная ответственность за домашнее производство «злодейки без наклейки». В этой связи напомним, что еще в дореволюционной России самогоноварение каралось тюремным заключением на срок до пяти лет.

Весьма конструктивным инструментом в борьбе с алкоголизмом должно стать всесоюзное общество любителей трезвости. Разговоры о его воссоздании велись давно, может быть, с тех самых пор, как в конце 20-х годов его упразднили. Причины такого решения ныне скрыты за далью лет. Да и много с тех пор было создано у нас иных общественных организаций — хороших и разных.

В известной стихотворной шутке С. Маршака говорится: «Для пьянства есть такие поводы: поминки, праздник, встреча, проводы... успех, награда, новый чин и просто пьянство — без причин!» Не буду спорить с поэтом о поводах — все ли они достойны вспрыскивания. Одно непреложно: пьянство следует рассматривать только с точки зрения преодоления этого уродливого явления. Слишком дорого оно обходится народу нашему.

Принятые решения — это начало серьезной очистительной работы во имя нравственного и физического здоровья.

Г. БАЖЕНОВ,
кандидат экономических наук

КОМУ ОПИЛКИ?

История о том, как нужный покупателям товар угодил в отходы, о кирпичном феномене и других чудесах

Александр ЮФЕРЕВ

ДИРЕКТОР одного из магазинов, торгующих стройматериалами, рассказал такую историю: он предложил среди других товаров выставить на прилавок опилки. Да-да, обыкновенные опилки! При этом был и остается сейчас твердо убежден, что покупателей на них не придется ждать, заманивать рекламой. Опилки нужны, он загибал пальцы, рассказывая, для утепления изб, садовых домиков — раз, для мульчирования почвы (есть такой прием в садоводстве) — два. Затем пошли и три, и четыре, и пять... Да мало ли зачем еще нужны обыкновенные опилки покупателям? Раз нужны — пусть берут!

Но опилки на прилавок не попали. Хотя их в тот магазин даже возить не надо, своих хоть отбавляй из-за того, что есть (при магазине!) маленький цех. И в том цехе «круглый лес, бревна превращают по мере поступления и надобности в брусья или доски.

Опилки по-прежнему грузят в машины и увозят куда подальше. А в том далеко сваливают в кучи и поджигают. Чадящие кучи с точки зрения охраны окружающей среды, конечно, нехорошо. С точки зрения экономики — тоже.

А остались покупатели без опилок и магазин без дополнительной прибыли вот почему: не смогли придумать, как ими торговать. Чего проще, утверждали продавцы, сколотить ящик объемом в тот самый кубометр, насыпать в него опилки, и делу конец — денежки в кассу. Э-э, нет, отвечали оппоненты. Вы рыхло насыпете, с воздухом. Потом образуются излишки товара, а это, знаете, чем пахнет?.. Знаем, не смущаясь, отвечали продавцы. Пусть тогда сами покупатели насыпают, дадим им лопату, даже утрамбовывать разрешим, хоть ногами, чтоб без обмана было. Так тоже нельзя — противились те, от кого зависело решение: один так утопчет, другой — здак, проторгуетесь... Мы и сейчас любому желающему даром готовы отдать — пусть машину подгоняет, упорствовали работники магазина. Этого тоже нельзя делать, не положено — приводился последний бесспорный аргумент. За разбазаривание, знаете, что бывает! Тот-то!

Итак, инициатива и ее противники. Конфликт вечный, скажет иной читатель, опять будут ругать ретроградов... Вечный-то вечный. Но в такой области, как торговля строительными материалами, он имеет свою специфику и свою актуальность. Строят граждане сейчас много. В одном только Подмосковье насчитывается более полумиллиона садовых участков. И продолжают создаваться новые товарищества. Прибавьте сюда индивидуальных застройщиков, и вы поймете, какая грандиозная стройка идет. Ее одобряют и поддерживают партия и государство, ибо своим трудом, своими сбережениями люди участвуют в разрешении важнейших задач, стоящих перед нашим обществом: продовольственных, жилищных и других. Но большая стройка требует большого количества строительных материалов. И они у нас, в общем, есть. Надо только умело передать их из рук в руки, то есть продать застройщику. Но как это лучше сделать? Ведь строительные материалы — это товар специфический, в авоську его не унесешь. Пример с опилками показывает, какие неожиданные «подводные камни» могут обнаружиться в этом простом с виду деле. Но давайте попробуем разобраться: может, быть, ретроградом иной раз выгоднее? И не только потому, что хлопот меньше.

ЧТО ТАКОЕ в конечном итоге магазин? Посредник между промышленностью и потребителем, зарабатывающий на услугах. По сути, очередным шагом в развитии услуг должно было стать открытие в подмосковном поселке Кубинка торгово-производственного комплекса «Ваш дом». Шаг получился размашистым. Одна складская под крышей, площадь комплекса — около двух тысяч квадратных метров, между стеллажами гоняют шесть электропогрузчиков. Для них пришлось даже строить специальную зарядную станцию. Собственные железнодорожные подъездные пути, кран для разгрузки. Двухэтажный торговый зал. Пункт проката средств малой механизации: электроинструментов, мини-тракторов и бетономешалок. Эдакий сельский ГУМ. Говорят, таких нет во всей Европе...

Может быть. Только вот берет сомнение, а нужны ли ГУМы в деревне? Как до них добираться, на электричке? У нас ведь расстояния российские, и дороги подчас далеко не европейских категорий. Об этом первыми, кстати, догадались скорые на подсчеты шоферы. Они запламывают за путь от «Вашего дома» до дома, который еще только собирается возвести покупатель, суммы, во много крат порой превышающие стоимость покупки. А что же трансагентство? Есть и у его представителя свой закуток в «Вашем доме». Машин только нет. Умчались с грузами те, кто занял очередь спозаранку. Когда вернутся, неизвестно. Концы-то вон какие, в пол-области! Так что: либо поворачивай обратно, на электричку, либо — к леваку. Его расстояния не смущают. Такса: пятерка — километр.

А погрузка? Лихие молодцы, снующие по двору «Вашего дома» в производственной одежде, мигом обеспечат. В кассу ходить не надо, карманы на той одежде весьма объемные, как и запрашиваемые суммы: десятка — кубометр. Не хочешь — вези свою бригаду. магазинное начальство не возражает.

Не против оно и того, чтобы покупатели сами выбирали себе товар — полное самообслуживание. Лазай по кучам теса, бревен, сортируй, перетаскивай в свою маленькую кучку. Свернешь шею — не беда, не производственный — бытовой травматизм, сам виноват. «Куда, куда? Сверзнешься!» — покрикивает со своей недосягаемой высоты крановщик.

Весело ему сверху на покупательский муравейник глядеть, на хлопоты собственного представителя возле штабеля сборных садовых домиков. Шустрый малый — ему уговорить покупателя пустяк, как и ему, крановщику, сущий пустяк погрузить на трайлер дом Майна-вира... Зато плата не пустяковая — всего четыре захвата месячную инженерную зарплату перетягивают.

ГОВОРЯТ, что «Ваш дом» во многом должен был стать магазином экспериментальным. Его сотрудникам во главе с директором Е. Н. Стрелковым отводилась роль проводников в торговлю будущего. А они что-то туда сами не спешат и другим дорогу не указывают. Не получается у них или не хочется? Не знаю, думаю, что по-старому выгоднее.

Со своей стороны могу предложить новаторам из Кубинки разгадать лучше тайну кирпичного феномена. В организации торговли обожженными кусочками глины скрыто широкое поле для всевозможных изысканий. Кирпичу, как товару, сейчас предоставлены такие привилегии, каких не знают выставленные на прилавки чудеса современной электроники и механики.

Дело в том, что покупатель, придя в магазин, а тем числе и в «Ваш дом», и заплатив деньги за кирпич, взамен получит не товар, а бумагу — накладную. И с ней будет вынужден отправиться на завод, став своеобразным снабженцем для самого себя. И, как вполне реальный снабженец, может получить от ворот поворот. В лучшем случае ему вежливо объяснят, что у магазине есть фонды на кирпич, но на кирпичном заводе в этот момент для покупателя кирпича нет. Представляете, что бывает после этого с покупателем, если он со своей работы отпросился заблаговременно, да еще технику гонял грузовую!

Что бы сделал в этом случае всамделишный снабженец? Вернувшись в свое учреждение, сел бы составлять иск за нарушение обязательств контрагентом. Покупатель этого права лишен. Он может потребовать от магазина вернуть уплаченные деньги. Вернут, конечно, куда денутся...

А почему, собственно, кирпичу как товару такие привилегии? Потому, оказывается, что он, как говорят знатоки, покапризнее будет цветного телевизора. Чтобы стал товаром, а не бумажной «наклад-ной, его надо доставить с завода в магазин, разгрузить, сложить. Подходи, покупатель, выбирай... Нет, говорят знатоки, нельзя так. Побьется много при погрузке-выгрузке. Покупатель бой не возьмет, а значит, он магазину в убыток.

Вот и получается, что магазин, предприятие розничной торговли, при продаже кирпича становится этаким оптовым звеном, передавая свои «розничные» функции... покупателю.

У ПЕТРА КИРИЛЛОВИЧА БОНДАРЯ, директора загорского магазина стройматериалов, политика иная: не «разгружать» себя от «лишних» услуг покупателю, а, наоборот, идти навстречу ему, самому расширять ассортимент услуг, поидумывая все новые и новые! Зачем? А затем, помимо всего прочего, что это выгодно!

Итак, на месте развалюхи, стоявшей здесь когда-то, ныне бойко торгует небольшой, подчеркиваю, небольшой современный магазин. Оборот только за два первых года работы увеличился в шесть раз! Чистой прибыли за это время было получено 130 тысяч рублей. И на этом можно было бы поставить точку и ходить в «хороших», если не смотреть вперед.

Мало-помалу, пусть не так скоро, как хочется, ресурсы товаров увеличиваются. И тех же досок, которые поставляет промышленность, достанет в будущем всем, кто намерен сколотить новый дом или отремонтировать старый. Но вот фасонных, особым образом оструганных или необходимых покупателям размеров, по всей видимости, еще долго будет недоставать. Где выход? В дополнительных услугах, то есть в дополнительной ноше.

Добровольно, согласитесь, взвалить ее на себя не каждый решится. Но в Загорске и решились: и в магазине, и в райпотребсоюзе, и в горисполкоме. Часть тех самых тысяч чистой, лакомой каждому хозяйственнику прибыли пустили на устройство в магазине (!) производства по облагораживанию древесины.

Магазин с собственной лесопилкой, другими станками, с производственной площадью, превышающей торговую... И на этом тоже можно поставить точку. Покупателей на «вагонку», отделочную рейку, хоть отбавляй. Где такое видано: заплатил в кассу — и тебе из бревен хоть на терем чего угодно настрогают!

Но будет тот терем еще долго стоять без окон и дверей, потому что стройиндустрия предлагает в год всему, к примеру, Подмосковью оконных и дверных блоков на сотню-другую теремов. Всего-то!

Давайте поставим третью точку, продолжил Бондарь. Раз уж есть цех, потесним его слегка и на той же площади откроем еще один. Тогда, по крайней мере, в Загорске и его окрестностях из списков дефицита исчезнет еще несколько пунктов. Фонды на круглый лес у нас есть? Есть, соглашались с ним. Станки для производства заготовок есть? Есть... Осталось всего ничего — нанять опытных столяров, которые по объяснениям на пальцах неопытных и по чертежам бывалых застройщиков будут сколачивать двери и рамы. Естественно, за дополнительную плату, как за дополнительную услугу.

«А то еще дальше можно пойти, — распалял воображение собеседников Бондарь, — дома начать делать. Хотите для садоводов, хотите для села... Заготовка в цехе, сборка на месте, под ключ, силами нашей же бригады. Как людям будет удобно! Пришел в магазин, выбрал проект, договорился о сроках, заплатил деньги. И ни тебе хлопот с доставкой, ни переговоров с шабашниками... У нас даже уже калькуляция составлена, — говорил он. — Согласны?» Согласны, отвечали в исполкоме и райпотребсоюзе. Но ничего не ответили в области... Только недоумевают, зачем ему, Бондарю, все это нужно.

ПОЧЕМУ-ТО торговля приучила нас к тому, что все хорошие товары непременно импортные и, значит, дефицитные. Без них и план не вытянуть, и покупателя не заманить. Бондарь взялся доказать обратное. Уже в нынешнем году он яростно отбивался от импортной мебели, доказывая, что лучше знают своих загорских покупателей, которых устраивает цена и качество своих, подмосковной выделки, стульев и диванов, стенок. (Помимо леса и кирпича, шифера и цемента, у него в магазине приличный выбор хозяйственных товаров, — строят-то на селе не круглый год.) Ох, как тяжко было доказывать преимущества в знании психологии покупателей и защищать отечественные достоинства оптовикам! Он даже в запальчивости предлагал открыть по соседству с его магазином еще один, торгующий исключительно импортом. Посмотрим, мол, кто выдюжит, за мной ее Величество Услуга! А что, может, и впрямь устроить состязание?

Не знаю, кто окажется победителем, но за выдумками с услугами у загорцев дело не станет. Вот одна из последних: торговать бетоном. Плати деньги в кассу — и самосвал доставит раствор на индивидуальную стройплощадку.

...Вспоминается: когда-то Стрелков, нынешний директор «Вашего дома», и Бондарь работали вместе. Первый был начальником объединения, второй — подчиненным, директором магазина. Обоих это устраивало: второй выдумывал, первый не мешал... Потом тандем распался. И Стрелков тоже стал директором. Но как по-разному поставлено дело! Так, может, не звенья какие-то надо ликвидировать, а безынициативность? Может быть, есть смысл вернуться к объединению, но на новых, хозрасчетных началах, которым так нужны как раз выдумка и инициатива. ОБЛАСТНАЯ ФИРМА «ДОМ» — по-моему, неплохо звучит! Ведь так или иначе торговлю строительными материалами надо развивать и совершенствовать. И не только в Подмосковье.

НОСИТЕ И РАДУЙТЕСЬ!

Весенняя ярмарка в Запорожье

Фото В. КРОХИНА

Наш щедрый на удивительные события век преподнес недавно еще один ошеломляющий сюрприз. Тысячелетиями человек искал лекарства в окружающей его природе и в химических колбах, а, оказывается, ему нужно было заглянуть в самого себя. Человеческий организм содержит в себе весь необходимый набор лекарств, с которыми не может конкурировать ни один, даже самый замечательный рукотворный препарат.

О некоторых таких лекарствах рассказывает статья, опубликованная в американском журнале «Бизнес уик» (мы перепечатываем ее с сокращениями). Комментирует публикацию директор Института иммунологии Министерства здравоохранения СССР, академик Р. Петров.

МЕДИЦИНА: НОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ?

ДА! ОНА НА ПОРОГЕ

Р. ПЕТРОВ, академик

С ТЕХ ПОР как микроскоп открыл ученым микромир, а частности мир живых клеток, они не перестают удивляться умению человеческого организма бороться с болезнью с помощью особых клеток — лимфоцитов, которые распознают болезнетворного врага, преследуют его и уничтожают. Однако хотя исследователи и наблюдали происходящее, понять, как управляется эта сложная система защиты, они были не в состоянии. Недавно загадка была разрешена: клетки защитницы организма — иммунной системы выделяют микроскопические количества сильнодействующих веществ, которые и мобилизуют ресурсы на борьбу с болезнями.

Ученый мир взволновался: открытие обещает революцию в медицине, по своей значимости не уступающую открытию антибиотиков. Вновь обнаруженные химические вещества, названные лимфокинами, были выделены и могут быть воспроизведены в неограниченных количествах.

Лимфокины стали объектом яростной конкуренции на рынке. Такие гиганты, как «Хоффман Ла Рош» и «Дюпон», соперничают со «Смит-Кляйн» и множеством биотехнических фирм, включая «Генентех», «Сетус» и «Биоген». Многие разработчики уверенно предсказывают: к 2000 году годовой объем сбыта лимфокинов догонит объем сбыта антибиотиков на американском рынке.

Если быть точным, выделено около 50 разновидностей лимфокинов. Более десяти из этих трудноуловимых веществ стали объектом серьезных исследований. А два из них, гамма-интерферон и интерлейкин-2, уже испытываются в клинике.

«Еще не все функции лимфокинов ясны, но одно несомненно: перед нами открывается новое направление в фармакологии», — убежден профессор иммунологии Занвил Кон, изучающий их в Рокфеллеровском университете в Нью-Йорке. Лимфокины — ключ к пониманию того, как белые кровяные тельца мобилизуются на борьбу с болезнью.

Когда особые лимфоциты, так называемые Т-клетки, вступают в контакт с инородным телом, скажем, с вирусом, они оповещают об этом событии лимфоциты другого типа, названные В-клетками. Оповещение производится при помощи химических сигналов — молекул лимфокинов. И В-клетки начинают быстро размножаться, чтобы отразить нападение и потушить пожар заболевания в самом начале. Причем некоторые из них в свою очередь вырабатывают новые лимфокины, управляющие целым рядом функций: от заживления ран до синтеза веществ, разрушающих опухолевые клетки.

Большинство болезней возникает по следующей схеме: возбудитель заболевания либо подавляет сопротивление иммунитета, либо дезориентирует иммунную систему. Лимфокины усиливают иммунную реакцию до такой степени, что организм может выдерживать любой натиск. С их помощью можно также восстанавливать сопротивляемость организма заболеваниям у людей, защитная система которых повреждена либо болезнью — скажем, приобретенной иммунной недостаточностью,—либо лекарствами. Некоторые виды лимфокинов обещают оказаться эффективными в лечении так называемых аутоиммунных болезней, таких, как ревматоидный артрит и рассеянный склероз, при которых на организм нападает собственная сверхактивная иммунная система. Ученые надеются, что со временем лимфокины помогут им бороться с отторжением пересаженных органов.

Главным сигнальным средством, приводящим в действие иммунную реакцию, служит, видимо, интерлейкин-2. Он стимулирует Т-клетки, выполняющие ключевую функцию защиты. Сейчас уже проводятся клинические испытания препаратов, основанных на интерлейкине-2. Однако никто пока не может сказать наверняка, насколько эффективно это вещество как лечебное средство. Цель осуществляемых клинических испытаний — выяснить, действительно ли оно укрепляет здоровье больных, страдающих иммунной недостаточностью, а также раковых больных, иммунитет которых подавлен химиотерапией.

Врачи избегают говорить о предварительных результатах, поскольку интерлейкин-2 был широко разрекламирован как «волшебная палочка» для лечения рака. Лишь некоторые, хоть и осторожно, но все же отмечают обнадеживающие перемены у испытуемых.

Не все еще ясно и с гамма-интерфероном. Лимфокины повышают эффективность иммунных клеток-убийц и клеток-санитаров, всем известных как макрофаги, которые непосредственно атакуют вирусы и раковые клетки. «Гамма-интерферон — наиболее действенный из противораковых интерферонов: он действительно убивает в пробирке раковые клетки», — говорит вице-президент корпорации «Биоген» Сет А. Рудник. Но клинические испытания интерферона, начатые год назад, пока это не подтвердили.

Разгадка тайн иммунной системы только начинается. Эксперименты с использованием лимфокинов в качестве лекарств находятся еще на самых ранних этапах. Многие ученые допускают, что некоторые из лимфокинов, хоть и позволят нам лучше понять механизм работы иммунной системы, тем не менее для медицины могут оказаться практически бесполезными. Все большее число исследователей приходит к выводу: для эффективного лечения болезней понадобится использовать не один какой-нибудь тип лимфокинов, а тщательно сбалансированную их комбинацию. Недавно поставленный в Национальном институте рака опыт подтвердил это мнение.

Клинических испытаний ожидают и лимфокины-стимуляторы, которые усиливают генерирование костным мозгом лейкоцитов. Вслед за тем наступит очередь интерлейкина-1, ускоряющего заживление ран. Кроме того, исследуются еще два вещества — так называемые факторы некроза (омертвения) опухолей. Эти вещества разрывают опухолевые клетки и потому должны найти применение в терапии рака.

Продолжают поступать все новые доказательства того, что спектр деятельности лимфокинов в организме гораздо шире, чем представлялось несколько лет назад. Исследователи из Рокфеллеровского университета установили, что клетки иммунной системы у больных проказой, которая сегодня не поддается лечению, не выделяют гамма-интерферона. Ученые собираются предпринять попытку лечить проказу этим лимфокином. Были получены также доказательства, что атеросклероз вызывается лимфокинами и, значит, может быть ими излечен. Предполагают, что и у больных диабетом отсутствует какой-то лимфокин.

До недавнего времени единственным примером нападения защитной системы на собственный организм считались аутоиммунные заболевания типа ревматоидного артрита. Теперь обнаружено: состарившиеся клетки в организме буквально совершают самоубийство, стимулируя иммунную систему к их разрушению и удалению обломков. Отживающая клетка вырабатывает на своей поверхности антиген, тот связывается с одним из плавающих в крови антител, и меченная таким образом «старушка» поглощается макрофагом, уступая место новому поколению клеток.

Открытие этого так называемого антигена старения очень важно для изучения процессов увядания. Возможно, отсутствие антигена старения у раковых клеток и стало причиной их практического бессмертия. Понимая это, можно научиться управлять опухолевым ростом.

Несмотря на высочайший уровень исследовательской активности, ученые еще не могут с уверенностью сказать, как и когда появятся лекарства, в которых используются лимфокины, но убеждены: они стоят на пороге разгадки тайн, которые дадут медицине новое могучее оружие.

НАШ ОРГАНИЗМ — универсальная фармацевтическая фабрика. Первыми лекарствами, выделенными из организма и примененными в медицинской практике, были защитные белки— антитела, вырабатываемые клетками иммунной системы. Впервые антитела были обнаружены в 1890 году Эмилем Берингом, когда он ввел кроликам яд бактерий—возбудителей дифтерии; через несколько дней в их крови появились антитела-противоядия. Полученной сывороткой ученый спас детей, задыхающихся от дифтерита. За это лекарство Берингу присуждена Нобелевская премия. Антитела стали готовить и против столбняка, кори, стафилококков...

Второй набор лекарств, обнаруженных в организме, выделенных и применяемых с лечебной целью, пришел из эндокринологии. Это гормоны, вырабатываемые эндокринными железами. Самый яркий пример — инсулин. В 1900 году русский исследователь Л. В. Соболев доказал, что гормон, контролирующий уровень сахара в крови, вырабатывается особыми клетками поджелудочной железы. В 1922 году Бантинг и Бест выделили из них инсулин. Именно им, как известно, лечат диабет. В эти же годы были получены и другие гормоны.

Потом пришла пора медиаторов — простагландинов и нейропептидов. Одни из нейропептидов обезболивают в сотни раз надежнее, чем самое сильное обезболивающее средство — морфин. Другие ускоряют засыпание. Третьи стимулируют память.

К сожалению, перечень существующих или потенциальных лекарств «внутреннего» происхождения (собственных, не чужеродных веществ), в общем-то, невелик. Наверное, десятка три, не более. Все остальные лекарства относятся к так называемым ксенобиотикам («ксенос» — «чужой»). Это всевозможные аспирины, сульфонамиды, фенацетины, зеленчумы, антибиотики, гликозиды и множество других.

Всего три десятка «внутренних» лекарств... И одна группа из них открыта у нас в стране, в Институте иммунологии Минздрава СССР. Это так называемые миелопептиды: обезболивающие вещества; стимулятор С. А. П., ускоряющий синтез антител; полученный на его основе и подготовленный для клинических испытаний лекарственный препарат В-активин; уже проверенный в клинике и принятый Фармкомитетом СССР к производству препарат Т-активин, разработанный нами совместно с академиком АМН СССР Ю. М. Лопухиным и доктором медицины В. Я. Арионом; а также переданный в промышленность генно-инженерный интерферон, который создан под руководством академика Ю. А. Овчинникова.

Фармакологов и врачей часто упрекают за то, что они назначают очень много лекарств, чуть ли не горстями. Что будто бы они не понимают оборотной стороны медали приема больших количеств ксенобиотиков. Что недооценивают необходимости и целесообразности стимуляции внутренних ресурсов организма назначением «своеродных» веществ — составляющих элементов клеток и тканей организма. Упреки несправедливы. Подавляющее большинство фармакологов и врачей прекрасно понимают возможный, а иногда и неизбежный вред, наносимый лекарством, без которого, увы, можно потерять жизнь. Однако химия жизни, а тем более химия начала, развертывания и затухания болезни пока еще не настолько изучена, чтобы за всем этим можно было точно следить и подправлять, подавая определенное вещество в нужное место и в нужный момент.

А ведь каждый человек еще и индивидуален, неповторим в своей биохимии и питается на свой манер, и живет по-своему.

Несколько лет назад была опубликована книга Уильяса «Биохимическая индивидуальность». В ней он рисует некую медицинскую утопию. Для каждого человека составлены индивидуальные биохимические карты по всем количественным и качественным параметрам: сотни белков, ферментов, жиров и сахаров, все биохимические цепочки их превращений и прочее. Сразу видно, что хорошо, что плохо, что усилилось, что пострадало, что надо убрать, что добавить.

Разумеется, до этого медицина на нашем веку еще не дойдет.

Что же делать? Снова повернуться к иммунной системе с ее удивительной способностью вырабатывать антитела против любых антигенов— вредоносных элементов, которые могут проникать в организм извне или возникать внутри него: микробы, вирусы, аллергены, вредные органические примеси в пище, в воздухе, отжившие тканевые структуры, мутантные (измененные), в том числе раковые, клетки, белки, распадающиеся при травмах или ожогах, и т. д. Против каждого антигена «вызревается» строго специфическое «оружие» — антитело, или, если угодно, лекарство. Если в организм залетит вирус гриппа, тут же синтезируются противогриппозные антитела, если - холерный вибрион — противохолерные. Если возникнет раковая клетка — противораковые.

Из миллионе — десяти миллионов рождающихся в организме клеток одна — раковая. Это значит, что ежедневно в организме возникает несколько тысяч клеток с потенциальной возможностью дать начало опухоли. Иммунная система убивает их. Эти антитела как бы натасканы на данного «зверя», и каждый клан лимфоцитов циркулирует в крови и тканях, вынюхивая во всех закоулках тела своего врага.

Здоровая, нормально работающая иммунная система сама решает, как и чем лечить. Прицельно точно. Главная забота медицины будущего — о том, чтобы иммунная система содержалась в порядке, а если сбилась, чтобы уметь ее подправить. И тогда десятки болезней уйдут из медицинского обихода.

Из зарубежной статьи так и брызжет коммерческая деловитость. Фирмы буквально рвут со стола ученых новые находки, перспективные начинания, выделенные субстанции и т. д. Причем перечислены отнюдь не все фирмы, конкурирующие за захват рынка в области «иммунологической фармакологии». Могу назвать еще несколько. Например, «Ортон», «Дайнатек». Они уже зарабатывают миллионы на торговле так называемыми моноклональными антителами, инструментами и приборами для их синтеза и использования. Конечно, излишняя коммерческая хватка в создании новых лекарств и препаратов приводит иногда к печальным последствиям. Однако при жестком государственном контроле деловитость во внедрении научных разработок — мощный фактор быстрого создания лекарств нового типа. У нас в стране отличная служба контроля: Фармакологический комитет, Комитет вакцин и сывороток и другие. К сожалению, вся тяжесть проведения через них и внедрения нового лекарства в производство практически полностью лежит на плечах автора-исследователя, обнаружившего или создавшего его в лаборатории. Пробивая свое детище, автор теряет драгоценное время и силы, так необходимые для работы над очередным препаратом.

Если мы научимся управлять иммунной системой, эта универсальная фармацевтическая фабрика произведет лекарства, необходимые организму в данный момент, там, где нужно и сколько нужно. Но как ею руководить? Конечно же, призвав на помощь те медиаторы, которые в естественных условиях управляют клетками иммунной системы и о которых идет речь в публикуемой сегодня зарубежной статье, названной так броско. С моей точки зрения, в этом названии абсолютно нет рекламной натяжки. Новая революция» в медицине действительно на пороге.

О «пещере мумий» написано уже немало. Однако писалось все главным образом с чужих слов. Наш корреспондент — первый из журналистов, побывавший на дне «бездонного» семидесятиметрового колодца.

Валерий ШАРОВ

10 ЧАСОВ В «ПЕЩЕРЕ МУМИЙ»

ПОСЛЕ публикации моего репортажа «Кругом идет голова» («ЛГ», № 1, 1985) редакция получила немало откликов. Почта была противоречива. Так, в одном письме ученый упрекал меня за то, что я написал репортаж, не посетив «пещеру мумий», в другом же спелеолог убеждал, что неподготовленному человеку спускаться в сложный семидесятиметровый колодец — истинное самоубийство!

Мы в отделе науки не сомневались, что посмотреть пещеру своими глазами все же стоит, да и читатели на этом настаивали. Тут как раз и пришло приглашение от красноярского клуба спелеологов. Я быстро получил «добро» на поездку и выехал на Кугитангский хребет...

Интересно ехать в незнакомые места, но куда приятнее приезжать туда, где тебя помнят, где ты многое уже знаешь. Так уж получилось, что очередная «встреча» с пещерой опять, как и полгода назад, состоялась за несколько десятков километров до Кугитанга, у моих друзей в поселке Чаршанга. Они сообщили о прибытии сюда нескольких групп, намеревающихся добраться до «пещеры мумий».

Кстати, тэзэя история... В прошлом своем репортаже я упомянул о не очень благовидных действиях некоего Л. Петренко, исключенного когда-то из красноярского спелеоклуба и путешествующего с тех пор по пещерам «динарем». Видимо, в отместку Л. Петренко, числящийся ныне инструктором по туризму при красноярской гостинице «Турист», стал распространять всякие небылицы. Например, выступая с «лекциями», он уверяет слушателей, будто корреспондент «ЛГ» был... посажен в Чаршанге под арест. Поскольку нигде, кроме как на банной полке, я здесь не сидел, мы с моими друзьями от души посмеялись над этими выдумками.

Но вернемся к моей поездке. Руководитель спелеологов Надежда Фролова — невысокая, но сильная и энергичная женщина с тихим голосом, который, однако, может быть очень решительным, сразу же осведомилась о моих планах, рассказала о задачах экспедиции. За день до выхода к пещере для меня устроили короткий инструктаж и двухчасовую тренировку на отвесной стене...

И вот я стою перед зияющей бездной, обвязанный поясом и лямками, обвешанный карабинами и блоками электропитания. Стою, держась за исчезающую в бездне веревку, готовый к спуску. Глубина нешуточная — сюда легко поместился бы 23-этажный дом.

Шагнув вперед и заскользив вниз, ощутил даже какое-то облегчение — наконец-то началось! Руками и ногами отталкиваясь от предательски вылезающих навстречу выступов, крутясь в разные стороны вокруг своей оси, продирался я в длинной ломаной щели колодца. Сквозь вездесущую пыль и мелкие камни сверху. Последние двадцать метров «проплыл» в круто расширившемся куполе нижнего этажа пещеры, высвечивая лучом налобного фонаря длинные сталактиты на наклонном потолке, готовый к любым неожиданностям.

Мягко опустившись на высокий холм, по некоторым описаниям целиком состоящий из мумий людей и животных, я осторожно — дабы не повредить какую-нибудь древность — сошел с него.

Наконец-то я у цели своей поездки — в надевшей столько шума «пещере мумий»! Быть может, все-таки увижу загадочные изображения на потолке, сотни мумий, мириады копошащихся клещей, о которых так много и красочно писалось?

В волнении обошел всю пещеру, но ничего такого не встретил. На одном из холмов валялись уставшие, видимо, позировать (сколько их фотографировали?!) полускелеты-полумумии человека и горного козла. Более внимательно обследуя конусовидные курганы под колодцами, обнаружил в основаниях их кости, черепа с рогами и без оных копытных. По останкам насчитал до двух десятков этих животных (есть частично мумифицированные, но их очень немного). Тут же еще несколько черепов мелких хищников (видимо, шакалов) и части двух человеческих черепов. Все перемешано с пылью, землей, камнями, ветками деревьев, кусками кошм и обрывками тряпок. Ни одной целой мумии.

И вся «пещера мумий»?! Часть останков копытных может принадлежать и домашним животным — это быстро определят зоологи. Но будут ли они это делать?..

Пещеру можно было бы назвать красивой — в ней много великолепных кальцитовых натеков, образующих высокие колонны, оригинальные одиночные сосульки и целые каскады (люстры) из них, кое-где встречаются хрупкие пещерные цветы, — если бы не холмы под колодцами. Грязные и пыльные, три высоких кургана уродуют строгий подземный пейзаж, сотворенный природой на протяжении многих веков. Видимо, единственное, что может привлечь сюда ученых, — надежда обнаружить в глубине этих курганов что-либо очень древнее. Но есть ли оно?

В последний раз обойдя всю пещеру (она имеет еще несколько тупиковых ходов общей протяженностью до пятисот метров) и не встретив более ничего интересного, кроме маленького водокапчика с отлично сохранившимся скелетом небольшой змейки в крохотной лужице, сел напротив одного из конусовидных холмов. Времени было много, и я стал вспоминать, как оценивали эти холмы люди, а разное время спускавшиеся в пещеру.

Геолог С. Ялкапов, первооткрыватель пещеры, побывавший здесь еще в начале 70-х годов: «...Лестница опустилась на вершину холмика высотой около метра... Точно такой же невдалеке под первой шахтой».

Н. Фролова, руководитель красноярских спелеологов: «Когда мы попали в «Вертикальную» в 1982 году, то обнаружили под ближайшим к выходу отвесом холм высотой 3—4 метра, а под дальним — около полутора — двух метров».

В 1984 году эти холмы оценивались очевидцами уже в 4—5 метров.

И вот теперь я собственными глазами вижу, что меньший — высотой около шести метров, а больший — целая гора уже! — почти двенадцать.

Вывод очевиден: холмы растут! Да не просто растут, а быстро. И это понятно: с увеличением числа посещений пещеры людьми увеличилось и количество осыпаемой со стенок колодцев и с поверхности породы. Уже не отдельные камешки, произвольно срывающиеся с уступов, летели вниз, а целые обвалы качней и земли происходили при продвижении сквозь колодец новых и новых любопытных. И если «отступить» во времени еще дальше от первого посещения «пещеры мумий», то выходит, холмы эти совсем не древние. Так, может быть, и глубокие колодцы, через которые могли попасть вниз земля, пыль, камни, животные и люди, тоже появились не так давно?..

...Пролетели десять часов под землей, и мы начали собираться в обратный путь. Глядя, как ловко, точно по лестнице, уходят вверх по тросу спелеологи, я несколько приуныл, представляя ожидающее испытание. Подъем и в самом деле оказался нелегким испытанием для мышц и нервов. Коварные уступы и узкие щели, которые при спуске я легко обходил, оттолкнувшись от стены, теперь превратились в непреодолимые препятствия. Несколько раз трос и страховочная веревка уходили в щели, куда не протиснуться человеку, и приходилось совершать немыслимые движения — до судорог в руках и ногах, чтобы проскочить опасный участок. Временами, переплетясь, веревка и трос ложились на отвесную стену, и опять нужно было как-то изворачиваться.

Порой казалось, пещера, словно живая, не желает отпускать подсмотревшего ее «тайны». Тянет, тянет вниз — никак не выбраться из очередного капкана... Но в следующий момент ощущал я легкое натяжение страховочной веревки — спелеологи наверху были готовы прийти на помощь — и снова отчаянно карабкался к свету, раздирая в кровь руки и обливаясь потом...

Подъем отнял у нашей группы из десяти человек около девяти часов, а то время как спуск прошел всего за два.

В ПРОШЛОМ репортаже я говорил об удивительных находках в Кугитангских горах: об открытии здесь плато с окаменевшими отпечатками следов динозавров и уникальной для фауны СССР слепой пещерной рыбки, красотах кугитангских пещер. Теперь — о другой стороне этих открытий.

Благодаря сообщениям в печати, чудесные находки становятся достоянием, по существу, всех желающих. Но не все готовы к испытанию необычным. И тут начинаются чудеса иного рода.

Удивительная история произошла со следами динозавров. После первых же сообщений к ним устремились любопытные. Что говорить о таких человеческих странностях-слабостях, как испитие шампанского из окаменевшего следа или царапание в нем своего имени? Это цветочки! Нашлись любители акзотики, пытающиеся... вырезать куски монолитной глыбы со следами, дабы иметь в своей квартире уникальную печать истории. Но вырубить кусок прочного камня — не каждому по плечу. Тогда хоть отпечаток следа увезти с Кугитанга! Заполняли следы гипсом — они белели, заливали цементом — потом отодрать их могли, плескали соляркой (чтобы цемент отошел) — следы чернели. Короче, плато со следами древних рептилий стало «терять» следы, хранившиеся десятки миллионов лет...

Жаркий огонь человеческой алчности опалил и слепую пещерную рыбку. Сразу же после ее находки в горах появились люди с аквалангами и сачками. А вскоре рыбок можно было увидеть в Москве... на Птичьем рынке. И это несмотря на то, что, по оценке спелеологов, редчайших представителей ихтиофауны осталось в водоемах Кугитанга не более полутора сотен. Не обошлось и без курьезов. Представьте себе удивление специалистов, когда в одной из газет появилась фотография слепой пещерной рыбки с... глазом!..

Досталось от человека и уникальным кугитангским пещерам. Что иные спелеологи, не щадящие подземные красоты! На пещеры набросилось целое промышленное объединение «Памиркварцсамоцветы». Оснащенное передовой горной техникой, имеющее на вооружении взрывчатку. И понеслось по сказочным подземным дворцам тяжелое эхо взрывов, полудрагоценный мраморный оникс стали вывозить сотнями тонн. Вместе с ониксом разрушались в пещерах и другие удивительные образования... Правда, деятельность этой организации все же удалось пресечь. А вот желающих попасть в описанную пещеру остановить не удалось. Десятки людей уже побывали в ней. В результате пещера, если и представляла какую-то научную ценность, — теперь, как считают ученые, ее утратила...

●●●

Так до каких же пор сокровища Кугитанга будут оставаться бесхозными? Когда территория эта будет объявлена заповедником? Ведь проект его есть, и штаты существуют, и с многими организациями его создание согласовано. А заповедника нет...

Давайте обсудим...

Науке всегда отличалась детским любопытством: как устроен мир? Но едва усвоив то или иное явление, она с не меньшим интересом поворачивалась и другим вопросам: а что из этого может получиться и как приспособить его для человеческих нужд? Группа московских и свердловских ученых обратилась к редкоземельным элементам, «прописанным» в таблице Менделеева в ряду лантаноидов, и выяснила: они наделены уникальными свойствами — как говорят физики, большим магнитным моментом на атом. Что это значит с практической точки зрения? Из них, оказывается, можно получить легкие, малогабаритные, но очень сильные магниты. А заказчиков на такие удобные магниты хоть отбавляй... Цикл работ «Магнетизм и электронная структура редкоземельных и урановых соединений» удостоен в 1984 году Государственной премии СССР. Один из ее лауреатов — старший научный сотрудник Института физики металлов Уральского научного центра АН СССР, доктор физико-математических наук, профессор Ю. Ирхин.

НА СНИМКЕ: профессор Ю. Ирхин (в центре) с коллегами Ю. Горностыревым и В. Гребенниковым.

Фото А. ГУЩИНА («СОВЕТСКИЙ СОЮЗ»)

...И ПОСАДИТЬ ДЕРЕВО

Фото Л. ГРУБИНСКАСА (ПАНЕВЕЖИС)

СУЖДЕНИЯ, ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ОТКЛИКИ, РЕПЛИКИ

Современная урбанизация чрезмерна. Нужно остановить рост крупных городов, предупредить создание мегалополисов — таково было мнение Н. Гольцева, выступившего в «ЛГ» 21 ноября 1984 года со своеобразной социальной гипотезой. Чтобы разгрузить большие города, автор предлагал в сельской местности строить жилищные кооперативы для пожилых горожан, которые хотят заниматься физическим трудом в деревне. Урбанизация естественна и обусловлена экономически — возражая И. Гольцеву демограф В. Переведенцев. Знакомим сегодня с наиболее характерными читательскими точками зрения.

ПРЕДЕЛЫ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Кооператив горожан в деревне! Читательская реакция неоднозначна

Горячо приветствую предложение Н. Гольцева о создании жилищных кооперативов по строительству домов в сельской местности. Многие горожане, особенно пенсионного возраста, мечтают переселиться в сельскую местность и заняться садоводством и огородничеством, принося пользу себе и государству.

Л. ВОЛГИН

МОСКВА

***

Переезжать старикам в провинцию? Нельзя разрывать искусственно семейную цепочку, в которой всем возрастам есть свое место...

М. КРЕМЕР

СВЕРДЛОВСК

***

Подумал ли Н. Гольцев о физических возможностях лиц пенсионной категории? Труд на земле — это дело молодых.

А. ПЕТРОВА,
пенсионерка

МОСКВА

***

Попробуйте построить дом с удобствами в таком селе, как наше, где нет ни газа, ни канализации. Таких сел множество. И нам не пенсионеры нужны, а молодые рабочие руки.

И. ТИХОНЕНКО

с. ТРИДЕСЫ
Киевской области

Чисто экономический подход к проблеме узок. Мнение почти единогласное

Названные В. Переведенцевым данные об экономичности больших городов не всегда сопоставимы, приведены без учета инфраструктуры, местоположения города, традиций, ремесел и т. д. Если взять не производительность труда, а то, сколько вырабатывается продукции на душу населения, то эффективнее оказываются средние города типа Тулы, Тольятти, Нижнего Тагила с населением 500 тысяч.

Чем хвалить большие города, надо, пока не поздно, ограничить их рост. Все мы, «большегородцы», в моральном долгу у сельчан и «малогородцев».

Л. ШИБАНОВ

МОСКВА

***

В. Переведенцев утверждает, что большинство людей предпочитает жить в крупных городах и престижность их растет. Чем тогда объяснить, что на обменном пункте в небольших городках Кавказских Минеральных Вод такие города, как Львов, Харьков, Горький, Куйбышев, почти не пользуются спросом! Люди предпочитают Ялту, Севастополь, Сочи, Одессу. Из всех крупных городов неизменно престижна лишь Москва.

Вопреки мнению В. Переведенцева различные НИИ, вузы лучше располагать в небольших городах. Служение науке не терпит суеты большого центра.

И. ГОНЧАРОВА

ПЯТИГОРСК

***

На мой взгляд, причины притягательности больших городов объясняются не широтой выбора или легкостью обучения в них, а условиями чисто материальными: качеством снабжения и медицинского обслуживания, более широкими возможностями получить жилье. «Центры» этими благами обеспечены куда лучше, чем «периферия», и разница эта уменьшается медленно, а то и увеличивается.

М. ВОРОБЬЕВ

МОСКВА

Как сдержать рост крупных центров! Предложения участников полемики

В крупных городах в основном должны размещаться только головные части предприятия (сборочные, экспериментальные цехи), а также КБ, НИИ. Цехи, изготавливающие детали, узлы, отдельные комплекты, целесообразнее привязывать к малым городам.

И. ФЕДИН

ХАРЬКОВ

***

Можно порадоваться экологической среде некоторых городов, выросших в советские годы: Таураге, Алитус, Утена, Плунге и других. Комфорта в них больше, чем в крупных городах. Это касается и обеспеченности жильем, и качества окружающей среды, и экономного использования времени (нет очередей на автобусных остановках, в магазинах). А если говорить об удовлетворении культурных потребностей, то на каждом спектакле, концерте в Вильнюсе, Клайпеде, Каунасе, Паневежисе значительную часть зрителей составляют жители малых городов, приехавшие на автобусах.

Ч. КУДАБА,
К. ЛАБАНАУСКАС

ВИЛЬНЮС

Поток писем свидетельствует о заинтересованности в дискуссии, но читатели уточняют тему.

«Публикацию «Большой город: где его пределы?» надо поддержать, — пожелание О. Громова из Братска. — Но необходимо несколько сместить акценты в разговоре: ориентироваться в основном на молодого человека, на того, кому осваивать необжитые и малообжитые регионы страны, кто более свободен в выборе мест жизни».

Москвич Л. Гонтарь тоже предлагает несколько изменить направление разговора: «Редакция «ЛГ» сделала бы важное дело, доказав необходимость ликвидировать отставание в развитии малых городов».

Все эти пожелания, предложения мы, конечно, учтем. Надеемся, что ученые и специалисты в области градостроительства тоже выскажут свою точку зрения по обсуждаемым вопросам.

ИЗНАНКА

ОЧЕРК НРАВОВ

Александр БОРИН

СЕРГЕЮ ЕРМАКОВУ восемнадцать лет. До ареста был студентом второго курса строительного института. О преступлении, им совершенном, в уголовном кодексе сказано: разбой, то есть нападение с целью завладения личным имуществом граждан, соединенное с насилием, опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или с угрозой такого насилия. Статья, по которой Ермакова осудили на восемь лет лишения свободы в колонии усиленного режима, предусматривает, что действия эти были совершены не в одиночку, а группой лиц, по предварительному сговору, а также с применением оружия или других предметов, используемых в качестве оружия.

Соучастники Ермакова — Антон Макаров и Олег Авдеев — до ареста тоже были студентами строительного института, все вместе перешли на второй курс. Их суд приговорил к шести годам лишения свободы.

Установить факты, выяснить обстоятельства для следствия и суда особого труда не составило: ясны, как на ладони. Куда сложнее было сказать, почему такие люди совершили такое преступление.

Стандартная цепочка: неблагополучные подростки, не учатся и не работают, живут шаляй-валяй, выпивка, гитара, подворотня, вот и докатились до ручки... — здесь уж никак не подходила. Не тот, как говорится, случай. Вооруженный разбой совершили люди вполне вроде бы надежные и благополучные.

УЖЕ В ДЕТСТВЕ Ермаков умел всех в себя влюбить, очаровать. Сама внешность его к тому располагала: серые глаза, нежное, как у девушки, лицо. Главное же, что его отличало,—необычайная коммуникабельность. Другие дети в этом возрасте стесняются, жмутся по углам. А Сергей мог заговорить любого, даже взрослого человека.

В английской школе, куда он перевелся после седьмого класса, не могли на него нахвалиться. В характеристике, представленной в суд, будет сказано: «способный, дисциплинированный, честный, принципиальный, целеустремленный, обладает большой ответственностью и твердой волей, хорошо относится к товарищам».

И в институте с первых же дней учебы Сергей Ермаков зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Характеристика, выданная деканатом, рисует нам способного студента, выполняющего общественную работу, участника сборной по плаванию. «Ермаков хорошо разбирался в международном положении, являлся членом лекторской группы. С товарищами был дружелюбен, с преподавателями вежлив».

В семье Сергей воспитывался не баловнем, а настоящим аскетом. Его отец рассказывает, что в доме у них не едят ни тортов, ни конфет. Только хлеб, да и то самой простой выпечки. Хотя родители Сергея зарабатывают неплохо — отец учитель музыки, а мать преподает в техникуме, — ничего лишнего у сына никогда не было. Ни проигрывателей, ни магнитофонов, ни джинсов. Кеды, рубаха, куртка. Правда, к одежде Сергей всегда относился небезразлично: брючки старые, но выглажены, ботиночки начищены до блеска.

О личной жизни Сергея Ермакова писать непросто. Сперва я полагал вообще как-нибудь обойтись, промолчать. Но многое в мотивах и поступках студента-разбойника будет тогда непонятно. Сказать все-таки придется — заменив, однако, подлинные имена героев этой истории.

Дело в том, что Сергей Ермаков решил жениться на Нине Карцевой. Знал он ее с седьмого класса, а потом без памяти влюбился.

Нина дружила и с другими мальчиками, но Сергей говорил: «Ничего, я обожду, я терпеливый». Когда она серьезно заболела, оказалось, что таких заботливых, как Сергей Ермаков, в природе больше не существует. В институт Нина не поступила. Он ей говорил: «Ничего, мы позанимаемся, и ты поступишь в будущем году». Все свободное время он проводил у Нины.

Родители Ермакова, однако, не знали, что их сын со дня на день собирается жениться.

Ермаков потом объяснит, что, кроме нервного расстройства, разговор с отцом ничего бы ему не дал. Отец сказал бы: «Обожди, не торопись, жениться надо, когда встанешь на ноги, лет в двадцать или двадцать пять». «Но я же не автомат, а живой человек, — объяснит Ермаков. — Советы математического характера мне не подходили».

Отец Сергея подтверждает: «Если бы сын сообщил мне о женитьбе, я бы, наверное, был против. Я ему советовал: если уж выбирать девушку, то выбирай крепкую и здоровую, в своей спортивной секции».

Не поступив в институт, Нина устроилась работать лаборанткой. Сергей получал стипендию. Нина удрученно ему говорила: «Да разве это деньги для молодой семьи?» Но восемнадцатилетний студент первого курса гордо ей отвечал: «Не волнуйся, пожалуйста. Дело мужчины — добывать деньги, дело женщины — их тратить». И начал приносить Нине дорогие подарки. Ему очень нравилось так говорить и делать любимой подарки. И Нине очень приятны были его подарки, а главное, его красивые мужские слова.

На какие деньги покупал он вещи, в это Нина особенно не вдавалась. Не задумывалась. Очень не хотелось задумываться.

Потом, после суда, здоровье ее резко ухудшилось. Она слегла в больницу. Всем говорила: «Нет, нет, я не верю, Сергей не мог пойти на преступление». Но при этом отлично понимала: не желая ни о чем знать, не спрашивая его, откуда такие подарки, она молчаливо его поощряла. Куда же тут денешься?

А с детства воспитанный аскетом, горделивый английской школы и надежда строительного института, Сергей Ермаков на вопрос судьи ответил так: «Мне нужны были деньги, и я решил их легко добыть, используя право сильного. Способ добывания был для меня неважен».

В САМОМ начале первого курса произошла одна история.

Кто-то из ребят предложил: «Давайте собирать по рублю и каждому на день его рождения делать подарок». Все согласились. Возразил только Ермаков: «А если я к этому человеку плохо отношусь или вообще никак с ним не общаюсь, я тоже должен бросать свой рубль в печку?» Одна из студенток горячо спросила: «Неужели тебе не хочется сделать человеку приятное?» Он снисходительно посмотрел на нее: «Всем без разбора делать приятное невозможно».

Любопытно, что такой ответ прекрасного парня Ермакова студентов группы совершенно НЕ УДИВИЛ.

Пытаюсь выяснить: отчего же? Ведь, наверное, не сквалыга, не жадина, человек как человек. Мне отвечают: «Да он же слишком ДЕЛОВОЙ». — «Разве это плохо?» — «Смотря в каком смысле. В смысле «себе на уме», конечно, плохо. А вообще-то это, наверное, единственный случай, когда Сергей вдруг откровенно высказался. Обычно он помалкивал, не спорил». — «Почему же?» — «С преподавателями не спорил, потому что хотел хорошо выглядеть в их глазах. А наше мнение его просто никогда не интересовало».

Спросили ребята и у Антона Макарова (ближайшего друга, а впоследствии соседа Ермакова по скамье подсудимых): «А ты свой рубль отдашь?» За него, однако, опять ответил Ермаков: «Я же вам сказал. Зачем еще его спрашивать?» И Макаров, пряча глаза, подтвердил: «Да, я как Сережа».

Вот это студентов изумило крайне! Всегда, по любому вопросу Макаров имел свое собственное мнение. Пусть это я много написано, пусть лектор там говорит, но если Макаров не согласен, то будет спорить и доказывать свое. Он нам бы требовал от человека: «Ты убеди меня, переубеди, и уж если я тебе поверю, тогда я весь твой». А еще было известно: Макаров человек совершенно нежадный. Если у него одалживали рубль или трояк, то в отличие от немногих других он никогда об этом не напоминал. Скорее всего, тут же забывал. И вот на тебе! Готов от стыда сквозь землю провалиться, последним жмотом прослыть, но Ермакову перечить не решился: «Я как Сережа». Да чем же Ермаков так его взял, забрал всего, с потрохами, без остатка?

...После суда, в тюрьме, я встретился и долго разговаривал с каждым из осужденных.

Первым привели Антона Макарова.

Высокий, по-юношески нескладный. Крупные, резкие черты лица. Настроение меняется каждую минуту. То замкнут, сердит, груб почти («А чего вы приехали? Я человек неразговорчивый»). То, наоборот, совершенно откровенен и доверчив. И беззащитная, беззлобная улыбка на лице.

Он признался мне: «Я завидовал Ермакову». — «Чему же?» — «А он особенный человек. Я все занятия посещал, все лекции записывал. А Сергей почти не приходил в институт. Ссылался на тренировки в бассейне, на подготовку к соревнованиям... Но вот придет на экзамен, возьмет билет и, даже если знает чуть-чуть, с пятого на десятое, так обворожит профессора, такой затеет умный разговор, что дело в шляпе. Профессор уже готовенький. Восторг, да и только!»

Однако выясняется, что завидовал трудолюбивый и добросовестный Макаров не только той легкости, с которой, не готовясь, часто сдавал экзамены Ермаков. Еще больше Сергей подавлял его своими ясными и соблазнительными целями в жизни. Ермаков откровенно презирал ребят, которые пришли в институт случайно, без всяких планов. Одни — потому что сюда сравнительно легко поступить, другие — идя на поводу у родителей. Ермаков говорил: «Дурачки, что они понимают?» и объяснял Макарову: вот они с ним изучат иностранный язык, получат дипломы строителей и переводчиков и махнут в длительную зарубежную командировку. «Кому нравится, пускай просиживают свои штаны в каморке прораба, а мы с тобой на мир поглядим».

«Интересно было его слушать?»—спросил я Макарова. «Ага! — признался он.— Еще бы! Интересно и очень приятно».

Когда Антон Макаров, пряча от ребят глаза, отказался дать рубль на именинный подарок: «Я как Сережа» — слова эти означали, возможно, гораздо больше, чем только: «И я не хочу бросать свой рубль в печку». Возможно, и сам Макаров в ту минуту не до конца понимал, что сказал он: «И я, как Сережа, хочу выделиться из скучной толпы дурачков, просиживающих свои штаны в каморке прораба».

ПЕРВЫЙ разговор о том, как можно легко добывать деньги, возник у Ермакова с Макаровым еще за несколько месяцев до их преступления. Шли, трепались. Ермаков сказал: «Если идет женщина, а на ней много золота, то, ясное дело, торгашка и воровка. Можно отобрать».

«Ну, а вы? — спросил я Макарова. — Спокойно выслушивали, и все?» «А что я? Сперва, конечно, ошарашило. Как это отобрать? Забавно». — «Ну, а потом?» — «А что потом? Потом мы планчики начали строить».

«Планчики» предлагал, конечно, Сергей Ермаков. В них тоже чувствовался его настойчивый, неугомонный ум. Каждый день возникали новые идеи. Золотые украшения можно отбирать в парке поздно вечером. А можно в электричке. Часов с одиннадцати ходят почти пустые вагоны. Но лучше все-таки в лифте.

Идея эта развивалась, обрастала все новыми деталями и подробностями. Шли вдвоем после занятий по английскому, который Ермаков знал в совершенстве, или из бассейна, где Сергей выступал за институтскую сборную, и он объяснял Макарову: ограбленную женщину высаживать надо, не довезя до нужного ей этажа. Пока она будет думать, куда ей бежать, вниз, за грабителями, или наверх, к себе домой, они уже скроются.

Ермаков полагал, что если все хорошо рассчитать и продумать, то вариант этот беспроигрышный.

Еще он требовал, чтобы Макаров заранее не навлекал на себя никаких подозрений. Поймают в электричке без билета — немедленно плати штраф. Чтобы в милиции и ноги его не было. Они должны быть совершенно чистыми.

Однажды Ермаков сказал ему: «А может, квартиру ограбим?» Макаров чуть было не обалдел: преступление же, судить будут! Снять в лифте кольцо с женщины ему казалось озорством, ну, хулиганством. Слово «разбой» он услышал впервые только от следователя.

«На дело» пошли они 15 марта. Ермаков велел захватить с собой кусок мыла, чтобы золотое кольцо с пальца легче снималось, и молоток: а вдруг придется обороняться? Мыло Макаров взял, а молоток— нет, все-таки не решился.

Гуляли они возле метро. Высматривали женщину, на которой было бы побольше золотых украшений. Такую, однако, в тот день не встретили. Потом еще три вечера выходили. И опять напрасно.

Даже азарт появился: неужели все впустую?

19 марта наконец увидели: кольца, серьги. (На суде, правда, выяснилось: никакая не «торгашка» и не «воровка» — рабочая и из рабочей семьи.) Женщина была беременна, на восьмом месяце. Ермаков и Макаров этого, однако, не заметили. Втроем вошли в лифт. Между этажами Ермаков нажал на кнопку «Стоп» и вынул опасную бритву: «Снимайте кольца». «Сам снимай, если тебе надо», — сказала женщина. «Ну-ну, быстро...» — велел Ермаков и приставил лезвие бритвы к ее горлу. — Люди внизу лифта дожидаются, а вы задерживаете». Кольцо, однако, никак не снималось. «Дай ей мыло». — сказал Ермаков Макарову. Затем Макаров раскрыл сумочку и вынул оттуда кошелек с восемью рублями. Из них четыре рубля Ермаков взял себе и четыре отдал Макарову. Это был единственный барыш Антона Макарова за участие в разбойничьем нападении. Деньги Антона не интересовали. Его интересовала лишь дружба с Сергеем Ермаковым.

Потом, в суде, Макаров расскажет, что в лифте он испытывал одно желание: отвернуться. «Страшно было или стыдно?» — «Не знаю. Только очень хотелось ничего не видеть, отвернуться».

Однако когда уже в метро, по дороге домой, Ермаков похвалил его: «Молодец, ты себя хорошо вел», — Макарову это было приятно. Хотя и немного обидно, унизительно даже. Что значит вел себя хорошо? Псих он, что ли, какой, мог истерику закатить?

Несколько ночей Макаров не спал. Мучился, страдал, не знал, как сообщить Ермакову о том, что больше он с ним не пойдет. Не для него это. Он не хочет.

Ермаков к словам его отнесся, как ни странно, спокойно. «Понимаю,—сказал,— это не все могут». И пообещал даже не прекращать впредь помощи в английском.

О том, что вместо него Ермаков выбрал себе в напарники другого студента их группы, Олега Авдеева, Макаров узнал лишь гораздо позже.

В ШКОЛЬНОЙ характеристике об Олеге Авдееве сказано: «Много читал, имел хорошую память, но выводы из узнанного и прочитанного делал неглубокие. По характеру добрый, беззлобный, но отличается неуравновешенностью, плохо руководит своими действиями, идет на поводу у других. Отношения с одноклассниками хорошие, тянется к ребятам, жаждет общения с ними, готов поделиться последним».

Студенты группы подтверждают это: за то, чтобы с Олегом общались, он все отдаст, последнего не пожалеет, чем угодно заплатит.

И мать Авдеева вспоминает: с самого детства ребята посмеивались над ее сыном, не хотели с ним дружить. А он, наоборот, очень к ним тянулся, готов был в лепешку разбиться для каждого, кто обратит на него внимание. Олег привык: для того, чтобы с ним дружили, он должен был всем и во всем угождать.

Приятельство в институте таких абсолютно разных людей, как Сергей Ермаков и Олег Авдеев, могло бы, конечно, удивить, если бы не самое элементарное объяснение: Ермаков и Авдеев знали друг друга с детства. Жили рядом, по соседству. До седьмого класса учились в одной школе. Понятно, что жаждущий общения, но робеющий чужих Авдеев тянулся изо всех сил к «своему» Сереже Ермакову.

Потом, уже сделав Авдеева соучастником разбойничьего нападения, Ермаков однажды не без гордости заметит, что без него Олег давно бы покатился по наклонной плоскости. «В каком смысле?» — «В самом прямом. Связался бы с дурной компанией». — «А именно?» — «Ну, знаете, выпивка, карты, дискотека. Словом, тупое времяпрепровождение». — «Не одобряете?» — «Да нет, почему же? Если кому нравится, пожалуйста. Я просто считаю, что такие люди занимаются пустой тратой времени. Бесполезно проводят жизнь. Она им дана не для этого».

В один прекрасный день Сергей Ермаков предложил Олегу Авдееву начать тратить жизнь по-иному, небесполезно.

...В комнату, где беседую с осужденными, вводят Авдеева.

Блондин. Сутулится. Говорит охотно, торопливо. Однако нить разговора то и дело теряет. Виноватое выражение глаз.

Рассказывает: заранее Сергей ничего ему не говорил. Поставил условие, чтобы лишнего Авдеев у него не спрашивал. Зашел как-то вечером, сказал: «Возьми перчатки и напильник». И они поехали. Гуляли возле метро. Сергей кого-то высматривал. И постепенно вводил Авдеева в курс дела. «Ну, а вы?» — «Я ужаснулся, конечно. Но отказаться было уже неудобно». Вдруг Сергей сказал: «Пошли».

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПОТЕРПЕВШЕЙ. «6 апреля 1984 года я торопилась в гости. В подъезд со мной вошли двое ребят. Один из них (Ермаков) сказал другому (Авдееву): «Обожди меня здесь, он не любит, когда к нему много народа». В лифте парень спросил меня: «Какой вам этаж?» Я назвала: «Девятый». И обратила еще внимания: апрель, а на парне зимние перчатки. Между этажами парень вдруг нажал на кнопку «Стоп», достал из кармана опасную бритву и приставил ее мне к горлу. Очень спокойно он велел снять с руки кольца, а из ушей вынуть серьги. Я ему сказала: «Да куда же ты, сопляк, с ними пойдешь? Тебя же сразу поймают». Лицо его, однако, сохраняло совершенно деловое выражение. Он сказал: «Молчать!» И тут я по-настоящему испугалась. Видимо, при этом дернулась, поэтому что бритва до ногтя оцарапала мне ножку. Он сказал извиняющимся: «Осторожнее, пожалуйста. Могу и порезать». Я быстро сняла и отдала ему кольца и серьги. Парень высадил меня на пятом этаже, а сам в лифте спустился вниз. Парень предупредил меня, чтобы я никуда не заявляла, а то со мной расправятся...»

Потом, в суде, Ермакова спросят: «В подъезде драгоценности вы передали Авдееву?» — «Да». — «Зачем?» — «А он быстрее меня бегает». — «Быстрее вас, спортсмена-перворазрядника?» Ермаков усмехнулся: «А на нем кроссовки были».

Куда Ермаков дел драгоценности, Авдеев не интересовался. Ему было все равно. Как и Макаров, он участвовал в разбойничьем нападении, можно сказать, бескорыстно. Много позже Сергей дал Олегу пять рублей, потом еще пять.

18 июля Ермаков снова зашел за Авдеевым и сказал, что выезд надо повторить. И Авдееву опять неудобно было отказаться.

Я спросил у него: «Может, Ермаков вас уговаривал или запугивал?» «Нет, — сказал Авдеев. — Совсем нет». — «А если бы вы отказались, он бы, наверное, не простил?» — «Не знаю. Не задумывался». — «Когда вы внизу ждали, в подъезде, что испытывали?» — «Все поджилки тряслись». — «Сказали об этом Ермакову?» — «Нет, что вы! Наоборот, сказал, что совсем не страшно. Чтобы он меня не упрекнул».

Назавтра, 19 июля, Ермаков велел Авдееву поехать с ним к ювелирному магазину и охранять его, когда он будет продавать драгоценности.

Постовой милиционер обратил внимание на двух парней, которые за бесценок пытаются продать с рук золотые украшения, и пригласил их в отделение.

Здесь они написали свои «чистосердечные признания». Ермаков закончил свое так: «Совершил я это по глупости, уверен, что ничего подобного со мной не случится».

ЕРМАКОВ невысок. Но крепок и широк в плечах. Живые глаза. То и дело мило их закатывает. Волосы аккуратно зачесаны набок. И вправду, нежное, как у девушки, лицо. Красив, ничего не скажешь.

Держится легко, очень уверенно. Можно подумать, не в тюрьме у нас происходит разговор, а где-нибудь на скамейке в тенистом парке.

Преступление свое объясняет тем, что ему потребовалась некоторая «денежная дотация». Он бы ограничился двумя первыми эпизодами, никакого желания возводить «это непрезентабельное дело в систему» у него не было. Но на летней сессии остался, к сожалению, без стипендии. «Что ж так?» — спрашиваю. Мило закатывает глаза: «Понимаю, банально, конечно, звучит, что профессор—зверь. Но я постоял у двери, посмотрел, какая там нехорошая обстановка, и не стал сдавать. Из гордости, очевидно».

Мне, однако, известно, что это ложь. Профессор выгнал Ермакова за шпаргалки. Он еще два раза приходил, студентам говорил: «Идет последняя битва за стипендию», — но так ничего и не добился.

Спрашиваю: «Нужны были деньги, отчего же не пошли по вечерам работать?» Говорит: да, у него была «банальная идея разгружать вагоны». Но ему рассказали, что на станции «ужасная обстановка», «орудует коалиция опытных грузчиков», которая новичков бессовестно обирает.

Невеста Нина, однако, мне рассказала, что разгружать вагоны Сергей не собирался. Считал это не то чтобы для себя низким, зазорным, но совершенно неподходящим. Выступая в суде, отец Сергея, по существу, это подтвердил. Поступив работать, его сын вынужден был бы пожертвовать либо учебой, либо спортом, либо любимой девушкой. Незаурядный человек, он слишком много взял на свои плечи и ни с чем не хотел расстаться. Судьи обязаны это учесть.

При рассмотрении дела комсомольцы студенческой группы направили в суд ходатайство о передаче Макарова и Авдеева им на поруки. Комсомольцев вполне можно понять. Макаров и Авдеев никакой собственной корысти не преследовали, роль их в преступлении была явно случайной и второстепенной.

Спрашиваю Ермакова: «Вас не мучает, что вы сломали жизнь Антону Макарову и Олегу Авдееву?» Очень удивлен: «А вы считаете, что я им сломал жизнь? Нет, так нельзя ставить вопрос. Человек сам должен иметь голову на плечах. Я никого не заставлял и не принуждал. Если бы они отказались, я бы, скорее всего, тоже не пошел. Так что ещё большой вопрос, кто кому сломал жизнь».

Выступая в суде, отец Ермакова тоже во всем обвинял приятелей своего сына: Макаров с ним сначала пошел, а потом— в кусты. Авдеев — тряпка и подырь. Вообще, из слов отца получалось, что только он один как следует знает и понимает своего сына. Как никто ему близок.

Спрашиваю Сергея: «Вы жестокий человек?» — «Нет, конечно, совершенно не жестокий». — «Однако вполне спокойно себя чувствовали, видя рядом глаза женщины, полные страха?» — «Ну что вы, — улыбается, — никакого страха у них в глазах не было». — «То есть?» Улыбается: «А разве я похож на бандита?»

Спрашиваю: «А применить бритву, зарезать женщину вы могли бы?» Уверенно отвечает: «Нет, конечно. Я и пальцем до них не дотрагивался». — «Потому что сразу же вам подчинялись. А если бы начали сопротивляться?» — «Видите ли, — говорит он и мило закатывает глаза, — такой эксперимент поставлен не был. Что ж о нем толковать?»

На следствии Макаров рассказал, что после их преступления он спросил Ермакова: неужели его ничего не мучает? И Ермаков объяснил, что может элементарно чиркнуть лезвием по горлу и его ничего не будет мучить.

Что здесь правда — обнадеживающий ответ сейчас или бравада в словах товарищу, — не берусь судить. Но, может, и сам Ермаков не знает, как бы он повел себя, если бы женщина в лифте подняла шум, стала сопротивляться, а в руке у него остро отточенная бритва. Счастье для женщины и для самого Ермакова, что «эксперимент» такой ни разу не был поставлен.

«Сергей, — говорю, — а вообразите, в лифте ваша невеста Нина, и кто-то приставляет ей бритву к горлу?» Медлит. Смотрит на меня. «Что я должен вообразить?» — спрашивает. «Ее состояние, — говорю. — В глазах ее тоже не было бы страха? Так, пара пустяков? Ничего особенного?» Пауза. Первая долгая пауза в нашем разговоре. Я жду. Ну, может, хоть сейчас обаятельный Ермаков не выдержит, выйдет из себя, сорвется? Нет, не срывается. «Если бы она сильно испугалась,— отвечает, — значит, слишком уж нежный у нее характер».

Знаете, о чем в тот момент я подумал? А если бы не было преступника Ермакова, если б ни разу не вошел он в лифт с острой бритвой? Жил бы на свете обаятельный парень, старался особенно не просиживать штаны на работе, побольше взять нахрапом. Полусту бы с людьми никогда не спорил, но уж если что ему надо, ни перед чем не остановится, удержу не будет знать. Товарищей бы спокойно предавал, легко ломал их судьбы. Не замечал бы страха в глазах людей, которым боль причиняет... Разве в этой истории страшнее всего остро отточенная бритва в лифте? Я думаю, всего страшнее тут изнанка обаятельного человека.

О. ПРУДКОВ, А. ФРЕНКИН, корреспонденты «ЛГ»

В КАРЕТЕ ПРОШЛОГО — НИКУДА НЕ УЕДЕШЬ...

Позади осталась 40-летняя годовщина освобождения от фашизма. В ФРГ с полного одобрения Вашингтона упорно отстаивали идею «всеобщего замирения». Смерть, десять, уравняла всех — и вермахт и его жертвы. Рейган и Коль посетили кладбище, где похоронены эсэсовцы. Это вызвало глубокое возмущение международной общественности. Газета «Нью-Йорк таймс» справедливо заметила, что «мы не имеем права ставить на одну доску палачей-нацистов и их жертвы».

Такое развитие событий не случайно. Подготовка и само празднование «дня 8 мая» проходили в обстановке возрождения реваншизма и милитаризма.

ОДНАЖДЫ в почте корпункта «ЛГ» в Бонне были обнаружены ноты. Мы удивились: по адресу ли? Текст все объяснил. «Дойчланд. Дойчланд юбер аллес. Германия превыше всего, превыше всего в мире. От Мааса до Мемеля, от Эча до Белта». Не что иное, как первая строфа гимна нацистской Германии. Прошлое? Отнюдь нет. Таким был девиз недавнего съезда «союза изгнанных» в земле Шлезвиг-Гольштейн.

В любом городе ФРГ вы без труда найдете в газетных киосках «Дойче националь-цайтунг», «Дойчер анцайгер» — издания, близкие по тиражу к самым крупным газетам ФРГ. Это тоже голос бывших гитлеровцев. Они призывают «отомстить Советскому Союзу» за поражение, опираясь на американское ядерное оружие.

«Не сдаваться! — призвал обозреватель газеты судетских немцев Шенхубер, бывший нацист, автор скандально известных мемуаров, — не то нас сочтут коллекционерами национальных костюмов, не более». И они «не сдаются», сегодня забыв, что уже сделали это вчера.

ДРЕГГЕР, ВИНДЕЛЕН И ДРУГИЕ

Мы уже писали в своих репортажах («ЛГ», № 48, 1984 и № 6, 1985), насколько нервно реагировали на вопросы о возрождении реваншизма наши собеседники — деятели ХДС ХСС — в Бонне и Мюнхене. Они клялись, что этого нет в ФРГ. В свое время министр внутренних дел ФРГ Ф. Циммерман заявил о претензиях Бонна на границы 1937 года. Таких заявлений официальные лица больше, кажется, не делают. Но и от того, сталого, никто не отказался. И откровенные реваншисты используют его как официальное мнение правительства. Добавим к этому участие канцлера Коля в слетах «союзов изгнанных». «Канцлер стал попутчиком Хупки (лидер силезского «Союза изгнанных». — Авт.) и его реакционных единомышленников», — прямо сказал заместитель председателя фракции СДПГ в бундестаге Х. Эмке.

На этом фоне как-то серьезнее воспринимаются совсем уж бредовые высказывания газетенки «Шлезиер», мечтающей о «прорыве» бундесвера через ГДР и Польшу к границам СССР.

«Зачем давать новую пищу обвинениям в реваншизме?» — спросил обозреватель консервативной газеты «Франкфуртер альгемайне» по поводу лозунга «Силезия — наша». На это «Шлезиер» в категорическом тоне ответила: «Силезия принадлежит ФРГ, это ее восточная область, а не западная область Польши. Польша лишь временно осуществляет управление этой провинцией. Но без международно-правовых оснований. Немцы — законные собственники Силезии». Вот так.

Но обратимся снова к взглядам министра по «внутригерманским отношениям» Г. Винделена и председателя фракции ХДС/ХСС в бундестаге А. Дреггера, людей весьма влиятельных в ХДС. Они посетовали на нас, что их позиция была изложена в газете недостаточно обстоятельно. Перед нами полные тексты интервью с ними, их официальные речи и заявления в Бонне и за рубежом.

Пожалуй, нигде, как в Вашингтоне, на совещании экспертов США и ФРГ Г. Винделен не высказался столь ясно и откровенно. Он подчеркнул связь между размещением американских ракет в ФРГ и лозунгом «германский вопрос остается открытым». Г. Винделен не скрывает: его не устраивает социалистический строй в Восточной Европе. На том же совещании Г. Винделен прямо заявил, что «советская система противоречит «культуре этих стран, происходящей от европейской традиции...»

Его единомышленник А. Дреггер пояснил, что Советский Союз — тоже Европа (вот спасибо! — Авт.), но только географически, а вот Польша по-настоящему принадлежит Европе в силу духовной традиции. По словам Дреггера, для поляков «свобода важнее, чем границы». А границы эти «отнюдь не урегулированы окончательно».

Как надо замаскировать какую-нибудь пакость, на Западе немедленно говорят о свободах и правах человека. Вот и Г. Винделен заявил, что «подлинная причина напряженности в этом мире — это не бомбы и не ракеты, а проблема прав человека...». Для отвода глаз он сказал и о Чили, и о Южной Африке. Но главное — это бедные «наши соотечественники», лишенные пресловутых «западных свобод», сиречь — граждане ГДР.

А. Дреггер с гордостью заявил, что 8 мая 1945 года сражался в Силезии в рядах вермахта против Красной Армии. «Что побуждает его к подобным заявлениям? — спрашивает в открытом письме социал-демократ из Гамбурга Рунде. — Что же тогда следовало защищать? Преступления гестапо, концлагеря?» В свете откровений А. Дреггера понятна кампания по оправданию действий войск СС. Не надо, мол, заниматься «денацификацией могил». Все — жертвы войны, какая разница, кто, где похоронен.

Мы присутствовали на последнем съезде ХСС в конце прошлого года. С тех пор эта партия порадовала нас новыми откровениями. Заявление от имени депутатской группы в бундестаге гласит следующее: «Германский вопрос остается открытым до тех пор, пока политическое, географическое, общественное и экономическое устройство на территории Европы не изменится, пока не будет создан другой порядок, достигнуто всесторонне признанное мирное устройство». И далее все те же старые слова и старые мотивы: «Германский вопрос... может быть решен только в рамках преодоления разделения Европы...» В Европе, как известно, имеются две общественно-политические системы: социалистическая и капиталистическая, хотелось бы знать, как собираются «преодолевать» это разделение деятели ХДС/ХСС?

Выразительная создается картина. И после этого, господа, вы утверждаете, будто реваншизм придумали в Москве?! Даже в ФРГ мало кто этому верит. «Хватит, господин Хенниг (один из заместителей Винделена. — Авт.)! Дураков больше нет. Прошло то время» — так сказала депутат бундестага от «зеленых» Антье Фольмер, с которой мы имели большую и обстоятельную беседу. Возмущение «зеленых» Хенниг вызвал утверждением, будто и Восточная Пруссия тоже принадлежит ФРГ.

Есть честные голоса в ФРГ. Есть люди, называющие вещи своими именами. Мы беседовали с 89-летним В. Бормом, известным либеральным деятелем, инициатором создания «общественного парламента» в знак протеста на размещение ракет. Он говорит:

«Кто развязал войну? Кто погубил 20 миллионов человек в СССР? Немцы, молча потворствовавшие Гитлеру, сами виноваты в последствиях войны. Ни будь немецкий народ соучастником, разве смог бы Гитлер проводить свою политику? Дреггер ссылается на то, что испытали переселенцы... Но разве мы забыли, что Гитлер открыто объявил: «Восточная Европа будет заселена немцами»? Поляки и русские — «унтерменши», люди низшей расы. Разве не собирался он превратить их в рабов?»

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Нетрудно видеть, что все вышеизложенное находится в вопиющем противоречии с обязательствами, вытекающими из восточных договоров. Правительство ФРГ не забывает выступать с заверениями в верности этим договорам. Но если им, как международно-правовым документам, упорно противопоставляется целый перечень внутренних решений (конституционного суда ФРГ от 1975 года и пр.), если все время твердят, что «германский вопрос остался открытым»? Тогда что? «Канцлер говорит о признании границ, а А. Дреггер и Г. Винделен занимают противоположную позицию, — справедливо отмечается в заявлении фракции «зеленых». — Политические цели Дреггера направлены, как и прежде, на ревизию границ, на захват прежних земель германского рейха».

Похоже на то, что в политике Бонна действует двойная бухгалтерия. Ее суть ясна. Верность договорам? Да, но только сегодня. А завтра — потребуем пересмотреть все заново: и границы, и земли. Завтра не в буквальном смысле. Послезавтра. Так прямо нам и сказал один из ведущих боннских политиков. Имя его не называем, обещали. По своему высокому положению ему необходимо «хранить лицо».

Как сказал Хупка, «надо благодарить Рейгана, что он поставил под вопрос Ялтинские решения». В этой фразе — суть реваншизма: не признавать итоги второй мировой войны. Отсюда и отношение к 40-летию крушения фашизма.

На прямой вопрос, как они относятся к нацизму, боннские политики из ХДС/ХСС отвечают: осуждаем. И в официальных заявлениях Бонн хотел бы отмежеваться от этого черного периода. Но что знает о преступлениях нацистской Германии новое поколение западных немцев?

Мы беседовали со многими рядовыми жителями ФРГ. И пришли к выводу, что у них весьма смутное представление о минувшей войне. Большинству неизвестно, что восемнадцать миллионов человек из болев чем тридцати стран Европы и мира прошли через нацистские концлагеря. Причем свыше одиннадцати миллионов погибли. Гитлеровцы убили 300 тысяч немецких антифашистов и демократов еще до начала второй мировой войны, 800 тысяч человек было изгнано из Германии, среди них Эйнштейн, Томас и Генрих Манны и другие выдающиеся деятели науки и культуры. Преступления совершили 12 миллионов человек, целая армия палачей. В Советском Союзе было уничтожено треть национального богатства, разорено 1700 городов и поселков городского типа. Только в Белоруссии было 700 своих орадуров, и обо всем этом умалчивается сегодня в ФРГ.

Остатки фашизма уничтожены не были, корни не вырваны. Социал-демократ депутат ландтага Нижней Саксонии В. Хольфтфорт в письме канцлеру Колю констатирует:

«Когда было покончено с нацизмом, то в Нюрнберге осуждены были лишь главные военные преступники. Затем в ФРГ после долгих проволочек судили пару сотен «козлов отпущения» — палачей и охранников концлагерей, маленьких людишек, нажимавших на курок. Это сделали для того, чтобы оставить безнаказанными и принять в западногерманское общество тех, кто содействовал преступлениям гитлеровского режима, находясь на своем служебном посту, за письменным столом. Тем, кто прокладывал путь нацизму — пропагандистам, политическим руководителям и т. д., — дали возможность подняться в ФРГ до статс-секретарей, министров, даже до глав земельных правительств...»

Неужели в официальном Бонне полагают, что никто не замечает родимых коричневых пятен? А. Фольмер прямо говорит:

«Какое же это «преодоление» прошлого?.. Настоящему антифашизму нет места в обстановке воинствующего антикоммунизма, который мы чувствуем сегодня в речах Коля и Дреггера. Они ратуют за НАТО и за то, чтобы посредничество принять участие в американских планах милитаризации космоса. Чтобы так трактовать уроки истории — это уже нечто совершенно невероятное».

Депутаты «зеленых» встретили 8 мая в Освенциме, где возложили цветы к памятнику жертвам фашизма.

ПОЧЕМУ НЕ ЗАПРЕЩЕН ФАШИЗМ?

Этот вопрос мы задавали многим официальным лицам. Ответ такой: «у нас полная демократия». Легальная неонацистская партия НДП участвует наравне с другими в выборах. Огромный издательский концерн Г. Фрея в Мюнхене заваливает страну потоком фашистской литературы общим годовым тиражом до 8 миллионов экземпляров. Оправдание гитлеризма, пропаганда нацизма не преследуются. Социал-демократы попытались было провести закон, который защитил бы жертвы нацизма. Не прошло. Фракция ХДС/ХСС при поддержке СвДП свела дело к «компромиссу». Жалобы могут рассматриваться лишь в административном порядке, и с ними могут обращаться все, кто пострадал «от какого-либо произвола».

Стерты следы преступления гитлеризма, на одну доску поставлены все, кто считает, что подвергся притеснениям. «Так был ли Освенцим?» — так оценили здесь эту юридическую эквилибристику. «Теперь правящая коалиция готовит под руководством бывшего нацистского офицера Дреггера закон, устанавливающий ответственность за «оскорбление» жертв нацизма, — отмечает газета «Унзере цайт». — Однако этот новый закон означает, что под защиту федерального правительства попадает каждый фашист, объявленный ХДС/ХСС жертвой «коммунистического произвола», каждый террорист, взрывающий школы в Афганистане, каждый реваншист как «жертва изгнания», каждый, кто борется против «царства зла», согласно рейгановской терминологии. В год 40-летия освобождения от фашизма под обвинение попадают тем самым не неонацисты, а антифашисты». Критически относится к этой затее буржуазная «Зюддойче цайтунг». Газета пишет: «Вся эта дискуссия — дурной пример того, как у нас проигрывают капитал доверия в своей стране и за рубежом. Сейчас, в такое время, когда весь мир особенно критически присматривается к тому, как западные немцы преодолевают свое прошлое... проект Дреггера не очень способствует доверию».

Нельзя не сказать о позиции социал-демократов, представляющих значительные слои населения. Мы попросили рассказать читателям «ЛГ» об отношении этой партии «к 8 мая» председателя фракции СДПГ в бундестаге Г.-Й. Фогеля.

«8 мая 1945 года явилось глубоким переломом в германской истории, — сказал он. — Это день освобождения нашего народа от тиранин, принесшей самые кровавые жертвы сначала собственному народу, а затем многим народам Европы. Это день краха тогдашнего германского рейха, окончания войны, в которой погибли 55 миллионов человек. День, когда были созданы первые предпосылки к тому, чтобы на немецкой земле было образовано демократическое общество. После самых тяжелых разрушений и в трудных условиях люди могли приступить к восстановлению. Вместе с тем это день, когда границы Европы были изменены, что было ответом на ту политику, которую проводил Гитлер. Это изменение коснулось миллионов людей. Самое главное обращение может звучать только так: нет — тирании, нет — войне.

Мы не вправе советовать, как отмечать годовщину окончания войны тем народам, которые испытали нападение Гитлера, а затем, напрягая свои силы, довели эту войну до конца. Вместе с тем мы надеемся, что главным будет общее стремление к миру».

Социал-демократы провели форум в защиту мира в Нюрнберге, куда были приглашены бургомистры городов, тяжело пострадавших от разрушений в минувшей войне: Ленинграда, Минска, Волгограда, Дрездена, Ковентри, Роттердама, Кёльна. Участники этого форума почтили память участников Сопротивления и жертв гитлеровской тирании.

В своем недавнем выступлении в бундестаге Г.-Й. Фогель, касаясь посещения Рейганом и Колем кладбища в Битбурге, поставил вопрос, почему были обойдены полным молчанием огромные жертвы, понесенные Советским Союзом в минувшей войне. Он отметил, что «сокрушительное поражение» ХДС на выборах в земле Северный Рейн-Вестфалия является ответом населения на поворот вправо, совершенный правительством Коля.

НА ДВА лагеря разделилась ФРГ сегодня, в дни 40-летия разгрома фашизма. Общественные слои, которые группируются вокруг коммунистов, ведущих мужественную борьбу за мир и демократию, вокруг социал-демократов, «зеленых», считают итоги второй мировой войны окончательными и послевоенное устройство в Европе не подлежащим пересмотру. Им противостоят те круги, для кого «германский вопрос остается открытым», те, кто надеется на ревизию границ в Европе, не примирился с итогами второй мировой войны, те, кто называет разгром фашизма катастрофой для Европы. Эту тенденцию поддерживает ХДС/ХСС. Упоминаем и о двойственной позиции СвДП, входящей в правительственную коалицию. С одной стороны, просматривается нежелание открыто поддерживать реваншистские выступления в ХДС/ХСС, а с другой — робость в проведении самостоятельной линии.

А между тем отношение к итогам второй мировой войны — пробный камень для каждой партии в ФРГ и для каждого человека. Это оценка нацистского прошлого, постижение исторического опыта, представление о будущем Европы и мира.

Двойная бухгалтерия тут не поможет. Как в Бонне собираются совмещать рост военной мощи бундесвера, размещение американских ракет, планы участия в американской программе милитаризации космоса с уверениями об отказе от милитаристского наследия? Почему не готова правящая коалиция безоговорочно отречься от фашизма?

Многозначительную карикатуру поместила на днях газета «Кёльнер штатанцайгер». Коль и Рейган, вдвоем в одной лодке, гребут к берегу, за которым начинается будущее. Но якорь со свастикой приковывает лодку ко дну. И та ни с места.

Как говорил мудрый горьковский Сатин: в карете прошлого — никуда не уедешь...

БОНН — МЮНХЕН

Многотысячными демонстрациями протеста откликнулись канадцы на планы Пентагона о размещении в их стране американских ракет.

Фото из газеты «Глоб энд мейл» (КАНАДА)

Говорят видные советские юристы — участники «круглого стола» «ЛГ»

Виновность Сергея

Единственной прямой «уликой» против болгарских граждан, обвиняемых в причастности к покушению на папу римского, является оговор фашистского террориста Агджи, осужденного к пожизненному тюремному заключению. Стремясь к смягчению своей участи, Агджа пошел на «сотрудничество» с властями и услужливо нагромождает одну небылицу на другую. На 92 допросах во время предварительного следствия он сделал свыше ста ложных заявлений. Что же касается так называемых косвенных «улик», то они настолько противоречивы и слабы, что не могут служить основой для обвинения против Сергея Антонова, Тодора Айвазова и Желю Василева, поэтому у итальянского суда может быть только одно решение: за отсутствием достаточных доказательств признать болгарских граждан невиновными и оправдать.

Академик **В. Н. Кудрявцев.** Более тысячи лет назад выдающийся философ Востока Аль-Фараби писал в трактате «О достижении счастья»: представления широкой публики складываются посредством воображения и убеждения, а знания правоведа (юриста, как мы сказали бы теперь) — посредством постижения достоверной истины. Здесь, в редакции «Литературной газеты», собрались юристы, и хотелось бы с привлечением наших профессиональных знаний и опыта обменяться мнениями о том, в какой мере обвинение Сергея Антонова и двух других болгарских граждан в соучастии в покушении на папу Иоанна Павла II является обоснованным и убедительным именно с юридической точки зрения.

Известно, что «непрофессиональное» мнение по этому делу складывалось на Западе под неприкрытым концентрированным нажимом средств массовой информации. Они почти все без исключения вели одну и ту же надуманную тенденциозную линию: социалистические страны — источник международного терроризма. Болгария — социалистическая страна, Антонов — гражданин Болгарии, следовательно, он виновен. Не правда ли, «убедительное» умозаключение? И такая, с позволения сказать, аргументация в течение почти четырех лет упорно внедрялась в сознание западного читателя, радиослушателя и телезрителя. Достаточно сказать, что с этой целью были переведены на европейские языки и изданы многотысячными тиражами клеветнические сочинения американцев К. Стерлинг и П. Хенци, непосредственно связанных с ЦРУ. Были также сняты два «документально-игровых» телефильма о заговоре против папы и написаны сотни статей, искажающих имевшие место реальные события в пользу «болгарской версии» покушения. Вот почему объективный разбор «улик» по делу С. Антонова представляется столь важным.

Все «доказательства», какие только можно было собрать по этому делу, сконцентрированы в обвинительном заключении, подписанном следственным судьей И. Мартеллой в конце прошлого года. С ведома итальянских властей оно стало достоянием средств массовой информации, широко комментировалось в разных странах, причем ему были даны разные оценки. Например, некий австралийский юрист полагает, что на основании собранных «улик» Антонова вполне могут признать виновным и осудить. Другие комментаторы, оценивающие западную судебную практику более оптимистически, утверждают, что подобный документ ни один суд не принял бы всерьез.

«ЛГ». А ваше мнение?

В. К. Если бы подобный набор «доказательств» пришлось оценивать мне, то, будучи судьей, я ни в коем случае не вынес бы обвинительного приговора. В деле Сергея Антонова возможно только одно справедливое решение: безусловное оправдание.

Конечно, могут сказать: вы рассуждаете с позиций советского правосудия, а ведь доказательства собирал итальянский следователь, и рассматривать их будет итальянский суд. А он руководствуется совсем иными мерками. Можно ли правильно оценить иностранный юридический документ? Какими критериями при этом следует руководствоваться?

Не этот вопрос в ответил бы так: объективную оценку дать можно, если взять за основу те общепризнанные нормы права и справедливости, которые существуют во всех цивилизованных странах и признаются международным сообществом. Я уж не говорю о том, что Рим — «колыбель» европейского права, и у нас нет оснований «делать скидку» итальянскому правосудию, как можно было бы поступить, например, применительно к стране, лишь недавно вставшей на путь самостоятельного правового развития. Я согласен с известным французским ученым Рене Давидом, который писал, что как ни разнообразны правовые системы современности, все же «во многом среди них существует вопреки первому впечатлению определенное единство». С этих позиций можно оценить и ситуацию, которая сложилась по делу Сергея Антонова.

«ЛГ». Какие же принципы правосудия в этом деле нарушены?

В. К. К сожалению, очень многие. Прежде всего, обвинение не должно основываться на показаниях одного лица, к тому же заинтересованного в исходе дела. Я говорю о показаниях турецкого террориста Агджи: ведь, кроме его оговора, в деле, по существу, нет никаких других доказательств виновности Сергея Антонова и болгарских граждан Т. Айвазова и Ж. Василева, которые также проходят по этому делу.

Зам. председателя президиума Московской областной коллегии адвокатов М. А. Гофштейн. Оговор, то есть показания обвиняемого, изобличающие в совершении преступления другого обвиняемого по данному делу, — инструмент очень опасный. В силу заинтересованности «оговорщика» в исходе дела такого рода показания, как свидетельствует судебная статистика, таят в себе высокую вероятность необоснованных обвинений. Поэтому оговор в принципе считается сомнительным источником доказательств. Чтобы избежать судебной ошибки, практика не принимает оговор на веру без тщательной его проверки и установления других фактов, подтверждающих показания обвиняемого.

Что представляют собой показания Агджи с этой точки зрения? В ходе предварительного следствия он был допрошен 92 раза и при этом сделал по меньшей мере 103 заявления, которые им самим или следственным судьей были признаны ложными. Даже для видавших виды, умудренных опытом судей данный случай неслыханный. «Мое намерение, — заявил Агджа во время одного из допросов, — чтобы все выглядело запутанно, как приключенческий роман, чтобы газеты писали обо мне и чтобы никто не мог понять — правдивы мои показания или нет...»

Действительно, на протяжении всего предварительного следствия он давал взаимоисключающие показания. Сначала утверждал, что действовал в одиночку. Через полтора года после преступления он стал клеветать на болгар, наговорив при этом такого, что сам же вынужден был, хотя бы частично, отказаться от показаний, явно противоречивших фактам. Так было, например, с показаниями о его знакомстве с женой Сергея Антонова. Поскольку выяснилось, что знакомство состояться не могло, ибо Росица Антонова находилась в тот момент в Софии, Агджа признал, что «лгал для убедительности». Но и после этого он продолжал громоздить одну выдумку на другую.

При оценке правдивости показаний оговорщика важное значение имеет установление мотивов оговора. Какими же мотивами руководствовался Агджа? Он не скрывает их. Осужденный к пожизненному заключению, он кровно заинтересован в смягчении своей участи. Действующий в Италии закон о раскаявшихся террористах сулит ему смягчение наказания за «разоблачение пособников». И Агджа, которому нечего терять, «разоблачает» изо всех сил. Следствие же принимает эти показания за чистую монету.

«ЛГ». В недавнем интервью итальянскому телевидению Агджа прямо заявил: «Я выполнил просьбу итальянских властей, теперь и им пора выполнить свое обещание и помочь мне освободиться...».

Кандидат юридических наук А. И. Лубенский. К этому надо добавить, что на последних допросах Агджи перед окончанием предварительного следствия ему было разъяснено: если суд признает, что он ложно оговорил других лиц, неосновательно обвинив их в соучастии в покушении на папу Иоанна Павла II (иными словами, если Агджа вдруг откажется от своих клеветнических заявлений в отношении болгар), то он будет привлечен к ответственности за ложный донос и не сможет тогда рассчитывать на помилование его президентом республики. Тем самым Агджа был предъявлен своего рода ультиматум, практически означающий, что пути отступления для Агджи закрыты.

М. Г. Любопытно, что следственный судья даже не утверждает, что показания Агджи правдивы. Г-н Мартелла отводит себе скромную роль «бесстрастного пересказчика», которому вроде бы и незачем иметь суждение о каждом сообщаемом обстоятельстве, о его доказанности или недоказанности. Но за этим кроется отнюдь не беспристрастность, обязательная для судьи или следователя. Приводя все рассказни и домыслы Агджи без каких-либо комментариев, автор обвинительного заключения создает видимость того, что работа, проделанная следствием, дала зримые плоды и привела к установлению важных фактических данных.

Но это совершенно не соответствует действительности. Ведь никаких других доказательств не собрано. Судя по прессе, в деле нет ни одного письменного документа, исполненного обвиняемыми болгарами, который свидетельствовал бы об их участии в преступлении или о знакомстве с Агджой. Более того, в нескольких письмах и записках, написанных собственноручно Агджой и изъятых у него при задержании, а также обнаруженных в его комнате, где он провел три дня перед покушением, не только не упоминаются его болгарские «сообщники», но и содержатся данные, противоречащие всей «болгарской версии». Об этом в постановлении следственного судьи нет ни слова.

В деле отсутствуют вещественные доказательства, которые уличали бы Антонова, Айвазова или Василева в совершении преступления. Нет ни одного (ни одного!) свидетельского показания, подтверждающего связь болгар с

СОЕДИНЯТЬ ЛЮДЕЙ

У полки с переводами

Я. ЗАСУРСКИЙ ЛЕТОПИСЦЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Издательство «Прогресс» выпустило десять книг из серии «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза». География этой серии широка: Соединенные Штаты Америки представлены Эрнестом Хемингуэем, Альбертом Рисом Вильямсом и Фрэнсисом Скоттом Фицджеральдом; Франция — Андре Моруа и Жаном Ришаром Блоком; Англия — Гилбертом Китом Честертоном; Япония — Такэси Кайко; Куба — Алехо Карпентьером; Чехословакия — Ярославом Гашеком и Мирославом Ивановым.

Писатели, широко известные в мире и чрезвычайно популярные в нашей стране, авторы замечательных художественных произведений, здесь предстают в новом качестве — публицистов и журналистов. Впрочем, одна из особенностей литературы XX века — ее связь с журналистикой. Об этом говорит Алехо Карпентьер:

«Часто в течение моей уже долгой жизни я наблюдал попытки неправомерного разграничения между теми, кто зовется журналистами, и теми, кто зовется романистами или историками... Я всегда считал, что невозможно делать различие между этими занятиями потому что, по-моему, журналист и писатель неразделимы».

Журналист для Алехо Карпентьера — это «летописец своего времени», «писатель, который идет по пятам события, каждодневно исследуя живое».

Действительно, в каждой из десяти книг мы чувствуем биение жизни, пульс XX века. Героическое время революции исследуют Ярослав Гашек и Альберт Рис Вильямс — свидетели и участники великого победоносного Октября. В книгу Ярослава Гашека «Примеры из жизни» вошли его статьи, опубликованные в советской печати. В книге Альберта Риса Вильямса «Жизнь доказала нашу правоту» мы читаем «Путешествие в революцию», «Ленин. Человек и его дело».

Книги разнообразны по своему характеру: дневники, письма, мемуары. Произведения писателей — наших современников провозглашают ответственность художника перед обществом, горьковское понимание писательского долга.

Это особенно наглядно выражено в прекрасном томе Жана Ришара Блока «Ответственность таланта». Здесь собраны лучшие образцы публицистики замечательного французского писателя, друга советского народа, коммуниста. Книге предпослано яркое предисловие В. Н. Седых «Публицистика, написанная кровью сердца». Выход в свет этой книги совпал со столетием со дня рождения Жана Ришара Блока и еще раз подтвердил жизненность и непреходящую ценность его публицистических произведений.

Проблемы места писателя в жизни, отношения писателя к современности особенно полно отражены в книгах Андре Моруа «Надежды и воспоминания», Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Портрет в документах», Гилберта Кита Честертона «Писатель в газете».

Борьба против нацистской чумы — центральная тема книги чехословацкого публициста Мирослава Иванова, рассказывающего о трагедии Лидице, о традиции Фучика, проникнутой благородным и страстным антифашизмом.

Летопись современности включает в себя и осмысление нынешнего этапа развития капитализма, его противоречий и порождаемых им трагедий. Книга японского писателя Такэси Кайко «С высоты Токийской башни» показывает трагедию жизни человека в условиях так называемого «японского экономического чуда». Его оценки точны и афористичны: «Надо серьезно подумать о возможности измерения уровня жизни современной Японии по количеству отбросов. Мы все кричим: «Больше рост! Больше рост!» А растут-то только высота зданий, цены да количество отбросов».

Публицистическим пафосом пронизан очерк «Сто миллионов самоубийц», в котором автор отвечает на вопрос, «как ощущают на себе японцы индустриализацию Японии?».

Интересно авторское примечание: редакция американского еженедельника «Нью-Йорк таймс мэгэзин», заказавшая очерк, рукопись не приняла, сообщив, что слишком уж все написанное автором смахивает на то, что происходит в Америке. «Я же из этого сделал вывод, — заключает Такэси Кайко, — что это как раз и свидетельствует о чрезвычайной остроте и актуальности проблемы».

Издательство «Прогресс» назвало свою серию «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза». Действительно, каждая книга этой серии — писательский и человеческий документ, помогающий увидеть современный мир глазами зарубежных мастеров слова.

Так уж случилось, что в книге Э. Хемингуэя опубликован его репортаж из Генуи для газеты «Дейли стар» от 24 апреля 1922 года «Судьба разоружения», где рассказывается о выступлении Г. В. Чичерина с предложением о всеобщем разоружении, а в книге Ярослава Гашека — его статья в газете «Руде право» от 23 апреля 1922 года под названием «Генуэзская конференция и «Народни листы», где разоблачаются клеветнические нападки буржуазных чешских журналистов на Советскую Республику, на ее миролюбивую политику и на представителя Советского Союза на Генуэзской конференции Г. В. Чичерина. Веление времени заставило двух замечательных и таких разных писателей — Ярослава Гашека и Эрнеста Хемингуэя — писать о разоружении.

В. И. Ленин, основатель нашей советской журналистики и публицистики, писал в статье «Революционные дни» 31 января 1905 года, отвечая на вопрос, что происходит в России:

«Мы должны делать постоянное дело публицистов — писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий...»

Десять вышедших книг помогают глубже понять историю современности — в этом смысл серии.

Книги прекрасно оформлены и иллюстрированы. Хорошо продуман справочный аппарат — комментарии, именной указатель.

Изданные даже столь большими тиражами — от 50 до 200 тысяч экземпляров книги быстро нашли своего читателя, который с интересом ждет новых выпусков этой актуальной и важной серии.

Серия «Зарубежная художественная публицистика и документальная проза». Издательство «Прогресс». М. 1983—1984.

Хорхе Ауис БОРХЕС

Праведные

Тот, кто возится в саду, как призывал Вольтер.
Тот, кто рад, что на свете есть музыка.
Тот, кто с удивлением узнает одно из значений.
Двое служащих в кафе на Юге,
молчаливо играющих в шахматы.
Гончар, обдумывающий цвет и форму.
Печатник, старательно компонующий эту страницу,
которая ему, возможно, не нравится.
Женщине и мужчине, читающие
финальные терцеты какого-то текста.
Тот, кто ласкает спящее животное.
Тот, кто рад, что был Стивенсон.
Все эти люди, забывающие о себе, спасают мир.

Соучастник

Меня распинают, и я — крест и гвозди.
Мне протягивают чашу, и я — цикута.
Меня обманывают, и я — неправда.
Меня сжигают, и я — пекло.
Хвала и благодарность каждому мигу.
Моя пища — всё.
Точный вес мироздания, унижение, радость.
Я оправдываю то, что меня ранит.
Не имеет значения мое удача, мое неудача.
Я — поэт.

Шифр

Немое дружество луны (я плохо
цитирую Виргилия) тебя
в твоем сознании сопровождает
с той самой ночи, погребенной ныне
во времени, с тех сумерек далеких,
когда твои уставшие глаза
в саду или дворе испепеленном
навек запечатлели шифр луны.
Навек! Я знаю, кто-нибудь однажды
сурово скажет: «С этих пор вовек
ты не увидишь ясную луну.
Исчерпался небесконечный ряд
возможностей, отпущенных судьбою.
Все окна мира отвори — ты с ней
отныне встретиться не сможешь. Поздно.
Так открываем мы и забываем
ночную эту — нежную — привычку.
Вглядись. А вдруг не будет больше лун!

Перевел с испанского Павел ГРУШКО

Хорхе Луис Борхес. С одной стороны, очевидно, сам творческий его метод неизбежно будит в читателе бурные и противоречивые чувства. «Я вожу его книги с собой, я читаю их ежедневно,— признается Габриель Гарсиа Маркес, тут же добавляя: — Я ненавижу этого писателя... Но меня очаровывает скрипка, на которой он играет то, что хочет выразить». С другой стороны, немалую и недобрую роль сыграли здесь и те эпицентричные заявления реакционного толка, которые в прошлом делал Борхес по иным злободневным вопросам современности и которые вызывали справедливое негодование со стороны прогрессивных писателей во всем мире, и прежде всего в самой Латинской Америке.

Все это осталось в прошлом. Восьмидесятилетний Борхес в одном из последних интервью итальянскому журналу «Панорама» говорит о своей ненависти к войне, тирании и террору, называет себя «не политиком, но человеком этики, не записавшимся ни в одну партию, но разоблачающим зло, царящее на латиноамериканском континенте».

Свой путь в литературу Борхес начинал как поэт. Однако в последние десятилетия писатель явно предпочитает стихам прозу. Это отнюдь не означает, что он перестал быть поэтом. Пожалуй, именно в прозе рельефнее всего реализовался его поэтический дар: умение найти единственно нужное слово, придать каждой фразе, каждому фрагменту сквозной фонический, смысловой и ритмический рисунок, особым образом замкнуть и переплести сюжетные линии, чтобы текст в целом приобрел характер интеллектуальной, многозначной метафоры. Может быть, именно поэтому он избегает крупных прозаических форм, предпочитая им компактный рассказ-стихотворение. И это в разгар бума, вызванного новым латиноамериканским романом! Но, как заметил известный мексиканский писатель Карлос Фуэнтес, «без прозы Борхеса просто-напросто не было бы современного испано-американского романа».

«У него есть одна лишь тема, один предмет исследования — человеческий дух, его единство и многообразие», — пишет известный советский испанист Инна Тертерян в предисловии к сборнику Борхеса «Юг», увидевшему свет на русском языке в Библиотеке журнала «Иностранная литература».

И тут самое время с благодарностью упомянуть тех, кто подготовил к изданию в конце прошлого года две прозаические книги Борхеса: уже упоминавшийся сборник «Юг» и представительный том «Прозы разных лет» аргентинского писателя в переводах М. Былинкиной, Б. Дубина, Е. Лысенко, В. Кулагиной-Ярцевой, А. Фридмана.

Насыщая повествование элементами реальной хронологии и точно выписанными деталями повседневности, Борхес тем не менее заставляет своих героев мыслить и совершать поступки не в привычном и осязаемом каждым из нас мире окружающей действительности, а в атмосфере вымысла, порожденного деятельностью человеческого разума на протяжении всей его истории, в пространстве, заполненном воздухом человеческой культуры, в своего рода «ноосфере». Сам он так писал по этому поводу: «Я думаю, что люди вообще ошибаются, когда считают, что лишь повседневное представляет реальность, а все остальное ирреально. В широком смысле страсти, идеи, предположения столь же реальны, как факты повседневности. Я уверен, что все философы мира влияют на повседневную жизнь».

...Растворяются в потоке времени тленные и мелочные страсти, остается лишь мучимая вечными загадками душа, которая — по Борхесу — вновь и вновь возрождается во взрослеющих и познающих себя поколениях... Подобно этому, осыпается и прах преходящего и случайного с творческого наследия Борхеса и остаются с нами его глубины, в которых отразилась вся сложность жизни. Показательны в этом смысла и недавние высказывания самого писателя: «Главнейшая задача литературы состоит в том, чтобы соединять людей. Долг писателя — добиться, чтобы его слово обрело эту способность, эту силу; иначе его творчество окажется лишь бесцельной игрой тщеславия, игрой в сопряжение словес...»

Сергей ГОНЧАРЕНКО

1 ИЮНЯ — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

УЛИЧНЫЙ АД

«Сегодня самой трудной проблемой в Бразилии является проблема детей, живущих на улице» — так писал недавно французский еженедельник «Вандреди-Самди-Диманш» в статье, посвященной документальному фильму Алена Ретсена и Мишеля Рафуля «Тротуары нищеты».

Миллионы бразильских детей в возрасте от 5 до 16 лет не имеют крова над головой, выброшены нищетой на улицы, обречены на беспросветные страдания, голод и нищету. Судя по приведенной статистике, за три последних года число детей, покинутых родителями или ушедших из дома, увеличилось на 90 процентов.

— У детей, обитающих на улице, выбор прост — просить милостыню, подрабатывать на случайных работах, воровать или заниматься проституцией. Их единственная мораль — любым способом добыть пропитание на сегодняшний день, — рассказывает бывший воспитанник детского приюта «Febem», принимающего под свой кров детей-бродяг. За этим благотворительным учреждением, которое представляет собой своего рода гибрид сиротского дома и исправительной колонии, уже давно закрепилась репутация «школы преступности». Здесь царит железный закон: сильные глумятся над слабыми, пытают, избивают, насилуют...

Но по сравнению с голодом и абсолютной беззащитностью детей на улице сиротские дома, как утверждают их сотрудники, все же убежище, «чистилище по сравнению с уличным адом». Ибо на улице опасности подстерегают детей повсюду: и в среде «своих», таких же бездомных и обездоленных сирот, и среди взрослых, объявивших беспощадную войну уличным детям.

Типичный путь детей навстречу уличному аду таков: родители, гонимые голодом, переселяются из одного района в другой в тщетных поисках работы. В многодетных семьях старшие дети сами отправляются на улицу на заработки: продают лимоны, арахис, полиэтиленовые мешки, а если работы нет, начинают воровать или... обирать слабых. Чтобы выжить и устоять перед более сильными, дети объединяются в шайки. И большинство безвозвратно погружается на «дно». Они становятся преступниками, наркоманами, нередко — убийцами. Вырваться из этого порочного круга удается лишь немногим. У остальных мало шансов даже на то, чтобы стать взрослыми. «Если с ними не расправятся соперничающие банды, их наверняка доконают наркотики и приведут в лучшем случае на больничную койку, в худшем — в морг», — говорят авторы фильма, которые не в состоянии дать ответ на вопрос, каково будущее этих малолетних жертв нищеты.

В. ЖУКОВА

Антонова не доказана

Агджой или другими предполагаемыми участниками заговора. Наоборот, имеются показания, опровергающие домыслы Агджи. Они были даны другими обвиняемыми по делу — турками. Ни один из них ничего не знает о какой-либо причастности болгарских граждан к преступлению, совершенному Агджой.

Нет ни одной улики, которая подтверждала бы, что предметы, необходимые для совершения преступления, — оружие, деньги и т. п. были добыты Агджой при содействии болгар. Наоборот. Установлено, что пистолет, которым воспользовался преступник, был доставлен ему турецким гражданином Багчи, проживавшим на Западе и привлеченным к ответственности по этому делу. К Болгарии он никакого отношения не имеет.

Кандидат юридических наук **А. С. Никифоров.** По существу, все косвенные улики по делу исчерпываются четырьмя фактами: 1) два фотоснимка, сделанных на площади Св. Петра американским туристом Л. Ньютоном; 2) показания свидетелей — граждан США о том, что они видели пистолет в руках убегавшего с площади молодого человека; 3) имевшиеся у Агджи записи телефонных номеров Антонова и Василева; 4) описание Агджой внешности и привычек болгарских граждан.

«ЛГ». Пожалуйста, изложите это подробнее.

А. Н. Агджа были предъявлены две фотографии, на которых виден молодой человек, снятый со спины. По его позе можно судить, что он убегает. Агджа заявил: «Это определенно Сотир Колев» (под таким именем Агджа «знал» Тодора Айвазова). Это заявлено в ходе допросов 28—30 октября 1982 года, когда Агджа впервые стал говорить о причастности к покушению на папу болгарских граждан. Однако 12 декабря 1982 года Агджа изменил свои показания и заявил, что это Орал Челик. В обвинительном заключении специально отмечается как одно из «важнейших доказательств участия Челика в покушении на папу» факт опознания его по фотографии, сделанной американцем Л. Ньютоном, как самим снимавшим, так и свидетелями Е. Ньютон и Д. Джонсон.

На допросе, производившемся в США по требованию следственного судьи Мартеллы, «свидетели из США», находившиеся в толпе, окружавшей папу в момент покушения, указали, что, кроме Агджи, они видели на площади и другого молодого человека с пистолетом. Кого именно? Американская журналистка Клэр Стерлинг писала (1983 г.), что, по показаниям Ньютона, у убегавшего с площади молодого человека в руках тоже был пистолет. И все. А соотечественник Клэр Стерлинг Пол Хенци пишет (1983 г.) даже не об одном, а о нескольких лицах, сфотографированных в момент их бегства с площади, как о людях «средиземноморского типа», по слухам — турках. Сделав предположение, что это могли быть Мехмет Шенер, Омер Ай и Орал Челик, Хенци спрашивает: «А не вероятнее ли, что это был Айвазов?»

Не надо быть юристом, чтобы понять, что в данном случае ни одна из этих гипотез не может считаться доказанной по той простой причине, что она не исключает и других.

Что касается якобы известных Агджа номеров телефонов болгарских граждан, то вначале он утверждал, будто бы ему их сообщил Бекир Челенк, затем — что «Петров» (Василев). Однако на допросе 28 июня 1983 года он признал, что узнал эти номера из телефонной книги во время следствия.

А. Л. Между прочим, во всех случаях, когда телефонные разговоры Агджи были зарегистрированы или подслушаны итальянской полицией, его собеседниками были отнюдь не болгары, а исключительно турки, живущие в ФРГ, Швейцарии и других странах, представители крайне правых турецких организаций, связанные с гангстерским подпольем.

А. Н. Коснемся также «улик», основанных на описании Агджой внешности болгарских граждан. Они сводятся к следующему. Антонов «иногда носил бороду». Правда, непонятно, каких полезных для себя результатов он мог от этого ожидать, работая в общедоступном отделении авиакомпании «Балкан».

Агджа заявил, что они говорили с Сергеем Антоновым по-английски. Но ни тот, ни другой не знали английский язык настолько, чтобы говорить на нем. Об этом имеются показания ряда свидетелей.

Агджа отметил тот факт, что Сергей Антонов за рулем автомашины всегда надевает очки, назвал некоторые его привычки. При допросах в тюрьме Антонов лично подтвердил каждую из этих подробностей, вплоть до точно указанных Агджой магазинов, где Антонов часто покупал небольшие бутылочки вина для коллекции.

Наконец, Агджа описал квартиру, в которой жил Сергей Антонов. Правда, выяснилась характерная деталь этого описания — Агджа говорит о раздвижной деревянной двери в квартире у Сергея Антонова. Такая дверь есть в пустующей квартире этажом выше, но не в антоновской (на самом деле в дверном проеме висит занавес). Не случайно на допросе 26 июля 1983 года Агджа был вынужден признать, что «некоторые сообщенные им подробности, может быть, были неточны».

Точны или неточны, остается нерешенным вопрос: где первоисточник его информации и почему Агджа заговорил об этих деталях только в октябре 1982 года? Гипотезы две: 1) Агджа знал о них потому, что действительно был знаком с Антоновым, Айвазовым и Василевым до 13 мая 1981 года; 2) Агджа познакомился с этими деталями только на предварительном следствии. По всему, что сейчас известно об Агдже и о деле в целом, вторая гипотеза представляется гораздо более убедительной. Еще важнее то, что ни одна из них не исключает другую.

А. Л. Я хотел бы добавить к только что сказанному, что для снабжения Агджи «необходимой» информацией были созданы и соответствующие технические условия. Приведу лишь один факт. Итальянский журнал «Эспрессо» опубликовал в январе 1983 года серию статей под заголовком «Угадай, кто явится в камеру» — о контактах Агджи в тюрьме. «Эспрессо», между прочим, сообщил, что в камере Агджи был установлен телевизор с кабельным каналом связи, по которому можно было просматривать не только различные регулярные телевизионные программы, но и специальные передачи любого содержания: тексты, изображения, серии фотоснимков и т. п. Что ж тут удивляться его осведомленности?..

В. К. Вы, Александр Сергеевич, много занимались англосаксонским правом. Как расценивались бы такого рода улики в этой правовой системе? Можно ли на их основании вынести обвинительный приговор?

А. Н. Конечно, нет. В английском праве достаточным признается доказательство, столь убедительное, что любой разумный человек решит спорный вопрос, опираясь на это доказательство. Как же можно признать убедительными факты, если буквально по любому из них есть минимум два различных и при этом не исключающих друг друга истолкования? Сошлюсь опять-таки на очень мудрое положение, которое имеется на этот счет в английском праве. Присяжные, хотя бы они и пришли по рассмотрении всех доказательств к выводу, что обвиняемый, вероятно, совершил инкриминированное ему преступление, не должны на основании этого вывода выносить вердикт о виновности, если они считают, что имеются достаточные основания и для вынесения противоположного решения.

Могут спросить, что это за «разумный человек» (а таковым предполагается судья или присяжный в любом суде), который решает, что достаточно, что недостаточно, и пр. В одном американском учебнике по уголовному процессу я прочитал: это определяется «в соответствии с общежитейским опытом человечества». Сказано несколько высокопарно и туманно, но по сути верно. Постулаты житейской логики, здравого смысла — вот критерий, которым должен руководствоваться в своих оценках и решениях разумный средний человек в любой точке земного шара.

По каждому из предъявленных по делу Сергея Антонова «объективных фактов» есть, как уже говорилось, минимум два различных и при этом не исключающих друг друга истолкования. Следовательно, каждое из этих косвенных доказательств столь мало убедительно, что никакой разумный человек не решит спорный вопрос, опираясь на такое доказательство. И в своей совокупности они не образуют нерасторжимой цепи косвенных улик, которая могла бы послужить основанием для вывода о виновности при отсутствии обоснованного в том сомнения.

В 1947 году английский судья Деннинг сказал: «Не требуется несомненности, однако должна быть высокая степень вероятности». Но даже этого совершенно нет в деле Сергея Антонова. Если руководствоваться стандартами англо-американского уголовного процесса, то можно сформулировать такой вывод: имеющиеся против Антонова, Айвазова и Василева косвенные улики недостаточны, следовательно, вина их не доказана, следовательно, они невиновны.

В. К. На мой взгляд, можно сказать и о несоответствии данного обвинения международным стандартам, которых придерживается большинство государств — членов ООН.

Доктор юридических наук **Э. Б. Мельникова.** В самом деле, Италия подписала и ратифицировала международные Пакты о правах человека (1966 г.), Европейскую конвенцию по правам человека (1950 г.) и другие документы. Значит, Италия и ее государственные органы (полиция, суд) связаны предписаниями международно-правовых норм и не должны их нарушать. А по делу Антонова такие нарушения очевидны.

В международном Пакте о гражданских и политических правах (ст. 14, п. 1) и в Европейской конвенции по правам человека (ст. 6), между прочим, говорится, что каждый имеет право на справедливое разбирательство его дела. Какая же здесь справедливость? Сергей Антонов находится под стражей более двух с половиной лет на основании оговора осужденного за особо тяжкое преступление Агджи, которого в то же время рекламируют в западной прессе и по американскому и западноевропейскому телевидению и изображают чуть ли не как раскаявшегося грешника. А Сергея Антонова и других болгарских граждан вынуждают доказывать свою невиновность.

В ст. 11 Всеобщей декларации прав человека записано: «Каждый человек, обвиняемый в совершении преступления, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет установлена законным порядком путем гласного судебного разбирательства, при котором ему обеспечиваются все возможности для защиты». Это же положение отражено в Пакте о гражданских и политических правах. А в ст. 6 Европейской конвенции по правам человека это положение сформулировано следующим образом: «Каждый обвиненный в уголовном преступлении должен считаться невиновным до тех пор, пока его виновность не будет доказана в соответствии с правом».

В. К. Старинная латинская пословица гласит: «Если живешь в Риме, живи в согласии с римскими обычаями». Трудно сказать, в ходу ли она сейчас на Тибре. Ведь именно римские юристы провозгласили, что цель правосудия — стремление к истине и справедливости. И вот теперь мы видим, как на глазах у всех нарушаются элементарные гарантии против необоснованных обвинений. Создается впечатление, что какие-то силы там оказываются подчас более могущественными, нежели веления закона. Именно они стараются направить ход данного дела по ложному пути. Но я хотел бы сказать, что есть еще одна сила — сила мирового демократического общественного мнения. Оно бескомпромиссно. Его оценка всех обсуждаемых нами событий будет и истинной, и потому справедливой.

МИРАЖ

Л. НОВОЖЕНОВ

РАССКАЗ

Вот тут мы и живем. Райончик, правда, отдаленный — из тех, что в бюллетенях по обмену жилплощади обычно просят не предлагать. Зато воздух хороший! Воздух у нас просто замечательный! Ну, что еще? Кинотеатр, универсам, аптека, химчистка, две парикмахерские... Шум электрички, гомон ребятни во дворе, скрип качелей, упругий звук, который хозяйки палками извлекают из огромных пыльных ковров...

Возвращаясь из булочной, Напраслин Ф. Я. обнаружил мираж. Мираж выбрал для себя не самое лучшее место — пространство между мусорными контейнерами и трансформаторной будкой. Напраслину он явился в виде «бьюика» цвета пережженной стали. Машина была длинной, почти плоской и красивой, как коробка шоколадных конфет.

Напраслин подошел к миражу и дотронулся до него рукой. Ладонь ощутила прохладное прикосновение металла. Нет, пожалуй, она была красива, как яркая почтовая марка, напоминающая о чужих далеких землях, об экзотических городах, о людях, не похожих на нас с вами.

Дома Напраслин выложил хлеб и объявил:

— Сейчас шел и вижу — иностранная машина стоит. Возле трансформаторной будки.

— Да? — равнодушно спросила жена.

— Марки «бьюик», — сказал Напраслин.

— Постоит, постоит и уедет, — сказала жена и спрятала хлеб в большую эмалированную кастрюлю.

Напраслин подошел к окну. Прямо под ним, совсем близко, росла рябина. Напраслин высунулся из окна и сорвал гроздь ягод.

Каждая из них была снабжена черным крестиком, словно пуговица, пришитая к черенку суровыми нитками. Напраслин положил ягоду в рот и сейчас же выплюнул.

— Пойду прогуляюсь, — бросил жене.

Машина находилась на прежнем месте и праздно лоснилась в лучах заходящего солнца. Целый табун лошадей скрывался под лакированной крышкой ее капота. Возле машины ошивалось несколько подростков.

— А руками-то зачем трогать! — сделал замечание Ф. Я.

Подростки отодвинулись от машины.

— Дядь, а чего она такая низкая? Спортивная, да? — спросил один из них, рыжий.

— Да, спортивная! И если увижу еще раз, что кто из вас трогает, уши оборву!

Ф. Я. неодобрительно глянул в сторону мусорных контейнеров, повернулся на каблуках и зашагал к дому. Спиной он чувствовал завистливые взгляды подростков, видимо, признавших в нем сурового владельца транспортного средства.

— Вер, а она все стоит, — сказал, входя в квартиру.

— Кто? — спросила жена.

— Машина.

— Далась тебе эта машина. — жена широко зевнула. — Кто-то звонит. Подойди к телефону.

Звонил Борька. Он жил рядом, через три дома.

— Здорово, старик! Ты мне не звонил? — И не дожидаясь ответа: — Видал «бьюик»? Жар-птица!

— Слушай, — сказал Напраслин, — ты когда проходил мимо, не заметил случайно, там пацаны не шалят? Покрытие, понимаешь, поцарапать ничего не стоит, а потом мучайся. Где такой лак достанешь?

Ф. Я. одним духом произнес эти слова и сам удивился тому, что произнес. Буквально секунду назад ничего подобного у него на языке не было. Ах, не знает себя еще человек как следует!

— А тебе-то что? — подозрительно спросил Борька. — Твоя машина, что ли? Пусть у хозяина голова болит.

— Ладно, чего я прятки играть, — продолжая изумлять себя, сказал Ф. Я. — Помнишь, я тебе про своего дядьку рассказывал? Чудной экземпляр! Его машина в свое время купил, а теперь глаза слабеть стали, водить не может, да и куда старику ездить! Близких никого. Переписал колымагу на меня, владей, говорит. Я по глупости согласился. Обуза, признаться.

— А водительские права? — прошелестел Борька.

— Права у меня уже сто лет. Ты что, не знал?

— Не знал, — голос у Борьки был тусклый-тусклый. — Нин, а Нин! Слышишь, какая новость у нашего друга! — Борька что-то там такое объяснял своей Нинке.

— Напраслин! — закричала она, выхватив у мужа трубку. — Мы тебя поздравляем, Напраслин! Я так рада, ты себе не представляешь! Когда на пикник поедем?

— Да хоть завтра, — пробормотал Ф. Я., мысленно проклиная себя. «Ну что ты, дурак, мелешь? Совсем с ума спятил!..»

— Замечательно! — прокричала Нинка. — Проводим Борьку в командировку и поедем. Борька, ты слышишь? Напраслин нас на пикник приглашает!

— Мам, ну когда мы поедем? — заканючили их малолетний отпрыск.

— Замолчи! — прикрикнули на него. — Не видишь, машина сломалась, ее ремонтируют! Ты бы предложил ему свою помощь! — набросилась Нинка на мужа. — Стоишь, как столб.

— Тебе помочь? — спросил Борька.

— А чем ты мне поможешь? Ты же в автомобилях не разбираешься.

— Не разбираюсь, — как эхо, повторил Борька.

— Только мешать будешь. А я вам и так все планы спутал. Идите лучше домой. И не обижайтесь на меня.

— Что ты, Напраслин! — сказала Нинка, и голос ее зазвенел благородством. — Это ты нас извини. Навязались со своим пикником. Ну ничего, как-нибудь в другой раз. Не расстраивайся, все будет в порядке. Мы пойдем, не будем у тебя над душой стоять.

— Спасибо, ребята! — отозвался Ф. Я. — Конечно, идите. Я уж тут один.

Он видел их удаляющиеся ноги. Потом немного высунулся из-под машины, посмотрел наверх. Вверху плыли кучевые облака, ничего не подозревавшие о страданиях Напраслина Ф. Я.

Дома он долго стоял под душем и шептал: «Уезжай, машина, отсюда! Ну чего тебе здесь делать! Уезжай, а? Совсем уезжай!»

Но она не уехала ни назавтра, ни напослезавтра. В понедельник утром Напраслин встретился с Борькой на платформе: они ездили каждый на свою службу к одному часу, и на электричке было удобней всего.

Первый Борькин вопрос, разумеется, был о машине.

— Сам знаешь, как с запчастями. Тем более это тебе не «Жигули».

— Да, да, — закивав головой Борька. Тут подошел поезд, толпа подхватила их, швырнула в двери и разнесла в разные стороны. — Созвонимся! — крикнул через головы друг и соперник.

Машина уехала в воскресенье вечером. Услышаны были заклинания Напраслина Ф. Я. Он как раз рыскал вокруг, гипнотизируя автомобиль иностранной марки, когда к машине подошел мужчина и вставил ключ в замочную скважину дверцы. Лицом мужчина напоминал какого-нибудь герцога в изгнании, а, может Ф. Я. так просто показалось, уж больно необузданным воображением обладал он.

— Уезжаете? — спросил Ф. Я. робко.

— А вам-то что? — спросил мужчина. Он уже сел в кресло и взглянул на Ф. Я. подозрительно.

— Ничего, —. сказал Ф. Я. без обиды. — Я просто так. Очень у вас машина красивая.

— Красивая! — фыркнул мужчина. — Не верьте красоте. Красота — обман! — мужчина включил стартер, но машина не завелась.

— Значит, уезжаете? — повторил Ф. Я., забыв, что он уже задавал этот вопрос, в сущности довольно бессмысленный в данной ситуации. Но мужчина не рассердился на этот раз.

— Не то слово — уезжаю, — сказал он, — уношу ноги.

— А когда приедете? — спросил Ф. Я.

— А уж от этого прошу уволить, — сказал мужчина. — Сыт по горло! Хватит! — при этих словах машина завелась. — Не верьте красоте, уважаемый!

Герцог вдруг как-то потерял к Ф. Я. последние остатки интереса и захлопнул дверцу. Машина зашипела шинами по асфальту, как яичница, и исчезла.

Напраслину сделалось грустно. Почти две недели владел он машиной, и теперь у него ее не было. Он двинулся, не думая, куда идет, и вышел в зданию кинотеатра. Перед ним было безлюдно, последний сеанс уже начался. Рабочие меняли щит с рекламой фильма минувшей недели на новый. Его вытащили из огромной рамы, обращенной в парку, и сквозь пустой четырехугольник смотрели обнаженные деревья. Они извещали, что завтра опять будет осень.

А. ДМИТРИЕВ

В. ДУБОВ

ЧУДАКИ

А. ДМИТРИЕВ

"ДОБРОМУ УТРУ" — 25

Администрация «Клуба ДС» получила из достоверного источника информацию о том, что в мае текущего года исполняется 25 лет с того весеннего дня, когда в эфире Всесоюзного радио впервые прозвучала вступительная песенка в исполнении Марка Бернеса, положившее начало еженедельной воскресной радиопередаче «С добрым утром».

В связи с этим состоялся конфиденциальный и доверительный разговор между администрацией, с одной стороны, и заведующим отделом сатиры и юмора Всесоюзного радио, заслуженным работником культуры РСФСР Виталием Алёниным — с другой.

АДМ. Вашему «Доброму утру» исполнилось 25 лет. Для передачи это очень много! Однако широкая общественность не считает передачу постаревшей, по-прежнему любит ее и ждет. Как вам удалось добиться, что эта передача-долгожитель так молодо выглядит?

В. Ал. А мы приняли на вооружение рецепт, по которому жил герой романа Оскара Уайльда Дориан Грей. Помните, как он хитро устроился: всю жизнь оставался неимоверно молодым, обаятельным и красивым, а его возраст и все его многочисленные пороки отражались на его портрете, который он тщательно прятал от посторонних глаз. Вот так и мы: все огрехи и недостатки, равно как и почтенный возраст нашей передачи, отражаются на нас — тех, кто готовит эти выпуски. В этом легко убедиться, взглянув на мою седую шевелюру и горестные морщины на челе. А ведь 25 лет тому назад я был — вы не поверите — еще сравнительно молодым и, как говорила одна моя знакомая, сравнительно симпатичным. То же можно сказать и об Александре Столбове, народном артисте РСФСР, который тоже стоял у колыбели новорожденной передачи. А вот наши женщины-ведущие, вскормившие новорожденную своей... энергией, своим энтузиазмом — Виолетта Акимова, Наталия Сухаревич, Людмила Яковлева — как-то набежали лишние времена. Может, еще и поэтому передача по-прежнему молода и, как говорят люди, привлекательна.

АДМ. Что вас больше всего радует и больше всего огорчает в вашей тяжелой работе в легком жанре?

В. Ал. Начну с ответа на вторую часть вопроса. Нас очень огорчает, когда шутка, прозвучавшее в эфире, не доходит до отдельных, изредка встречающихся радиослушателей. Вот пример — выдержка из письма одного радиослушателя:

«Уважаемая редакция! На днях я услышал в вашей передаче шутку, которая вызвала у меня недоумение. Дело происходит в купе поезда. Один пассажир говорит другому: «Ваш чемодан вот-вот упадет мне на голову». Хозяин чемодана отвечает: «Не беспокойтесь, в нем нет ничего хрупкого. Даже если допустить, что в чемодане нет ничего хрупкого, то пассажиру, на голову которого чемодан свалится, от этого на станет легче и ему грозит травма. Разве это повод для шутки? Где же здесь юмор? Может быть, вы мне объясните?»

Объяснять мы не стали. Не нашли нужных слов. Зато очень огорчились. За нашего слушателя!

АДМ. А как обстоит дело с радостями?

В. Ал. Радостей у нас хватает. Мы радуемся, получая много добрых заинтересованных писем от наших слушателей. Мы радуемся, получая новые веселые рассказы от ведущих писателей — сатириков и юмористов. Мы радуемся, когда в передачах принимают участие лучшие комедийные артисты московских театров и эстрады.

АДМ. Ну что же, если иметь в виду специфику нашего общего с вами жанра, можно считать, что беседа прошла в дружеской и, безусловно, деловой сатирико-юмористической обстановке. Как и положено на юбилеях, администрация сердечно поздравляет... Одновременно с этим желает... И, конечно же надеется...

В. Ал. Вас поняли. Сделаем.

Бумеранг

Д-му, Ярославская обл. «Он не мог понять, почему Глене говорили с прононсансом».

Очевидно, Глена была проказунсница. Однако надо иметь в види, что с подобными выражениями можно сильно влипсуситься.

Х-су, Владимир «Держа в руках вилку, он трясся, глядя вдаль».

Получилось несколько неточно, расплывчато, так как Вы не указали, каков напряжение было в сети.

И-ву, Гагра «...потому, что больше года, потому что не Муму, потому что все проходит, потому что потому...»

Надо жить и надо верить, так как вследствие весьма, потому что входят в двери, так как горе от ума.

К-ку, Днепропетровск «У меня остросюжетный ум, и потому я ищу себе сюжеты...»

Нам показалось, что у Вас приключенческий ум и Вы ищете себе приключений.

Д-ому, Анжеро-Судженск Кемеровской обл. «Смею предложить вам на рассмотрение фразу».

Фразу рассмотреть не смогли. У Вас очень мелкий почерк.

Гостевая ложа клуба ДС

Сергей МНАЦАКАНЯН

Администрация «Клуба ДС» всегда стремилась (и часто небезуспешно) настроить серьезных поэтов на иронический (вплоть до шутливого) лад и привить им полезную мысль о том, что вовсе не обязательно шутя говорить нанно-то малозначущие глупости. Многие серьезные поэты откликались на призыв администрации, дебютировали в «Клубе ДС» и порой приживались в нем и публиковались неоднократно. Среди тех, кто публиковался на 16-й странице администрация рада назвать К. Ваншенкина, А. Вознесенского, О. Дмитриева, Ю. Друнину, Е. Евтушенко, Ю. Левитанского, М. Лисянского, Ю. Мориц, Н. Матвееву, Р. Рождественского, Д. Самойлова, В. Соколова, Л. Щипахину и т. д.

Трудно переоценить и нельзя недооценивать всю признательность администрации этим поэтам, которых снова мы приглашаем в гости на 16-ю страницу, а точнее — во вновь образованную для этого случая «Гостевую ложу «Клуба ДС».

Первый гость ложи — поэт Сергей Мнацаканян.

Уличное

Эта девочка в новой машине —
эта девочка с новым лицом.
эта девочка — вроде пружины
перед выстрелом или броском...

Светят губы нежнее черешен.
Взгляд небесной под стать синеве.
И — железно подсчитан и взвешен
мир в прелестном ее голове.

Увы...

Мои товарищи давнишние,
вы отрастили животы
берете длинные «больничные»
с начальством ладите на «ты».

Но загибает даже дерево,
когда в стихах стоит вода,
и главное душой потеряно,
что не вернется никогда...

Развод

...И вскорости после развода,
размена и прочих вещей
пошла что есть силы работе
по части раздела вещей...

— Делите заморские шмотки,
фирмовые джинсы, судки
блаженство и 3 сковородки
+ таинство вашей судьбы...

Делите на холст и на раму
картину чудесную ту,
делите на фарс и на драму
достоинство и красоту.

Делите вишневые ветки
в саду, когда были нежны,
надежды и два пятилетки,
что минули, да не нужны.

Придирчивой всяких ревизий
делите с резинутым ртом,
делите цветной телевизор —
рубите его топором!..

Кромсайте века прожитью
неведомо как и зачем,
считайте деньги золотые
и денег бумажную чернь.

Остатки хрустальных бокалов,
персидский палас по полам
и сотню семейных скандалов
делите как раз пополам!

Делите гардины и книги,
примите былое в расчет,
еще остаются верхи —
и их разделите еще...

В итоге останется только
полынная горечь в шкафу
и жизнь, пропитав настолько...
тьфу...

...И смотрит на это, моргая,
сыночек годочков семи,
и вот тесна мировая
в глазищах его, черт возьми!

Физика

Когда сойдешь с тропы лесной,
тебе навстречу, громко лая,
летит мгновенно пес цепной,
как бы реакция цепная...

И не промолвишь ничего,
уматывая без оглядки,
а вслед молекулы его
трипят в космосе беспорядке!

ФОТОТЕСТ

ЕДИНСТВЕННЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

— ТАК ПРЕДЛОЖИЛ НАЗВАТЬ ОБЗОР ОЧЕРЕДНОГО ТУРА ФОТОТЕСТА КАПИТАН МИЛИЦИИ ПЕТР ПРОКУДИН из Москвы.

Он предугадал множество ответов, авторы которых уловили в снимке

в «ЛГ», № 14 от 3 апреля не столько юмор, сколько животрепещущую проблему охраны окружающей среды. Ну что ж, юмор — это не только хиханьки да хаханьки, а та же самая жизнь, на которую удалось взглянуть под оригинальным углом. Были и другие симпатичные заголовки: «Щучин сын» — его предложили Д. ДАЙНОРА-ВИЧУС из Вильнюса и Мих. ФАМКИН из Ростова-на-Дону, «Научный метод рыбалки» (В. ОСНИС из Белгород-Днестровского) и «Клевый анекдот» (Л. КЛЕЙНЕР из гор. Горького).

Публикуя снимок С. Слепенкова, администрация просила конкурсантов предположить, какие подписи окажутся «массовыми». Около двух тысяч участников угадали такие варианты: «Разве вот щука рот, но не слышно, что поет», «По секрету всему свету», «Чего тебе надобно, старче?», «Я от Ивана Иваныча», «По щучьему велению», «Ждите ответа». Кроме «массовых», оказалось много (даже множество) подписей на тему предсказания номеров «Спортлото» и с просьбами ни вещей щуке сообщить, где достать запчасти и автомашинам, особенно и «Жигулям». Администрация «Клуба ДС» надеется, что руководители АвтоВАЗа прочтут эти строки и набавят автовладельцев от необходимости унижаться перед всякой щукой.

Тему «массовки» удачно завершил москвич Г. АЛЕНИЧЕВ:

Быть может,
Не зря я предложу
вариации
На тему
басню
«Щука и Емеля»!

Подписи и снимку поступили в огромном количестве. Администрация решила отметить такие: «Ваша жалоба о загрязненности водоема не подтвердилась» (Асем АТАНАСОВ, София, Болгария), «Маню килограмм лещей на полянке червей» (В. КНЫШ, Рязань), «Рыбный день в «Клубе ДС» (Конст. ЛЮДВИЧЕК, Харьков), «Там рождаются рыбацкие байки» (Валерий МОЖЕНКО, Сортавала Карельской АССР), «По дешевке могу предложить кронодила» (КАРЫМОВЫ, Электросталь), «Шеф! В квадрате «А» браконьеры» (Э. ВЕХ, Анадырь), «Ступай домой, будет тебе развод без раздела имущества» (С. ПОДАУВНЫЙ, Артемовск Донецкой обл.), «А вот был еще случай: возвращается марш из командировки, а его жена...» (Евг. БЕРДОВ, Челябинск), «Скажите нам проплыть в Атлантическому?» (Е. ЧОКЛЯ, Москва), «Иди домой, будет тебе новая старуха» (И. КАЦ, Свердловск и С. БУНЯЕВА, гор. Октябрьский Башк. АССР), «Критика снизу» (А. ВЕРШИНИН из гор. Уфы и З. ПИНСКИЙ из Ленинграда), «Скажите, пожалуйста, что значит «взрыбалить»?» (Т. Т., Ленинград), «Шучу-шучу» (Юрий БОРОДУЛИН, Мирный Якут. АССР), «Приятель, а как и ныне так?» (В. НОРДГЕЙМЕР, Дрезден, ГДР), «Милок, у тебя баллончика с кислородом не найдется?» (Анита и Симона ЛАНГНЕР, тоже Дрезден). А вазмую трогательную подпись предложил С. РУБИН из Вильнюса: «Человек сидит на карточках и делает вид, что слушает рыбу».

Изучением литконсультантами «Клуба ДС» тупли Игорь МАНЦОВ прислал стих:

Верю (душа
от предчувствий поет!),
чтобы помочь
молодому таланту,
ты неизвестна
мне мой
шепчешь замерзшему
литконсультанту.

Другие стихи:

Извлеки, Вань, из реки,
Жить в ней больше
не с руки.
Посади меня в ведро—
Съела химия нутро.

А. СТРУНИН (Москва)

А вот что понравилось из «Рогов и копыт»:

«Заступинская инспекция рыбнадзора установила прочный контакт с обитателями водоема. И теперь стоит только подойти к воде, как дежурная щука сообщает приметы нарушителей» (Олег ВАСИЛЬЕВ, Ленинград). Очень пакостную шпильку приклал и Вл. МИРОНОВ из Яншинева.

А теперь повитаем в облаках. Ленинградский полиграфист Василий ДРОЗДОВ пишет, что «Фототест» стал популярным конкурсом. Об этом же пишут еще несколько читателей, там думает и сама администрация. Но до сих пор нет награды победителям. Администрация «Клуба ДС» предлагает подумать, нужны ли такие награды, а если нужны, то какие?

И еще. Когда мы пишем, что подписи надо присылать на открытках, то это и значит, что их нужно присылать на открытках, а не письмами, а которые вложены открытки.

Предлагаем новую задачу. Срок отсылки ответов НА ОТКРЫТКАХ — десять дней после публикации.

Фото
М. ВИЛКОМИРСКОГО
(ВИЛЬНЮС)

Лаконизмы

● *Проснулся сам — разбуди свою совесть!*

● *Сколько ни поливай сорняк грязью, он все равно останется сорняком.*

Михаил ГЕНИН

● *Некоторые живут так и не приходя в сознание.*

● *Время не щадит тех, кто не щадит его.*

Ушанги РИЖИНАШВИЛИ
ТБИЛИСИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 20 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: Москва, Костянский переулок, 13. АДРЕС ДЛЯ ТЕЛЕГРАММ: Москва, К 45, Костянский пер., 13;
ДЛЯ ПИСЕМ: 103654, ГСП, Москва, К 51, Цветной бульвар, 30; справочный телефон — 200 24 17.

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, А. ГОЛОВЧАНСКИЙ, В. ГОРБУНОВ, Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Ю. ИЗЮМОВ (первый зам. главного редактора), Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, В. МОЕВ (отв. секретарь), Л. НОВИЧЕНКО, Ю. ПОРОЙКОВ (зам. главного редактора), О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—01877 Номер подписан к печати 27/V-85 г.

Типография «Литературной газеты»: Москва, Ц., Цветной бульвар, 30 Зак. 573 ИНДЕКС 50067